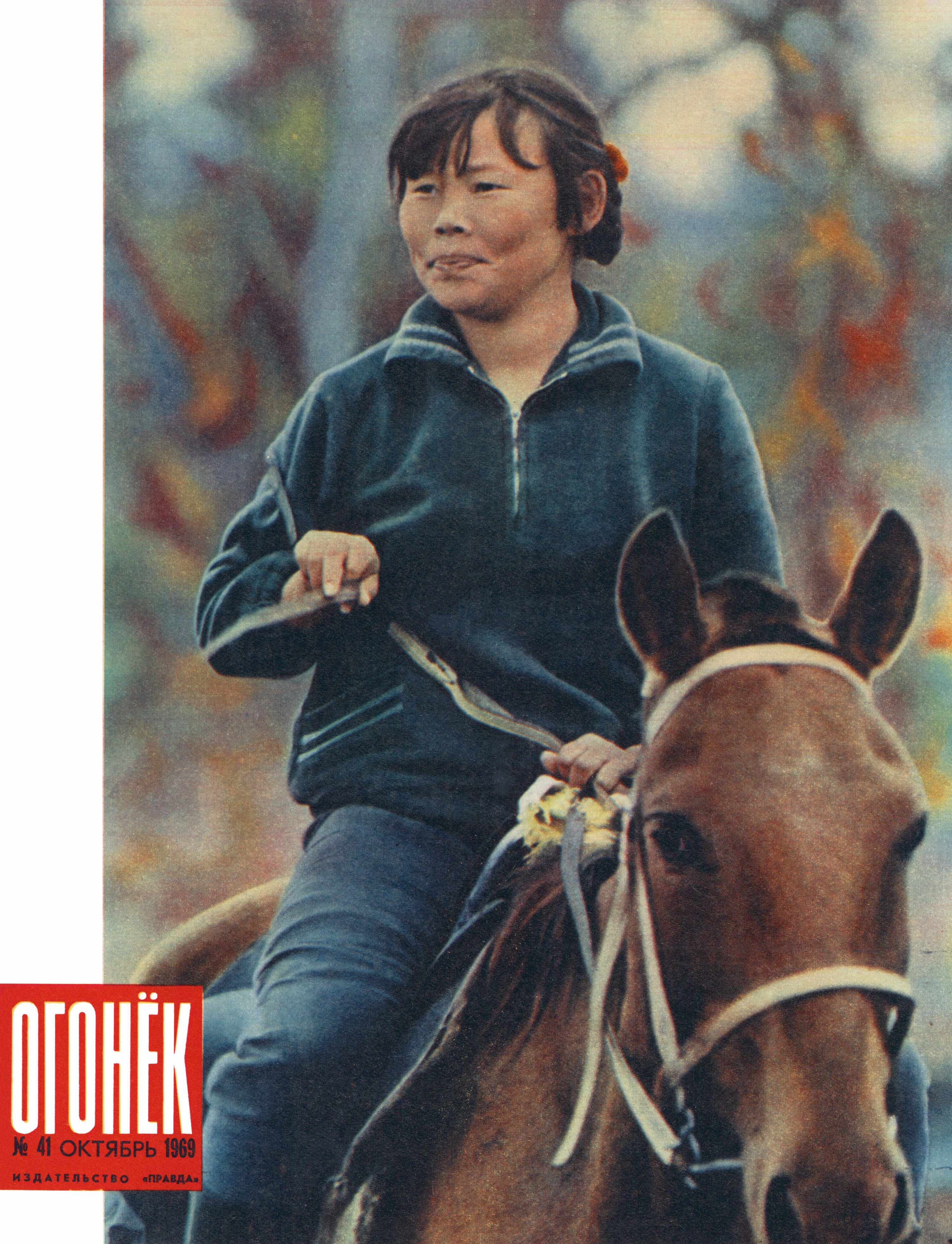
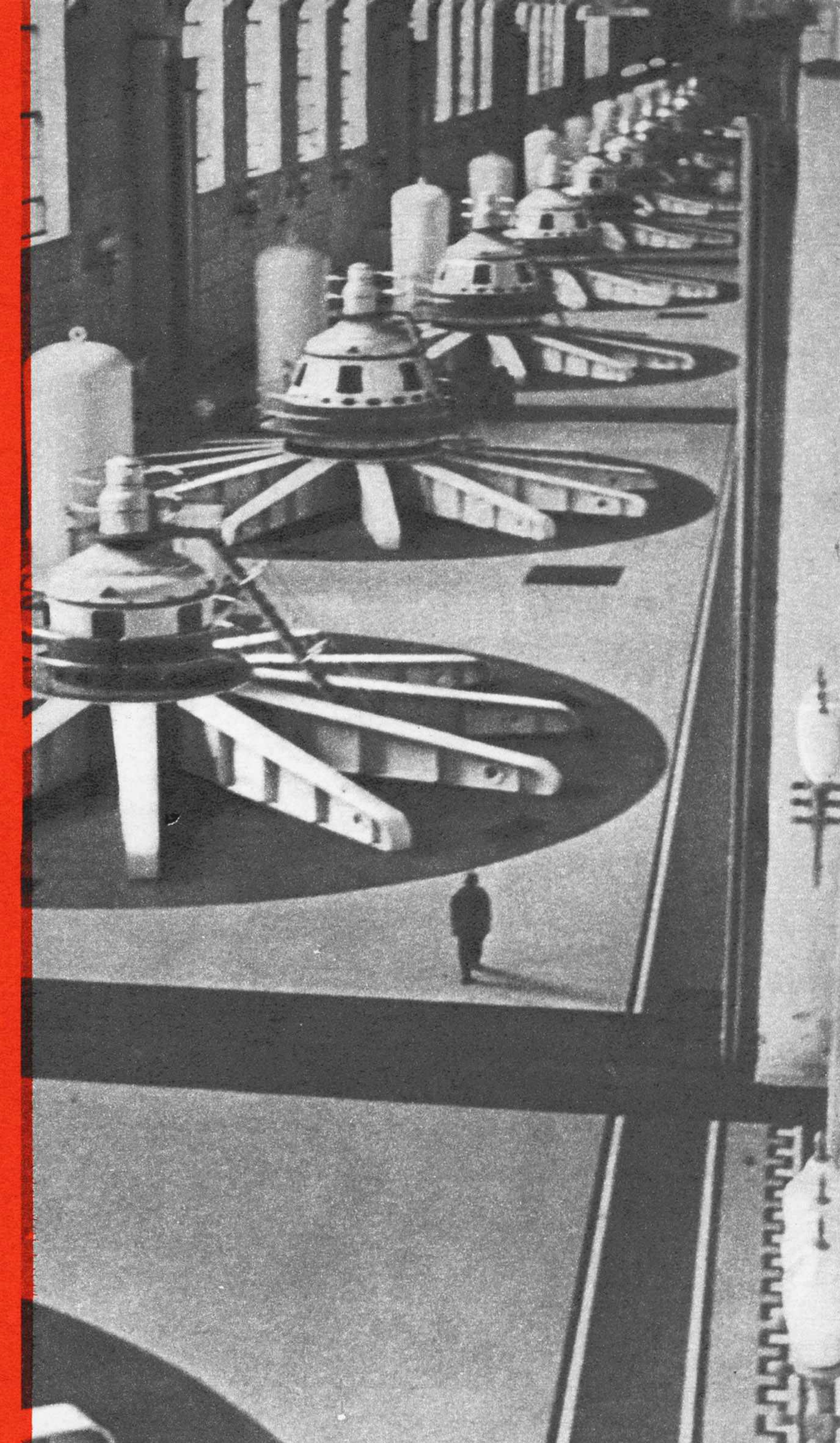
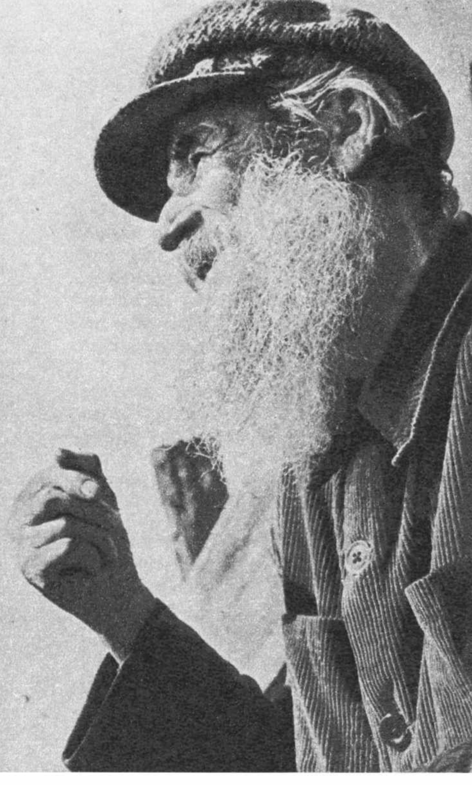

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Куйбышев. Памятник В. И. Ленину.



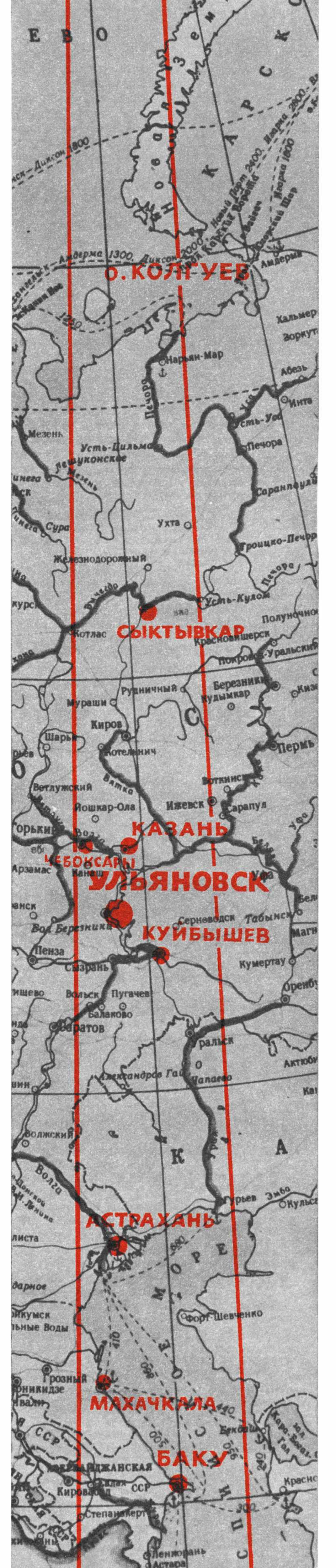
Турбины Волжской ГЭС имени В. И. Ленина.

«Жигулевский Артек».


Старейший ветеринарный фельдшер колхоза «Заря Поволжья» Петр Михайлович Иванов.

«Гамлет — хороший человек...»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ



Ю. Лушин

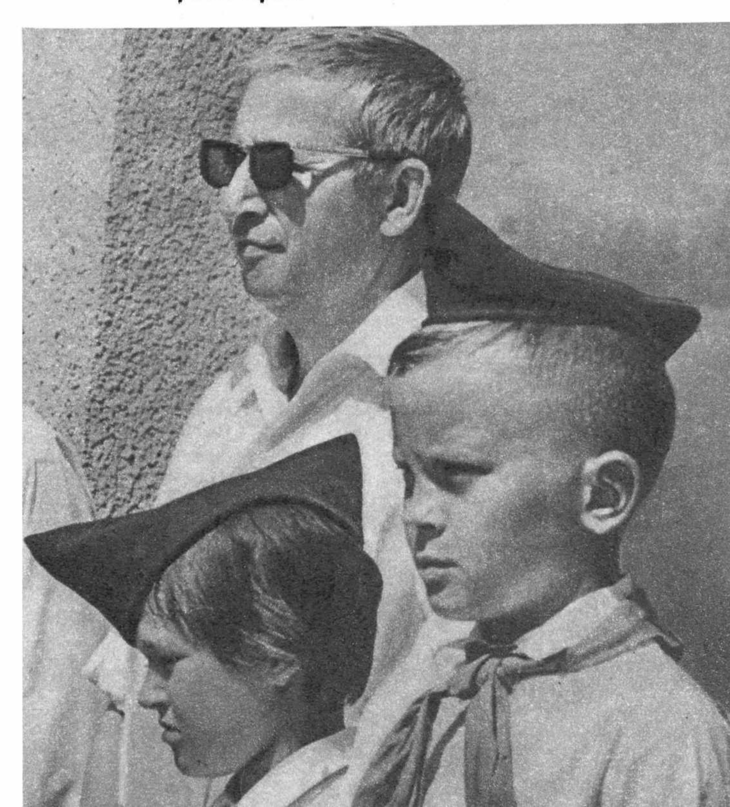
Фото автора.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ДВА МОРЯ

Ровно в 5 утра 8 мая 1890 года от Самолетской пристани в Самаре отошла весельная лодка с несколько легкомысленным названием «Нимфа». В лодке — шесть человек, и среди них два бывших студента, исключенные за участие в волнениях из Казанского университета; они вышли в плавание с довольно дерзкой целью — совершить кругосветное путешествие. Да, не удивляйтесь — кругосветное. Для этого путешественники должны были спуститься от Самары до местечка Переволоки. Здесь лодки волоком перетаскиваются в речку Усу, по ней попадают в Волгу прямо против уездного городишка Ставрополя и по течению снова приходят в Самару, на этот раз с другой стороны, с востока. Называется этот красивый поворот Волги Самарской лукой, народ по-своему — Жигулевской кругосветкой. Наверное, много таких кругосветок проделала самарская молодежь, но история занесла в свои анналы именно эту, майскую 1890 года, потому что одним из участников этой экспедиции был двадцатилетний юноша Владимир Ульянов. То путешествие было не прогулкой. Молодого Ульянова и членов революционного кружка Алексея Скляренко интересовала экономика волжских сел и процесс социального расслоения крестьянства.

Сегодня, почти через 80 лет, мы решили пройти маршрутом ленинской кругосветки...

Космонавт Константин Феоктистов в плену у пионеров.



КОНСКИЙ ДОКТОР

«Екатериновка. От Самары 55 верст. Число дворов 329, церковь. 1 учитель. 2-классная школа. 1 врач. Становой пристав. Мировой судья. Судебный пристав. Удельный надзиратель».

Из «Списка населенных мест Самарской губернии за 1890 год».

Старик Иванов бос, огромен и, как все сильные люди, в движениях несуетлив. Мне кажется, ему тесновато на крылечке дома, где мы сидим. Иногда его ручища легонько касается моего плеча.

— Ты кушай смородинку-то, кушай. Не покупал. Моего сада.

И так он это скажет, что отказаться — обидишь. Сам же, поглаживая серебряную лопату бородищи, продолжает неторопливо:

— В солдаты попал я, значит, в четвертом годе. Да. В русско-японскую, значит. Верно. Потом мировая первая, потом снова... И вот жив по сю пору,— словно удивится сам себе и замолчит надолго. Вспоминает. Может быть, Ивана, своего сына, девятнадцатилетнего лейтенанта медицинской службы, погибшего под Смоленском? Его имя выбито на строгих гранях обелиска в центре села в числе других двухсот земляков, погибших в Великой Отечественной войне. Жить бы им да жить... Или, может, о другом вспоминает?

Октябрьская революция застала старшего фельдшера Иванова в военном ветеринарном лазарете под Казанью. После известия о том, что власть в городе перешла в руки ревкома, к фельдшеру вдруг нагрянул сам начальник.

— Кони у вас в отменном порядке, Иванов,— начал он издалека.— Вы мастер своего дела. Но, видите ли, сейчас ваш труд никому не нужен. Большевики всех коней переведут на мясо. К счастью, есть люди, которым боевые кони нужны для спасения отечества. К тому же они хорошо заплатят. У нас с вами одна дорога... А сейчас надо срочно перегнать коней в надежное место.

Фельдшер молчал. Он не принадлежал ни к какой партии, но своим мужицким практическим умом понял: что-то коряво в гладкой дворянской речи. Он вспомнил солдата Федоткина. Поговаривали, что тот большевик. Федоткин ходил за конями лучше всех. Разве такой загубит коней?

Фельдшер все молчал, и начальник начал терять терпение:

— Ну, Иванов, я жду.

— Ждать нечего, господин начальник. Дороги у нас разные,— ответил тогда он.

— Скотина,—буркнул начальник, забыв о вежливости.—Повешу тебя первым, когда вернемся.

Они не вернулись. Они не могли вернуться, потому что Иванов и миллионы таких же, как он, не хотели этого. Фельдшер служил в красной кавалерии. Сибирская язва, сап, бескормица валили с ног целые эскадроны. Иванов боролся за жизнь каждого коня. После войны — деревня. Екатерининский ветеринарный участок. Первым смельчаком, который привел свою корову на общий двор артели «Чапаевский колхозник», был ветеринар Петр Иванов. А потом пришло время, и первый трактор, первый комбайн зарокотали на общих полях. Общее дело, общие успехи. Это были артели нового типа. Не те, о которых вел разговор молодой Владимир Ульянов с сельским торговцем Нечаевым здесь, в Екатериновке, в 1890 году.

— Как ослабить рост деревенской бедноты? — спросил торговца Ульянов.

— Ну, как ты ее ослабишь! Ведь вот зелье-то есть, а слабость нашу к нему никуда не денешь, а окромя того, пожары, недород, болезни — все одно к одному. Бедность не ослабишь.

— Ну, а если артели образовать? Артелью, говорят, можно бедность побороть? — поставил вопрос Владимир Ильич.

— Ха-ха-ха, артель, тоже скажут! У нас артель хороша, чтобы пяток-другой «монахов» (бутыль водки) раздавить. А для работ артель — дело неподходящее.

В таких вот встречах крепло убеждение Владимира Ульянова в том, что артельная форма хозяйства при частной собственности на землю — бессмыслица, что Россию способен повести вперед только новый, нарождающийся класс — пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством.

Партия большевиков претворила ленинские идеи в жизнь, и потому наступил сегодняшний день Екатериновки. В колхозном стаде, куда много лет назад привел свою Пеструху Петр Михайлович Иванов, сейчас 1 300 породистых коров, 4 000 овец, 800 свиней. На территории, которую обслуживал когда-то один Иванов, сегодня работают более 30 ветеринаров с высшим и средним образованием. А в самой Екатериновке целая ветеринарная лечебница.

Колхоз «Заря Поволжья» получает ныне миллионные доходы, на месте бывшей речушки Безенчук плещутся воды Саратовского моря. В селе два Дома культуры, фабрика бытового обслуживания, больница, школы, училище механизации, фабрика крученых изделий, поставляющая кабельную пряжу для всех предприятий Советского Союза. Каждый пятый дом смотрит телевизионные передачи из Москвы...

Солнце уже высоко, и пора прощаться. Напоследок я прошу Иванова сфотографироваться. А он вдруг встает и молча уходит в избу, и я не понимаю, что бы это значило. Появляется он через несколько минут, обутый и с тщательно расчесанной бородой. Но главное — на лацкане старого пиджачка сияет орден Ленина.

ПЕРЕВОЛОКИ

«70 верст от Самары. Дворов 101. Лиц обоего пола 647. Церковь. Три ветряные мельницы».

Из «Списка населенных мест Самарской губернии за 1890 год».

— Простите, вы когда-нибудь видели ветряную мельницу? — спросил я на лесоперевалочном комбинате у парня, который с завидной легкостью управлялся со связкой бревен. Правда, помогал ему в этой операции 120-метровый мостокабельный кран.

— Нет, а что? — отозвался он на мой вопрос между двумя выкриками «вира» и «майна». И посмотрел удивленно. Я засмеялся и пошел дальше. Вот оно как получается. А спроси этого парня о том, когда и как появился здесь лесоперевалочный комбинат, он не удивится. Появился — и появился... Что удивительного? Было пустое место, вырос комбинат, который за год переваливает с воды на железную дорогу 600 тысяч кубометров древесины. Привыкли. А в нескольких километрах от этого — другой. Железобетонных изделий. Если же подняться в гору, на шоссе, по которому непрерывно тянутся в Тольятти вереницы панелевозов и битумовозов, то сверху откроется удивительная картина. С одной стороны к холмам подступают воды Саратовского моря, с другой — на месте узенькой Усы, которую в жаркий день петух переходил вброд, поражая сердца хохлаток своей безумной храбростью, плещутся волны Куйбышевского моря. Оба моря разделяет перешеек шириной не более трех километров.

Ученые прикинули, что если через перешеек прорыть полукилометровой ширины канал и поставить в нем турбины, то за счет естественного перепада воды можно создать станцию мощностью около 2,4 миллиона киловатт. Больше чем Волжская ГЭС имени Ленина! Обрадуются и волжские речники, потому что создание одноступенчатого шлюза на канале сократит пробег судов на добрых полтораста километров. Куйбышевский институт «Гидропроект» уже разработал проект новой гидроэлектростанции.

Едва я покинул лесоперевалочный комбинат, как попал в плен.

В плен меня взяли у подножия горы, там, где начинаются густые заросли орешника и крутой подъем к беседке на самой верхотуре. Из-за кустов вдруг выскочил конопатый мальчишка, точь-в-точь из рассказа О'Генри «Вождь краснокожих», только с красным галстуком, и девчонка с торчащими, как пики, косицами и тоже с галстуком.

— Сюда нельзя,— сказали они хором.— Пароль.

Пароля я не знал. И попытался было втянуть малолетних сторожей в бесплодный философский спор: почему нельзя? Попытка обошлась дорого. Меня тут же окружил невесть откуда взявшийся отряд красных галстуков. Я покорно поднял руки вверх — и меня повели к начальнику. Через минуту я уже знал, что нахожусь в пионерском лагере «Жигулевский Артек», где отдыхают 700 школьников из сельских районов области, что, когда в 1890 году на этом месте останавливался по дороге из Переволок Владимир Ильич, здесь было поместье графа Орлова-Давыдова. Говорят, развлекался граф так: бросал в реку монету, а мальчишки должны были прыгать с обрыва в Волгу и доставать ее зубами...

В середине дня отборные разведчики под командой Гамлета из отряда октябрят и пионера Саши Карева доставили в лагерь нового «языка» — на этот раз космонавта Константина Феоктистова. Горнисты заиграли общий сбор, и все отряды выстроились на линейку. Константину Петровичу отвели самое почетное место. Грянул оркестр. Каждый отряд приветствовал космонавта и хором скандировал свой девиз. Конечно, на седьмом небе от счастья, если не выше, был отряд юных космонавтов. А лучший девиз оказался все-таки у октябрят. «Лицо без улыбки — ошибка!» — выкрикнули они, и вся линейка до единого человека расцвела улыбками. Но, конечно, счастливее всех был Саша Карев, который по-взрослому пожал Феоктистову руку и произнес приветственную речь, да загадочный Гамлет — «он» на прощание повязал космонавту алый галстук. Почему «он» в кавычках? Гамлетом оказалась, к моему удивлению, маленькая девчушка — Ира Гордеева. На мой вопрос, знает ли она, кто такой был Гамлет, Ира ответила: «Конечно, знаю: принц и очень хороший человек».

УЛИЦА НОВОЗАВОДСКАЯ

«Ставрополь. Две церкви. Лавок 99. Полицейских будок — одна. 300 свиней. 10 заводов, 55 рабочих. Дворянский клуб. Полицейская часть. Занятие жителей: хлебопашество и посев репчатого лука».

Из «Списка населенных мест Самарской губернии за 1890 год».

Давно уже исчез с лица земли захолустный уездный городок Ставрополь. Владимир Ульянов и его спутники туда не заезжали. Делать там было просто нечего. С вершины кургана, куда они забирались, можно было угадать за дымкой горсть домов и высокий шпиль колокольни. Тишиной веяло с той стороны и тихой скукой. Но сейчас проехать мимо этого места никак невозможно. Я скажу вам только одно слово, и вы поймете почему. Тольятти. Именно этот город вырос взамен ушедшего на дно моря Ставрополя. Тольятти — символ растущего не по дням, а по часам автомобильного гиганта. Но еще до этого грандиозного строительства здесь появилась улица Новозаводская, словно устроившая парад индустрии: здесь завод цементного машиностроения, синтетического каучука, азотнотуковый, химический, ТЭЦ. Все на одной улице. Тысячные коллективы выпускают на этих предприятиях продукцию, которая известна многим странам мира. Однако еще гораздо раньше слава Жигулей разнеслась по всему свету, потому что тут советский человек воздвиг самую мощную в то время Волжскую ГЭС имени В. И. Ленина. С начала эксплуатации она выработала более 128 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

...Еще за четыре года до революции епископ Самарский и Ставропольский Симеон писал в Неаполь владельцу Жигулей сиятельному графу Орлову-Давыдову: «Ваше сиятельство, призывая на вас божью благодать, прошу принять архипастырское извещение: на ваших потомственных исконных владениях прожектеры самарского технического общества совместно с богоотступником инженером Кржижановским проектируют постройку электрической станции. Явите милость своим прибытием сохранить божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии». Граф не замедлил явить милость, но «божий мир» сохранить он был не в силах. Еще полыхали огни гражданской войны в молодой Советской республике, а Владимир Ильич уже торопил Глеба Максимилиановича Кржижановского с обследованием района Самарской луки.

ВРЕМЯ — ВПЕРЕД!

«— Нам надоело дожидаться, когда время придет. Вали, живей подвигай к нам это время.

— Вот вместе с вами мы это время продвинем живым манером,— сказал Владимир Ильич».

Разговор Владимира Ульянова с крестьянами в селе Царевщина — теперь поселок Волжский.

...Кто-то громко произнес знакомую фамилию — Коркина, и она не сразу поняла, что в президиум вызывают ее, простую птичницу. Она поднялась.

— Поздравляю, Евгения Афанасьевна, с присвоением вам за достигнутые успехи в труде звания Героя Социалистического Труда...

Она хотела сказать что-нибудь в ответ такое же торжественное и значительное, но все слова выпали вдруг из памяти.

Теперь депутат областного Совета, птичница одной из крупнейших в стране Жигулевской птицефабрики Евгения Афанасьевна Коркина вспоминает об этом спокойно, без волнения. Времени прошло достаточно, и она давно поняла, что Герой Труда — обыкновенный человек, вот как она, например, и что должен он делать свое дело, как всегда, честно и хорошо. А дело свое она любит. Я это заметил даже по интонации, с которой она сказала «мои курочки», по чистоте и образцовому порядку в клетках, по тому, как «ее курочки» мгновенно переставали стучать клювами по кормушкам, как только к ним приближался кто-то незнакомый. Она сказала, что тот рекорд, за который ей присвоили звание Героя, давно перекрыт, и главное — многими птичницами. Ну что же, это закономерно. Время идет вперед. Тот рекорд был 261 яйцо в год от каждой несушки. Зашел я в инкубатор. Показали небольшой ящик, за стеклом дверцы которого белели яйца. Скромно пояснили: здесь выводится ежегодно два с половиной миллиона цыплят. В батарейный цех меня не пустили. Это святая святых фабрики. Разрешить зайти туда не сможет даже директор — только зоотехник этого цеха. А он был непреклонен: «Можете занести инфекцию». Я посмотрел через окно с улицы. В длинной клетке сидели пушистые желтенькие комочки и с методичностью заводных игрушек дружно молотили клювиками.

В кабинете директора Виктора Николаевича Суровцева, тоже Героя Социалистического Труда, я узнал, что на фабрике «пока» 522 тысячи кур и что приносят они прибыль в пять миллионов рублей. Я видел великолепный профилакторий, построенный для работников фабрики. Видел беленький, аккуратный четырехэтажный жилой поселок с отличным клубом «Жигули». С трудом верится, что об этих самых местах писали «Самарские епархиальные ведомости» в 1890 году: «Все прихожане народ довольно бедный. Жители Царевщины в последнее время так расстроились в своем хозяйстве, вследствие неустройства их быта, что у весьма многих семейств нет ни лошади, ни даже коровы». Не мудрено, что крестьяне страстно ждали, «когда время придет». Новое время. То самое, в котором живем мы с вами. То самое, которое «живым манером» продвинули ленинские мысли, идеи и дела.

Торжественно отметили трудящиеся ГДР свой большой праздник — 20-летие первого в истории Германии миролюбивого социалистического государства.

По случаю юбилея в ГДР прибыли посланцы братских социалистических стран, зарубежные гости из многих государств.

Нашу страну на празднествах представляла партийно-правительственная делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В крупнейшем зале столицы ГДР «Вернер-Зееленбиндер-халле» 6 октября состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Государственного совета и Совета Министров ГДР, Национального совета Национального фронта демократической Германии.

Доклад, посвященный 20-летию Германской Демократической Республики, сделал Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили участники собрания главу советской партийно-правительственной делегации Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В своей речи он сердечно поздравил братский народ ГДР с двадцатилетием социалистического немецкого государства, отметил успехи ГДР в борьбе за социализм.

Затем Л. И. Брежнев передал немецким друзьям приветственное послание ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР и памятный дар — картину советского художника П. Т. Мальцева «В. И. Ленин на коммунистическом субботнике».

На снимке: Берлин. В президиуме торжественного заседания, посвященного 20-летию Германской Демократической Республики.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

Советско-польские переговоры в Кремле. Фото А. Пахомова.

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик с 1 по 3 октября 1969 года в Советском Союзе находилась с дружеским визитом партийно-правительственная делегация Польской Народной Республики, возглавляемая Первым секретарем Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой и Председателем Совета Министров ПНР Юзефом Циранкевичем.

В ходе визита, который проходил в обстановке братской дружбы и сердечности, партийно-правительственная делегация Польской Народной Республики обсудила с руководством Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР вопросы дальнейшего развития и углубления политических и экономических отношений, связывающих обе партии, оба правительства и народы, а также обменялась мнениями по некоторым актуальным проблемам международного положения.

В беседах с партийно-правительственной делегацией ПНР принимали участие Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

Обе делегации с глубоким удовлетворением отметили, что дружба и всестороннее братское сотрудничество между КПСС и ПОРП, а также Советским Союзом и Польшей, опирающиеся на принципы социалистического интернационализма, равенства, взаимной помощи и солидарности, успешно развиваются, приносят обоим народам растущую из года в год пользу и хорошо служат делу укрепления содружества социалистических стран.

ПОДВОДЯТ НЕРВЫ

Федор БРЕУС

Вначале был факт. И согласитесь, не совсем обычный: американская газета «Нью-Йорк таймс» по первым появившимся в журнале главам высказала свое категорическое и безапелляционное суждение обо всем романе. В роли ясновидящего оказался московский корреспондент газеты Бернард Гверцман. Едва лишь вышел из печати девятый номер журнала «Октябрь» с началом романа Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», как рецензия Гверцмана была тут же опубликована в «Нью-Йорк таймс», а оттуда немедленно перепечатана парижским изданием «Интернешнл геральд трибюн». К этому хору немедленно присоединилась Би-би-си.

С чего бы такая поспешность?

Я обратился в редакцию журнала «Октябрь» и получил возможность прочесть в гранках продолжение и окончание романа, который будет публиковаться в десятом и одиннадцатом номерах.

«Чего же ты хочешь?» — это роман, посвященный проблемам идеологической борьбы двух миров и роли в этой борьбе интеллигенции — писателей, художников, журналистов. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что в романе сюжет основан на деятельности группы западных шпионов, которые обосновались в России под видом репортеров английского журнального издательства. Уточним, в романе сказано: «Предприятие было явно американское». Но уже из первых глав вырисовывается облик не каких-то джеймсов бондов, а специалистов более тонкой квалификации, разведчиков-интеллектуалов, мастеров по «наведению мостов» в духовной и идеологической жизни. Действительно, они едут в СССР от респектабельного английского издательства, интересующегося русской старинной живописью. Читая роман, невольно вспомнишь статью английского писателя Джулиана Митчелла, сетовавшего на то, что литературный журнал «Энкаунтер» безнадежно скомпрометировал себя, когда выяснилось, что он финансируется ЦРУ.

В романе Всеволода Кочетова показан облик тех, кого посылают «наводить мосты». Это люди без родины, с чужими именами: бывший эсэсовец, потомки белых эмигрантов.

Одна из них, Порция Браун, поучает своего спутника: «Россия еще полна фанатиков. Это и старые, и средние, к сожалению, и молодые. Они ничего не уступят... Возможно одно: компрометация таких в глазах широкого народа. Со многими удалось покончить тем, что их объявили «сталинистами», взяв для этого термин, остроумно придуманный в свое время господином Троцким... Но сейчас сделавший свое дело термин почти не работает... Очень хорошо действует, скажем, термин «прямолинейность». В наш просвещенный век, век кибернетики, таких умных-разумных физиков, и вдруг некто прямолинейный! Это же ужас!.. Хорошо звучит слово «догматик». Оно ассоциируется со средневековыми богословами, которые всякого инакомыслящего могли объявить еретиком и сжечь на костре. «Консерватор», «рутинер»... Все это термины работающие. Такие термины полезно применять к популярным писателям, художникам, композиторам, ученым, артистам, режиссерам кино и театра, ко всем тем из них, которые, несмотря на то, что они уже зачислены в «сталинисты», продолжают упорствовать, продолжают осуществлять то, что у них называется принципом партийности в искусстве».

Этот прием, как показано в романе, нанес немало душевных травм талантливым людям. Он же в известной степени формирует оппортунистические течения в кругах западной интеллигенции. Не случайно единомышленником Порции Браун становится числящийся коммунистом Бенито Спада, итальянец, выходец из мелкобуржуазной среды, изменивший делу коммунизма отчасти из страха перед активной борьбой, отчасти из желания подзаработать на антикоммунизме. Спада противопоставляется позиция подлинных коммунистов Италии — рабочих, интеллигентов.

Герои романа, советские интеллигенты, остро ощущают расстановку сил в идеологической борьбе. Встретившись с эмигрантом Петром Сабуровым, прибывшим в СССР под чужим именем и все больше ощущающим свою вину перед родиной, одна из героинь романа, Ия, говорит: «У нас далеко не все гладко. Но и далеко не так шероховато, как думаете вы там, у себя. И природа наших шероховатостей иная. Мы хотим, чтобы у нас было лучше. Но мы вовсе не хотим, чтобы у нас было, как у вас».

Главным героем романа я бы назвал советскую интеллигенцию, представленную там и старшим и молодым поколениями. На первом плане — молодые, и это к ним обращен вопрос: «Чего же ты хочешь?», — ставший названием романа. Ответ на этот вопрос, который можно прочесть в произведении, не однозначен. Широк круг интересов и запросов современной творческой молодежи. Кто-то уже четко определился, кто-то еще ищет себя. И вопреки западной пропаганде именно творческие поиски и обнаруживают для молодого человека все преимущества социалистического образа жизни.

Прочитав до конца роман, представляешь себе, чего же хочет «Нью-Йорк таймс», поспешившая в рецензии по рецепту Порции Браун навесить хлесткие ярлыки советским писателям: одним — «либералы», другим — «консерваторы».

Это не новый прием. Недавно в США вышла книга «Королевство и власть». В ней изображена редакционная кухня антисоветизма «Нью-Йорк таймс», тесно связанной с сионистскими кругами и Уолл-стритом. Автор книги Гей Тализ, обращаясь к истории газеты, напоминает, как она в 1920 году «подавала» русскую революцию: «...сообщения «Нью-Йорк таймс» изо дня в день были столь тенденциозны, настолько направлены против советских революционеров, были проникнуты таким желанием представить факты в удобоваримом для Соединенных Штатов и их союзников свете, что читателям «Нью-Йорк таймс» была внушена мысль: большевики не смогут победить. Благоприятные для большевиков факты выглядели как пропаганда, неблагоприятные были представлены как неопровержимая истина».

С тех пор многое изменилось. Прибавилось опыта у репортеров и комментаторов «Нью-Йорк таймс», но и хлопоты неизмеримо возросли: антикоммунисты имеют дело не с одним Советским Союзом; перед ними — мир социализма. Приспосабливаясь к обстановке, надрываясь от усердия, они то и дело забегают вперед, чтобы удержать под контролем своего читателя, а если удастся, то повлиять и на советского. Но подводят нервы. Вот и на этот раз шустрый голкипер «Нью-Йорк таймс» Бернард Гверцман раньше времени выскочил из ворот.

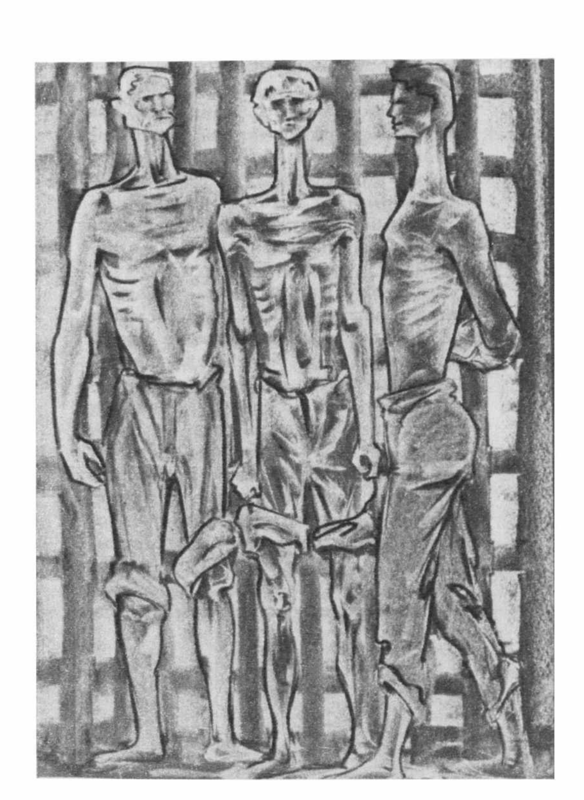
Ленинград, международная встреча журналистов, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. Заседание ведет председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор «Правды» М. В. Зимянин.

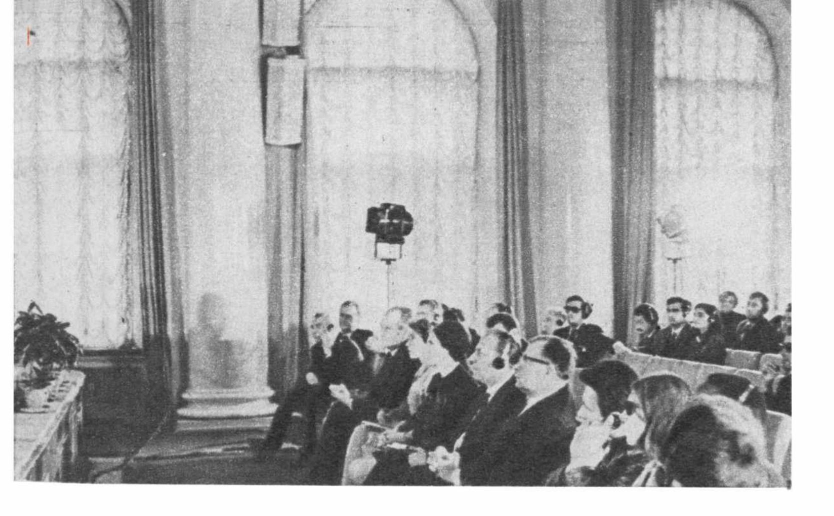
С ЛЕНИНЫМ В СЕРДЦЕ

У шалаша Ленина в Разливе.

Фото А. Сербина.

ТРИ





Зал этот, именуемый скромно Актовым, в Октябре семнадцатого года был свидетелем величайших событий, открывших новую, великую эпоху в истории человечества. Здесь провозглашена власть Советов, образовано первое Советское правительство во главе с Лениным, здесь II Всероссийский съезд Советов принял первые ленинские декреты — о мире и о земле.

Тогда среди рабочих и крестьян, солдат и матросов, заполнявших этот зал, были два американских журналиста — Джон Рид и Альберт Рис Вильямс, ставшие летописцами этих событий. Рид писал о тех исторических минутах:

«...Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури».

Эти строки вспомнились, когда в Актовый зал Смольного октябрьским днем 1969 года входили иностранные журналисты — Джоны Риды нового поколения,— представлявшие прессу всех пяти континентов, чтобы отдать должное гениальнейшему человеку Земли, вождю и мыслителю — великому Ленину. Невозможно представить, какое более значимое место для открытия встречи, посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина, могли избрать журналисты, чем этот ставший историческим Актовый зал.

Прогрессивные журналисты мира, собравшись в Ленинграде, слушали доклады, посвященные жизни и труду Ленина, посещали ленинские места. Но главным на встрече были мысли, которыми обменивались участники встречи, о значении ленинских идей в борьбе народов за мир и свободу, в деятельности журналистов, посвятивших себя пропаганде ленинского учения. Ленин, называвший себя литератором, считал журналистику своей профессией.

Скоро исполнится сто лет со дня его рождения, прошло более полувека, как победила возглавленная им первая в мире социалистическая революция, но свет ленинской мысли горит мощно и ярко, проникая во все уголки земли. Об этом тоже говорили участники встречи. Их выступления были убедительным свидетельством того, что борьба народов за лучшее будущее, против реакции и угнетения неизменно связана с именем Ленина и его учением, где бы эта борьба ни происходила. Эта мысль прозвучала в словах журналиста из Конго (Браззавиль), когда он сказал: «Ленин принадлежит всем».

Представительный форум журналистов мира из Ленинграда — колыбели Октябрьской революции — обратился ко всем демократическим журналистам, ко всем, кому дорого дело мира и прогресса, с призывом достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Участники встречи призвали всех журналистов встать на защиту народов, борющихся за свободу и независимость, решительно выступать против империалистической агрессии и, следуя примеру великого Ленина, отдать себя делу избавления человечества от гнета и эксплуатации, торжества социальной свободы и независимости, процветания и дружбы всех народов.

А. СЕРБИН, К. ЧЕРЕВКОВ
Ленинград.

ПОКОЛЕНИЯ

«Три поколения» — это рисунок выдающегося художника современной Греции, пламенного патриота и активного борца за свободу и независимость своей родины Димитриса Кацикояннисса. Талантливый художник сам был политическим узником греческой реакции и долгие годы провел в застенках асфалии.

О стойкости греческих коммунистов, их несгибаемой воле и верности делу борьбы за интересы народа говорит нам художник. Героический пример коммунистов вдохновляет борцов против режима военной диктатуры, навязанного Греции 21 апреля 1967 года, вселяет уверенность в победу.

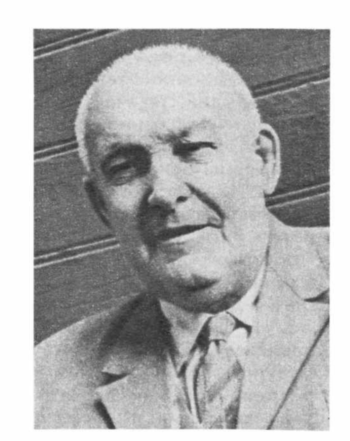
Рисунок напоминает о тех коммунистах и антифашистах Греции, кто отдал жизнь в справедливой борьбе за свободу и счастье своего народа. Трудовая Греция свято чтит память славных своих сынов и дочерей — Д. Лигдопулоса, Х. Малтезоса, Э. Апостолу, Н. Сукатзидиса, Д. Папаригаса, Н. Белояннисa, Н. Плумбидиса, Г. Эритриадиса, Г. Царухаса и многих других. Они погибли от руки палача, но не склонили головы перед классовым врагом.

Трое людей — на фоне тюремной решетки. Решетка — символ нынешней Греции, где у власти находится хунта черных полковников. Фигуры воплощают образы политических заключенных. Г. Фаранос, Х. Флоракис, Г. Мораитис, К. Лулес, К. Филинис, М. Янну, С. Коцакис, А. Парцалиду, Н. Кепесис, И. Илиу, Г. Трикалинос и тысячи других патриотов брошены в тюрьмы и концлагеря за то, что они не желают жить на коленях, хотят добиться свободы и подлинной демократии для своего народа.

Три человека, изображенные на рисунке, различны по возрасту: один — пожилой, другой — средних лет, третий — молодой. Художник как бы подчеркивает глубокое идейное единство трех поколений греческих коммунистов.

Расправы, творимые афинскими властями над патриотами Греции, вызывают гнев и возмущение прогрессивной общественности мира. Советские люди выражают самую горячую солидарность с борющимся народом Греции, решительно требуют прекращения преследования греческих патриотов и немедленного освобождения всех политических заключенных.

К. АФАНАСЬЕВ



Генерал-лейтенант
Д. БРАНТКАЛН,
бывший командир 130-го латышского стрелкового ордена Суворова II степени корпуса

НА РИЖСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Наш 130-й латышский стрелковый корпус был сформирован неподалеку от Новоржева в середине мая 1944 года. В то время я командовал 43-й гвардейской латышской дивизией. Полки ее успели провести немало тяжелых и сложных боев. Часто, глядя на своих солдат и офицеров, я думал о том, какими они еще недавно были юнцами. А сейчас это были зрелые военные. Каждый из них имел немалый боевой опыт и умел применять этот опыт в самых сложных условиях.

Вспоминая о начале пути нашего корпуса, я думаю, что не было дня, когда б не ощущали мы заботы о нашем соединении Ставки Верховного Главнокомандования, командования фронтом и армии.

Я хорошо помню, как Маршал Советского Союза А. И. Еременко, командовавший тогда 2-м Прибалтийским фронтом, интересовался буквально каждой мелочью, связанной с формированием нашего соединения.

Сроки для создания нашего соединения были очень сжатые. Но Генеральный штаб сделал все для того, чтобы нас отлично вооружить, обеспечить достаточным количеством людей, боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Надо было видеть, как восприняли мое сообщение о формировании корпуса воины, в особенности те солдаты и офицеры, которые в 1941 году уходили с боями из Риги. Там, в столице Латвии, у многих остались отцы, матери, жены, дети. И то, что сейчас предстояло принять участие в освобождении Прибалтики от фашистских оккупантов, а затем и в освобождении родного города, было огромным событием в жизни каждого из нас.

В грандиозной военной операции участвовало четыре фронта — Ленинградский (командующий — Маршал Советского Союза Л. А. Говоров), три Прибалтийских фронта — первый (командующий — генерал армии И. Х. Баграмян), второй (командующий — генерал армии А. И. Еременко) и третий (командующий — генерал армии И. И. Масленников).

На помощь четырем фронтам пришли воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота.

В состав этой массы вооруженных сил входил и наш 130-й латышский стрелковый корпус.

Судьба Риги решалась на дальних подступах к городу. Уже одно перечисление войск, принимавших участие в этой операции, говорит о том, какие широкие возможности были для смелых маневров крупного масштаба.

Рижской операции предшествовало много боев, в результате которых воины нашего корпуса освободили значительную часть территории Советской Латвии, свыше одной тысячи населенных пунктов и железнодорожных станций.

Враг в этих боях понес большие

потери в личном составе и военной технике. Среди трофеев корпуса были десятки танков, самоходных орудий, тягачей, сотни автомашин, пушек, минометов. Много фашистов мы взяли в плен.

Гитлеровцы основательно подготовились к обороне важнейшего стратегического пункта и морского порта Риги. Они создали четыре оборонительных рубежа да еще один городской обвод, состоявший из двух сильно укрепленных полос. Из Германии были срочно доставлены свежие пополнения для группы армий «Север», сильно потрепанной, как я уже сказал, нашими войсками. К началу рижской операции фашисты располагали 56 дивизиями, в том числе 5 танковыми и 2 моторизованными.

Преодолевая заболоченную Лубанскую низменность, части корпуса вели непрерывные тяжелые бои. Фронт перегруппировывал свои войска, следовательно, и нас перебрасывали на те участки, где мы могли принести наибольшую пользу.

Все это время гитлеровцы переходили в контратаки, стараясь во что бы то ни стало сорвать наше продвижение к Риге. Наши латышские стрелки дрались не только храбро, но и с большим искусством. Немало было у нас воинов, отличившихся в боях под Москвой, под Старой Руссой, и сейчас, на подступах к Риге, их опыт сказался. Люди хорошо изучили все повадки врага. Инициатива находилась в наших руках. Преодолевая минные поля, проволочные заграждения, болота, наши разведчики пробирались в стан врага.

Случилось так, что воинам нашего корпуса довелось в эти дни сражаться там же, где в годы гражданской войны дрались революционные латышские стрелки. Прикрывая отход своих войск, через Ригу в Курляндию, противник оказывал сильное сопротивление. И все-таки мы перерезали шоссейную и железную дороги Рига — Елгава, а с ними и пути отхода гитлеровцев.

13 октября рупоры советских радиоустановок заговорили на улицах Риги. Они передали приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина о вступлении советских войск в столицу Латвии. В этом приказе выражалась благодарность и нашему 130-му латышскому стрелковому корпусу. Впоследствии 43-й гвардейской латышской дивизии было присвоено наименование «Рижской». Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил 308-ю латышскую стрелковую дивизию орденом Красного Знамени, а наш корпус — орденом Суворова 2-й степени.

Около месяца провели мы затем в Риге. Одна дивизия обороняла побережье Даугавы, другая несла гарнизонную службу. Наши саперы, которые еще недавно были заняты армейскими делами, сваривали трубы, восстанавливали разрушенный фашистами водопровод.

Фашисты перед уходом успели взорвать электростанции. Ночами город был погружен в абсолютную темноту. При помощи движка нам удалось осветить небольшое помещение, в котором заседали ЦК Компартии Латвии и Совет Министров республики.

Вскоре мы вновь вступили в бои. На сей раз предстояло доколачивать фашистов, окруженных в Курляндии. Освобождать последние пяди советской земли...

Советские воины вступают в Ригу.

В. САМСОН,
Герой Советского Союза, главный ученый секретарь Президиума Академии наук Латвийской ССР, бывший командир 1-й Латышской партизанской бригады

ИМЕНИ СУДМ

Интервью «Огонька»

Эту книгу — «В Курляндском котле» — в красно-черной суперобложке мы видели на прилавках рижских магазинов, когда шли брать интервью к Вилису Петровичу Самсону. Мы узнали, что он автор книги.

— В Курляндском котле оказались те самые гитлеровцы, с которыми дрались латышские партизаны!

— Да, те самые, что на протяжении более трех лет бесчинствовали в Латвии. Можно не сомневаться, что, унося ноги, спасаясь от ударов Советской Армии, они надеялись именно в Курляндии отсидеться, и, следовательно, рижскую операцию нельзя было бы считать завершенной, если бы мы не загнали в этот котел фашистов и не расправились бы с ними по всем правилам советской военной науки.

— А когда вы сами вошли в Ригу!

— Я-то в Ригу входил с нашими войсками. Но к тому времени я уже был не командиром партизанской бригады, а инструктором

Фото Г. Санько.

АЛИСА

школьного отдела ЦК Коммунистической партии Латвии. Как это произошло? Очень просто. Когда наши войска подошли к Риге, меня спросили, кем хотел бы я быть в связи с расформированием партизанской бригады. И я ответил, что хотел бы заниматься тем же, чем занимался до войны. А до войны я был учителем. Что ж, сказали мне, пойдешь в ЦК инструктором по школьному строительству. Гитлеровцы уничтожили много школ, к началу нового учебного года мы явно опаздывали, на дворе был октябрь, и надо было принимать самые срочные меры к тому, чтобы восстановить школьные здания и учить ребятишек. Было очень трудно, но мы все-таки разместили всех учащихся... Вскоре я и сам пошел учиться. Учился в ВПШ, затем в Академии общественных наук.

— Вилис Петрович, были ли вы связаны с подпольем, действовавшим в Риге?

— Мы располагали целой армией помощников в городах и селах. Были они и в Риге. Это люди самого высокого гражданского долга, истинные герои. Они жили в постоянной опасности. Не только они, но и все их близкие и родные.

Вместе с белорусскими и калининскими партизанами мы вели жестокие бои с фашистами, снабжали Советскую Армию последними сведениями о противнике, следили за всеми передвижениями войск врага. В этом нам очень помогало наше подполье. Расскажу вам о подпольщике Иманте Судмалисе. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с нами он зимой сорок второго года по снежным сугробам в районе Великих Лук переходил линию фронта. Вместе с нами отбивался от превосходящего во много раз противника. Мы-то остались в лесах, а он дошел до Риги. Причем, имейте в виду, это уже был его второй переход. Сперва он, будучи секретарем комсомольской организации Лиепаи, где и застала его война, перебрался в Ригу, организовал там подполье. Затем осенью сорок второго перешел линию фронта, прибыл в Москву. Сделал сообщение в ЦК партии о положении в Латвии и затем вновь через линию фронта добрался до Риги. Там им была создана подпольная организация. Оттуда мы получали самые точные сведения о замыслах фашистов. Имант действовал активно и дерзко. И не только скрытно, но и открыто. Причем в таких масштабах, что об операциях, им организованных, сообщалось в зарубежной прессе. Фашисты готовили крупный общегородской митинг возле Домского собора. Заранее была построена трибуна, с которой должны были выступать фашистские вожаки. И вот под эту-то трибуну были подложены мины. Правда, сработали они чуть-чуть раньше срока. Трибуна взорвалась за несколько минут до прихода фашистских главарей. Но все равно митинг был сорван. А на другой день в шведских газетах появились сообщения, что в Риге действует коммунистическое подполье.

— Интересно, Вилис Петрович, как пробирался к вам Имант Судмалис?

— Если я начну об этом рассказывать, вы многому, наверное, и не поверите. Декабрь 1943 года. Лесная чаща восточной части Латвии. Я со своим ординарцем объезжаю верхом нужные нам районы. И вот видим, один кустик зашевелился. Ясное дело, мы вскинули автоматы. И что же? Из-за кустов появился Имант, в очках, в шляпе. А широкая улыбка его описанию не поддается. «Откуда?» «Из Риги».

Через несколько минут мы с Имантом сидели у партизанского костра и, защищая глаза от дыма, вели беседу. Он рассказывал о том, как свирепствует гестапо после знаменитого взрыва возле Домского собора, как добирался к нам. Дело-то было непростое. Товарищи по подполью ему сообщили, что он должен немедленно покинуть Ригу. Но как уехать, когда все выходы из города усиленно охраняются? И вот Имант решил воспользоваться пригородным автобусом и доехать до Сигулды. В таких случаях Имант садился у задней двери. В боковом кармане пиджака у него пистолет «ТТ». И если начиналась проверка документов, он лез в карман... В автобусе, шедшем в Сигулду, оказалось очень много немецких шуцманов. И вот посреди дороги один шуцман, который до этого спал, вдруг схватился за кобуру и объявил, что у него кто-то украл пистолет. Начался обыск. Имант оставался на своем месте. Шуцман переходил от скамьи к скамье и ощупывал пассажиров. Когда он достиг середины автобуса, кто-то заметил на полу пистолет. Оказалось, что он вывалился у шуцмана. Обыск на этом окончился. Иманта спасло только обычное его хладнокровие. Так он продолжал следовать до Сигулды. Но как найти нашу партизанскую бригаду? Связь с нами в тот момент была нарушена. У Иманта была одна маленькая листовка, отпечатанная в нашей партизанской типографии, распространявшаяся в то время в Риге. И он решил совершить путь листовки в обратном направлении. Он узнал через своих доверенных людей, кто доставил ее в Ригу. Связался с этим человеком. Тот, в свою очередь, сообщил, кто ему передал эту листовку. Шагая днем и ночью по лесам и болотам, Имант добрался до маленькой бани, где была наша типография. Передав нам важные сведения, Судмалис вскоре вновь заторопился в Ригу.

«Но у кого ты остановишься? — спросил я у него.— Ведь сейчас поднята на ноги вся полиция. Тебя повсюду ищут!»

Тут помогла моя жена Расма. Я вам, кажется, забыл сказать, что она вместе со мной и с Имантом переходила линию фронта. В Риге у нее оставались родители. И Расма сказала, что Имант сможет остановиться у них.

Позднее мы узнали, что Имант благополучно добрался до Риги. Прошло еще некоторое время, и стало известно, что он погиб.

Вот уже двадцать пять лет прошло с той минуты, когда я помахал ему на прощание в последний раз...

Как только мы с женой вернулись в Ригу, первое, что мы сделали,— отправились на окраину города на квартиру родителей Расмы. Но они об Иманте ничего сообщить не могли. Да, Имант у них ночевал. Да, просил назвать несколько надежных явок. А потом исчез.

Обстоятельства его гибели мы узнали лишь после войны. Однажды Иманту предложили купить оружие. Предложили люди, которым он не мог не верить. Он отправился по указанному адресу. Оружия оказался целый ящик. Взяв тяжелый груз, Имант стал спускаться по лестнице. А внизу его уже поджидала засада... Быть может, Иманту и на сей раз удалось бы уйти, если б руки у него не были заняты тяжелым ящиком. Но выхватить пистолет Имант не успел...

Теперь одна из улиц нашего города названа именем Иманта Судмалиса.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Генерал-майор
И. ЧАША, военный комиссар Латвийской ССР

Сейчас, когда пишутся эти строки, в Ригу съезжаются гости со многих концов Советского Союза. Нет, это не обычные гости, а люди, участвовавшие в освобождении столицы Латвии в октябре 1944 года. Гостить у нас будут и маршалы, и генералы, и офицеры, и сержанты, и рядовые — те, кто освобождал нашу Ригу в годы Великой Отечественной войны.

Многие из освободителей Риги живут у нас в городе. У меня, как у военного комиссара республики, то преимущество, что я повседневно встречаюсь с ними, ставлю их, как у нас говорят, на учет и снимаю с учета, представляю к новым званиям, руковожу военными занятиями, подготовкой молодых патриотов к службе в Советской Армии. Каждая встреча воскрешает в памяти годы войны.

Как и тысячи латышских парней, я уходил в 1941 году из Риги с полной уверенностью в том, что мы вернемся домой.

На войну все мы ушли добровольцами. На учете в военкомате не числились, и нам пришлось немало переволноваться, пока нас отправили на фронт. Дрались все самоотверженно, не щадя себя. Нарофоминск, Боровск, Старая Русса — эти названия городов произносятся нашими воинами и поныне с не меньшей любовью, чем, скажем, Рига, Даугавпилс, Валмиера... Многие из нас стали профессиональными военными. Мне, например, посчастливилось окончить две военных академии — имени Фрунзе и Генерального штаба. Среди моих товарищей немало офицеров.

Другие мои однополчане после войны стали видными конструкторами, председателями колхозов, рабочими, колхозниками, мастерами. Но для меня они все те же простые латышские пареньки, с которыми мы вместе добровольцами уходили защищать Отечество.

В середине октября 1944 года наш 130-й латышский стрелковый корпус вступил на улицы Риги. Незадолго до этого я был ранен и отправлен в госпиталь. Не один я — все раненые, услышав, что наш корпус вступил в Ригу, не могли оставаться на госпитальных койках. Хотелось самим ступить на улицы родного города вместе с товарищами. И мы бежали из госпиталя. Госпитальное начальство грозилось наказать нас за дезертирство. Не очень-то одобряли нас и в полку, когда мы туда явились. Но мы были счастливы! Мы вернулись домой, в истерзанную, дымящую пожарами, но свободную Ригу...

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

СТРАНИЧКА НАШЕЙ ЖИЗНИ

Из множества дел и событий складывается трудовой день Украины — республики, где живет больше 45 миллионов человек и территория которой раскинулась от южных склонов Карпат до Керченского пролива. По своим экономическим показателям Советская Украина может соперничать с наиболее развитыми державами мира. Ее гиганты индустрии, золотые пшеничные нивы, открытия ученых, яркое, самобытное искусство — достояние всей нашей великой многонациональной Родины.

Дружба народов — основа нашей жизни. И, говоря сегодня о мощи украинской индустрии, о ее домнах и мартенах, о заводах и фабриках, о шахтах, электростанциях, мы всегда помним, что наши успехи и достижения — результат великого братства людей всей Советской социалистической Родины.

Близятся знаменательные дни 25-летия освобождения украинской земли от фашистских захватчиков. И как не вспомнить о благотворной силе ленинской дружбы советских народов, которая помогла нам победить в трудных сражениях Великой Отечественной войны! Не увядают живые цветы на могиле-памятнике сыну России, выдающемуся советскому полководцу Николаю Федоровичу Ватутину, войска которого освободили Киев в 1943 году. Рядом, в Парке Славы, пылает вечный огонь у могилы Неизвестного солдата, у могил танкиста украинца Никифора Шолуденко и его боевых побратимов, отдавших жизнь за нашу свободу и независимость. Отметит Советская Украина в этом году еще один национальный праздник — 30-летие воссоединения всех своих земель в едином украинском советском государстве. И это колоссальное событие в истории украинского народа также является плодом незыблемой дружбы народов социалистической Отчизны.

На благодатной почве братских связей, повседневного духовного взаимообогащения развивается многовековая украинская культура. Едва ли не ежедневно выходят в свет книги украинских писателей и становятся достоянием читателей всей страны, многих стран мира; ежедневно демонстрируют свое высокое мастерство наши театры, танцевальные, хоровые ансамбли, музыканты; ежедневно пополняют культурную сокровищницу украинские художники и скульпторы, талантливые народные умельцы. Это тоже лицо нашей республики.

Новый рекорд гвардейцев труда — шахтеров; исследования ученых с думой о будущем; памятное событие в жизни бывшего воина, о подвигах которого узнали миллионы кинозрителей; дань современников деяниям далеких предков... Штрихи нашей повседневности, крупицы труда, будней, отдыха, творчества показывает «Огонек» в этом номере своим читателям. Быть может, даже наверное, в эти самые минуты на земле украинской, как и в других республиках, происходят события и поважнее, но нельзя объять необъятное.

Год нынче особенный. Год ленинского юбилея. Величие сегодняшней Украины — в воплощении заветов дорогого всем нам человека. С Лениным в сердце созидает наш героический, трудолюбивый народ.

Любомир ДМИТЕРКО,
главный редактор журнала «Вітчизна»

Киев, Крещатик. Фото Н. Козловского

МИЛЛИОНЕРЫ

Во дворе шахты № 47 треста «Кадиевуголь» собрались горняки с семьями. Они пришли сюда, чтобы торжественно отметить успех бригады, которую возглавляет Герой Социалистического Труда Тимофей Федорович Кариков. С начала пятилетки с помощью угольного струга УСБ-67 бригада добыла 1 миллион тонн топлива, из которых более 65 тысяч тонн сверхплановые.

...Как только Т. Ф. Кариков с товарищами поднялись на-гора́, грянул духовой оркестр. Их окружили жены, дети, друзья. На шахте давно принято с почестями встречать победителей.

Свою новую трудовую победу миллионеры посвятили 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Первой на Луганщине дала миллион тонн угля в нынешней пятилетке бригада Героя Социалистического Труда Сергея Илларионовича Воротникова на шахте имени Косиора треста «Коммунарскуголь». Миллион тонн угля записала на свой трудовой счет и бригада Героя Социалистического Труда Ивана Ковальчука с шахты «Привольнянская-Южная» треста «Лисичанскуголь».

Сейчас к «миллионному финалу» идут еще 70 комплексных бригад.

Д. ПОНОМАРЕВ,
сотрудник газеты «Луганская правда»
Луганск.

Миллионеры из бригады И. Ковальчука.

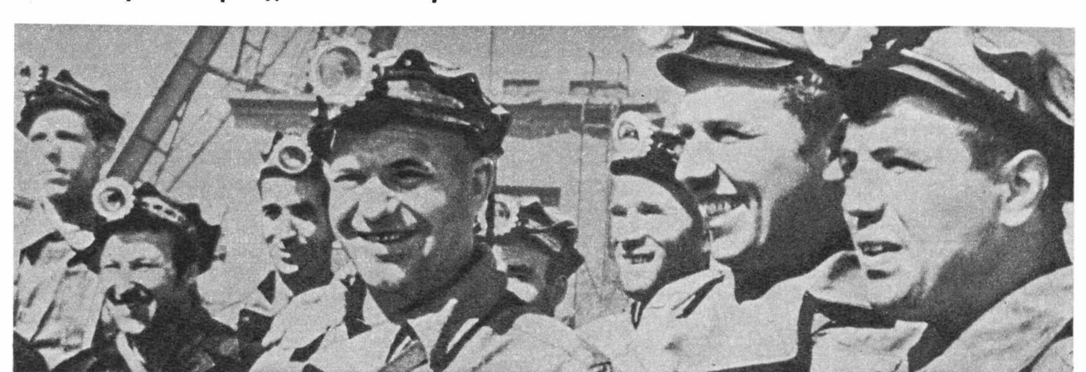


Фото Н. Козловского.

Одесский порт.

Начальник Одесского ордена Ленина морского торгового порта О. К. Томас беседует с капитанами индийских теплоходов Едча Суза и Питером Абрехемом.

На бульваре.

Встреча.

Одесский судоремонтный завод имени 50-летия Советской Украины.

Солнечные ванны.

Ночью в порту.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШИХ УЛИЦ

У городов свой счет времени, и с этой точки зрения в Одессе трудно найти мшистую древность, перед которой испытываешь невольный трепет. У нас нет развалин Помпеи и остатков Колизея. Можно сказать, Одесса только входит в возраст невесты. Ей только сто семьдесят пять...

Да, Одесса молода. Но ее молодость насыщена такими событиями и делами, что любознательный гость, пожалуй, не заскучает здесь. В самом деле, чего стоят одни только катакомбы, подземные галереи под городом, хранители удивительных тайн, человеческих подвигов, революционных эпопей? А много ли в мире городов с двумя современными портами — один больше другого?

...Одесса начинается с моря. Может быть, поэтому у нас говорят, что улицы впадают в океан. Приморский бульвар в Одессе не зря именуют капитанским мостиком. Теперь этот бульвар, соединенный изящным виадуком с Комсомольским бульваром, расширился. Отсюда открывается захватывающий вид на гавань, на синеву залива. Впрочем, романтики утверждают, что отсюда видны все моря и океаны...

При взгляде на порт издали рисуется поистине марсианский пейзаж: различные силуэты мачт, стремительные обводы современных судов, ажуры радарных антенн, скошенные назад трубы, вопросительные знаки портальных кранов — чем не абрис незнакомой планеты? Но это наша теплая земля, наш край, наша Родина. Жители Одессы давно к подобному пейзажу привыкли — да так, что не умеют от него отвыкать.

Наш порт не всегда был таким — с лучшим в Европе морским вокзалом, с многочисленными причалами, автопогрузчиками, автокарами, разноцветными кранами и складами. Фашисты, отступая, почти полностью взорвали гавань. Они оставили после себя мертвый порт, пирамиды развалин. Складские помещения были разрушены, флот потоплен. Надо было начинать сначала. И жители Одессы при помощи всей страны отняли порт у смерти! Только тот, кто собственными глазами увидит гавань, поймет, сколько усилий, труда и любви для этого потребовалось...

Черноморское пароходство — одно из самых больших в стране. Стремителен рост флота. Среди «новичков» — огромные трансатлантические сухогрузы, где все, как говорят моряки, от киля до клотика, создано руками советских людей.

Во многих странах мира видели суда типа «Ленинский комсомол». Это шеститрюмные гиганты 170-метровой длины (почти два футбольных поля!), способные брать на борт до 14 тысяч тонн груза и развивать при этом скорость в 19—20 узлов. В переводе на язык сухопутный — около 40 километров в час. Управление трюмными крышками здесь автоматизировано. Специальные нагнетатели подают в трюмы теплый сухой воздух — это для сохранения «деликатных» грузов. Установки искусственного климата помогают экипажам легче переносить духоту и влажность тропических широт.

Вместе с торговым флотом рос и пассажирский. Заметно пополнилась семья лайнеров. Если раньше тут преобладали сплошные «блондины» (пассажирские лайнеры у нас красили почему-то лишь в белый цвет), то ныне появились «жгучие брюнеты» — «Иван Франко», «Тарас Шевченко», «Шота Руставели». Каждый из этих лайнеров любезно предоставляет каюты для 750 пассажиров. А еще 500 желающих могут разместиться на палубах, в шезлонгах и креслах.

Когда-то Максим Горький с болью писал о том, как изнурительный физический труд грузчиков убивал в людях человечность и доброту, духовные силы. Сейчас человеческие руки почти не прикасаются к грузам: люди в порту управляют сложнейшими механизмами легким нажатием кнопок, легким поворотом рычажка...

Пенят акваторию порта многочисленные буксиры и катера. Десятки иностранных флагов полощутся на черноморском ветру. Капитаны различных национальностей входят в здание Инфлота. И ко всему этому имеет прямое отношение истинный сын Одессы, начальник Одесского порта Олег Константинович Томас. Худощавый, темноволосый, в желтой форменке с черными погончиками на плечах, он не очень похож на книжного «морского волка». Ему нет и сорока. Он самый молодой начальник одного из крупнейших портов страны. И когда в Ливерпуле Томаса представили местным морским властям: «Знакомьтесь, начальник Одесского торгового порта»,— англичане качали головами: «Вы шутите, это же юноша».

Но с фактами надо считаться: с 1962 года Олег Томас возглавляет многотысячный портовый коллектив.

— Нам значительно легче, чем другим предприятиям города, решать производственные задачи,— услышал я однажды рассуждения Томаса.— У нас ведь самая крупная в области первичная парторганизация. Шутка ли — около полутора тысяч коммунистов! Да с ними можно Черное море вычерпать!

Едва заходит разговор о людях порта, Олег Константинович, обычно немногословный, даже суховатый, обретает дар красноречия.

— Есть у нас такой старикашка — буксирный катер «Циклон». Ветеран! Лет ему больше, чем мне. Когда-то он пересек Атлантику и с тех пор трудится у нас. Так вот, этот «Циклон» каким был, таким и остался, ну, разве что чаще красить да латать приходится... А люди изменились, обогнали старикашку. Скажем, Михаил Спектор. Плавал на «Циклоне» матросом. Теперь на нем капитан. Матрос Василий Марченко вырос в старпома. Алеша Кучма стал механиком. «Циклон» — вчерашний день флота. Теперь у нас такие красавцы, как «Рекорд»,— 1 200 сил машина... Зверь!

Томас на секунду задумывается, потом добавляет:

— Там, на «Рекорде», Шульга боцманом плавает. Тоже бывший матрос «Циклона»...

В Одессе, кажется, весь порт грызет гранит науки. Большинство стремится окончить техникумы, вузы. Без этого сейчас нельзя.

В порту все в движении — и техника и люди. Идет непрерывный поиск лучших, экономически наиболее выгодных форм выгрузки и погрузки. Некоторое время назад танкер «Люберцы» доставил с Кубы сахар. На этот раз не в мешках, а, как принято говорить, навалом. Коллективная мысль рабочих и руководителей порта подсказала отгрузку методом «отсоса»: выгружали по 2 500 тонн в сутки. Такого не случалось ни в одном порту мира.

А жизнь идет вперед. Меняется лицо Одесского порта. Появились новые причалы, механизмы, склады, подъездные пути. Порт сегодня в состоянии принимать и обрабатывать самые современные океанские суда. Для Олега Томаса родной порт, его заботы и надежды — это и труд, и творчество, и сама жизнь. Это и часть его биографии, о которой не многие знают.

...Каким бы путем ни спускаться из центра Одессы к гавани, все улицы говорят с тобой голосом революции, ее героев: Гарибальди, Вакуленчук, Лизогуб, Жанна Лябурб...

Есть в Одессе и улица имени Томаса. Михаила Дмитриевича Томаса. Это дед Олега. Он участник Октябрьской революции, организовывал отряды Красной гвардии, отстаивал и утверждал Советскую власть. Отец Олега — Константин Томас, моряк, возглавлял когда-то комсомольскую ячейку порта, был на партийной работе. Теперь он лежит в чехословацкой земле, до конца исполнив свой солдатский долг в годы Великой Отечественной войны.

Олег Константинович Томас — представитель третьего поколения революции: высокообразованный, грамотный специалист, новый тип руководителя.

Однажды, бродя по причалам, я спросил знакомого пожилого портовика: «Что вы можете сказать о Томасе?» Он поглядел на меня, потом задумчиво посмотрел в морскую синеву и слегка улыбнулся: «Что я вам скажу... Надежный у нас начальник порта». Великолепное слово нашел: надежный!

Эта надежность, мне кажется, отличает сегодняшнюю Одессу. Она и в памятнике потемкинцам на одной из лучших площадей города, и в многокилометровом поясе Славы, возведенном на местах героической обороны, и в самоотверженном труде одесситов, и, конечно, в их неистребимой улыбке.

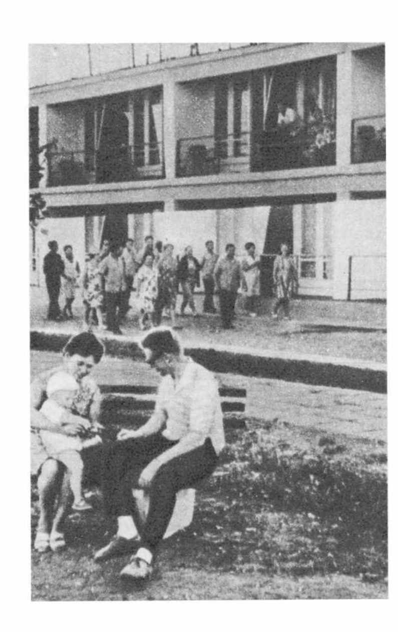
Почему Дерибасовскую улицу считают главной, трудно сказать. Скорее всего потому, что она выражает дух Одессы: в солнечные дни эта улица запружена толпами гуляющих, которые демонстрируют моды всего мира, собственное остроумие и готовность тут же решить все земные и космические проблемы.

Но, помимо некоторой приверженности к старому, Одесса всем своим существом устремлена в грядущее. В большом и малом. Завтрашний день Одессы, запечатленный в кальках проектов и планов, поистине великолепен. Поднимутся ввысь небоскребы, появятся новые пляжи, парки, проспекты, здания театров и здравниц.

Но одно останется неизменным. По-прежнему улицы Одессы будут впадать в океан и незримо продолжаться до кубинских портов, до вьетнамских берегов, до причалов дружбы во всех уголках земли.

Иван РЯДЧЕНКО

ХОРТИЦА — ДОМАШНИЙ КУРОРТ



Живописное нагромождение красновато-бурых скал, буйная растительность, Днепр... Это остров Хортица, в прошлом знаменитая цитадель славного воинства Запорожского. Ныне этот благодатный уголок облюбовали запорожские металлурги и построили тут городок здоровья. Открыт профилакторий, а неподалеку от него — новая семейная база отдыха. Светлые двухэтажные здания разбежались по зеленому склону холма. Их сооружали методом народной стройки. Почти каждый цех завода «Запорожсталь» имеет на Хортице свои дома со всеми удобствами. Семьи металлургов отдыхают в уютных, обставленных современной мебелью комнатах. От кухонь на базе отказались. К чему лишние заботы, если есть хорошая столовая и вкусно кормят в кафе «Ветерок»!

Заслуженный металлург УССР С. С. Якименко ушел на пенсию, но ветерану не сидится дома, и Семен Семенович принял на себя обязанности директора базы. Он рассказывает:

— В ближайшем будущем решено построить стационарный клуб, павильоны для игр, кинотеатр. Все это — за счет фонда соцкультбыта, созданного на предприятии после перехода на новую систему хозяйствования.

Мы с Семеном Семеновичем прикидываем, во что обходится отдых на базе, например, семье из трех человек, проведшей здесь месячный отпуск. Получается что-то около 120 рублей. Наверное, потому теперь среди металлургов меньше желающих ехать в Ялту, Сочи, Гагры. Им полюбился свой домашний курорт.

Количество домашних курортов в Запорожской области год от года растет. Их уже построено 65, и отдохнуть в них может 7 030 человек.

М. МУРЗИНА,
сотрудник газеты «Индустриальное Запорожье»

Чеканщик Манолий Руснак (слева) и резчик по дереву Ярема Полатайко в мастерских прикладного искусства города Черновцы.

Фото Л. Гулянского.

Есть такое село — Ополоновка.

Фото П. Бернштейна.

ОСТАНОВЛЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Красные огоньки маков по зеленому полю, черная зубчатая стена елей, сизые Карпаты в дымке. Краски, линии, формы — быстротечная прелесть буковинского лета.

Быстротечная... Но почему же гармония и совершенство полевого цветка-однодневки так долго живут в узоре старинной резьбы по дереву? Не потому ли, что художник обладает магическим даром останавливать прекрасные мгновения?

В горах, за перевалом Немчич, вдоль шумливого Черемоша раскинулось село Розтоки. Здесь живут мастера точеной деревянной игрушки братья Василь и Власий Резуны. Вот старик чабан застыл в раздумье, опершись о палку, вот горная избушка прилепилась к склону.

Народными мастерами богат и город Черновцы. Тут работают Ярема Полатайко, Василь Шевчук, Александр Рябоконь. Село Испас знаменито умельцами лозоплетения, в Хотине ткут изумительные ковры. Возрождаются давние художественные ремесла — чеканка по меди, тиснение по коже.

В городке Вижница, у подножия Карпат, работают отличные резчики по дереву.

...Послушны пальцам маленькие, как бы игрушечные долотца. На желтоватой поверхности грушевой доски рождается узор. Лепятся один к одному вытянутые овалы, сплетаются в цепочку, и вырисовывается часть резного узора — «шишечки». А вот «подковки», «слезинки», «заячьи ушки», «калачики». Десятки предметов окружающего мира оживают в украинском народном орнаменте.

«Мир прекрасен!» — как бы говорит каждая вещица, сотканная из гармонии и красоты.

М. ХОЛОДНЫЙ,
сотрудник
газеты «Радянська Буковина»

СЕЛЬСКИЕ ОБНОВЫ

Дорога забросила нас в один из таких степных уголков на Сумщине, в село Ополоновку. Вместе с председателем колхоза имени Энгельса Михаилом Александровичем Гуйвой идем селом. Улица Мира. Самая новая. Кирпичные коттеджи под шифером выстроились, как по линейке. Аккуратные ограды, резные ворота. Вот детский сад, а немного дальше — Дом культуры. И опять побежали краснокирпичные дома под остроконечными белыми шиферными шапками.

В колхозе свой завод — полтора миллиона кирпича в год дает. А вскоре будут производить вдвое больше: строительство расширяется с каждым днем.

У детского сада мы познакомились с дедом Николаем Ефимовичем Матвиенко. Не одно десятилетие он мастерил в кузнице. А теперь в колхозе, смотри,— целый ремонтный завод. Молодежь пошла смекалистая — тот слесарь, а тот дипломированный механик. И дед, хотя и мастером-чудесником слыл, как гоголевский Вакула, «приковал» себя нынче к детскому саду. Смастерил сказочную колесницу и возит ребятишек на ней: утром — в садик, а вечером — по домам.

Колхоз в Ополоновке большой. Объехать все угодья — так километров двести надо дать. И везде — на полях и фермах — управляется в основном молодежь. Зарабатывают хлопцы и девчата хорошо. На фермах, например, рублей по 150 в месяц. В город часто ездить особой нужды нет. Все есть в селе — и кафе по последнему слову архитектуры, и ателье, и дом быта. А лес (около 150 гектаров посадили), а озера с пляжами!

Влюблен в свое село председатель. Дела у него — с утра до ночи. Да еще старые раны дают себя знать. Недавно Михаилу Александровичу еще один осколок вынули. А все же нет-нет да и выкроит он часок-другой, возьмет краски, мольберт — и на этюды.

В. ГЕРБОЛЬД,
сотрудник журнала «Хлібороб України»

ДИССЕРТАЦИЯ МАЙОРА ВИХРЯ

Е. С. Березняк — майор Вихрь.

Фото П. Кривохижина.

Миллионам телезрителей запомнился фильм о подвигах советского разведчика, действовавшего в глубоком вражеском тылу. Это был волнующий рассказ о том, как в годы минувшей войны группа отважных спасла от разрушения фашистами старинный польский город Краков. Телефильм имел большой успех. В своих письмах на телестудию зрители сожалели, что погиб главный герой картины — майор Вихрь. Было много просьб рассказать о его родных и близких, о том, где жил до войны, чем занимался этот смелый человек.

К счастью, майор Вихрь не погиб. Он живет и трудится в Киеве. Настоящее его имя Евгений Степанович Березняк. Он педагог, работает в Министерстве просвещения Украинской ССР, заслуженный учитель республики. Евгений Степанович успешно защитил кандидатскую диссертацию в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко.

Е. С. Березняк получает много писем. Пишут ему рабочие и школьники, ветераны Отечественной войны и комсомольцы, выражая свою признательность мужественному разведчику за героизм и стойкость в борьбе с фашизмом, желают ему доброго здоровья и успехов в работе. Часто пишут легендарному Вихрю и польские товарищи.

— Я рад, что труженики Киева и Кракова дружат много лет,— говорит Евгений Степанович.— Эта дружба скреплена совместно пролитой кровью, она для нас священна.

М. ДЕРЕЗА,
сотрудник газеты «Вечірній Київ»

В ГОДУ ДВУХТЫСЯЧНОМ

Фантасты давно мечтали о «машинах времени», которые смогли бы перенести людей в грядущее и дать им возможность заглянуть в завтрашний день.

— Сейчас дальнее зондирование будущего стало реальностью,— говорит заместитель директора вычислительного центра Госплана УССР М. Л. Полонский.— Роль «чудо-машины» успешно выполняют электронно-вычислительные системы «Урал-4» и «Урал-14». Интересное футурологическое исследование было проведено недавно и в нашем центре.

Изучение проблем численности населения, миграционных процессов имеет исключительно важное значение для дальнейшего планирования и развития народного хозяйства. Учитывая это, киевляне создали 50-томный труд «Демографическая гипотеза Украинской ССР». Как основа были использованы многолетние статистические данные, связанные между собой количественными закономерностями.

Каким же будет население республики в 2000 году?

Сложные расчеты показали, что к началу третьего тысячелетия еще в большей степени снизится смертность, стабилизируется уровень рождаемости и общего прироста населения. В крупных городах будет жить 88—90 процентов населения УССР. В Киеве, например, значительно пополнится «отряд» мужчин и женщин в возрасте 60 лет и выше. В этом отношении столица Украины выйдет на одно из первых мест в стране. Любопытно также, что уже в 2000 году «сильный пол» по своей численности намного опередит женское сословие.

Полученные данные весьма ценны, они послужат научным ориентиром при государственных разработках процессов экономического развития Украинской ССР.

А. ШИШОВ,
сотрудник газеты
«Вечірній Київ»

Ия МЕСХИ

КОМИТАС — ЗНАЧИТ ЗАБОТЛИВЫЙ...

Сначала я услышала его голос. И правильно, что это было сначала. Потому что, куда бы я ни шла в последующие дни, со мной неизменно был его мягкий, с чуть уловимой приятной хрипотцой высокий баритон. И хотелось уяснить: что же главное в его искусстве, в том, что он делает,— чистое и стройное выпевание мелодии или вплетающиеся в песню, почти реальные звуки жизни...

Именно предельная слитность жизни с песней и не поддавалась точному переводу на нотные знаки — ни на староармянские, ни на новые, европейские. И хотя Комитас все же пытался записать свои мелодии на ноты, все равно мы бы так и не узнали покоряющего своеобразия его песен, если б он не пел их сам, а главное, если б он не записал себя...

Да, это был голос самого Комитаса! Он шел из громадного шкафа-усилителя, откуда за несколько минут до этого неслись современные ритмы, густо увитые звуками саксофона. Но вот Армен Ованесян — музыкальный редактор радио — сменил рулон на проигрывателе. Зазвучал подлинный Комитас. И лицо Армена сразу стало строгим и гордым. А мой «гид по Комитасу» — Маргарита Тер-Симонян, музыковед из Института искусств, чьими стараниями создана богатейшая комитасовская фонотека, задумалась, ушла в себя...

С первых же тактов Комитас властно брал вас за руку и уводил к человеку, который искренне радовался, страдал, любил, шел на смерть... И можно было уже не объяснять, что вот это песня плугаря, а это героическая, а это знаменитый комитасовский «Крунк», что значит «Журавль»... Все вместе это было настоящее страдание, настоящая жажда, настоящий гнев, усталость, сила, грусть... Все было настоящее.

Голос Комитаса, записанный чуть ли не шестьдесят лет назад, пел песни, подслушанные в хижинах крестьян, на гумнах, на дорогах... Песни эти были переданы в первозданной своей чистоте.

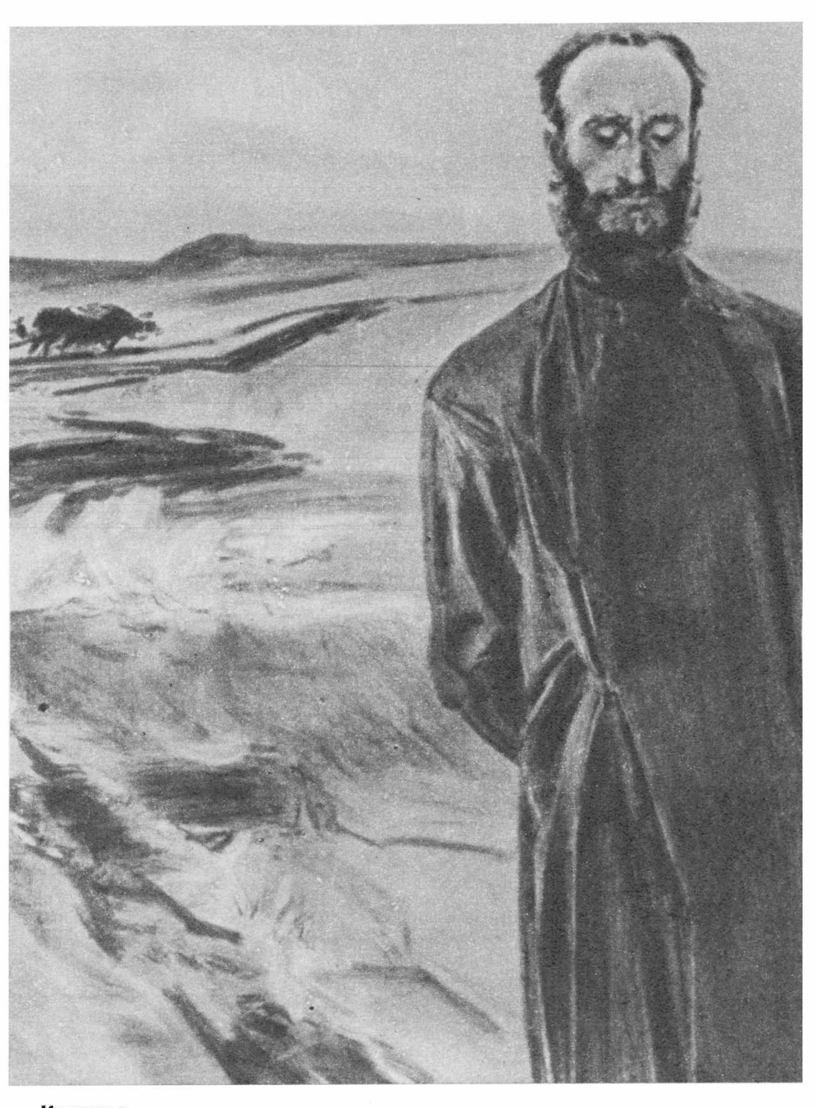
Если геолог нашел ценнейшие залежи, археолог — удивительный архитектурный ансамбль, химик — новое соединение, мы говорим: это — открытие! Комитас раскопал алмазы человеческой души в народных пластах, положив их, как фундамент, в здание армянской классической музыки. С этого он начал. Потом он пошел вперед, пошел дальше, потому что по природе своей был творцом. Он познал свет мировой культуры и, освещенный им, стал строить, создавать армянскую музыку...

Записанный много десятилетий тому назад, необычайно колоритный и сильный голос исполняет куски из лучшего музыкального произведения Комитаса «Патараг». Это поет Арменак Шахмурадян, друг композитора, некогда солист парижской «Гранд-опера».

Арменак Шахмурадян — непревзойденный исполнитель комитасовских сольных произведений. Впрочем, это еще как сказать — непревзойденный ли?!. Вот звучит глубокий, чистый и ясный, как мытое стеклышко, голос нашей современницы, молодой ереванской певицы Лусинэ Закарян. И, право, поет она ничуть не хуже! И снова сменяются магнитофонные ленты. И снова звучат громады комитасовских хоров, исполняемых государственной капеллой под управлением народного артиста Армении Арама Тер-Ованесяна. Звучат песни труда, песни свадебные, песни лирические... Мужество, нежность, юмор...

Откуда же ты взялся, Комитас?

В Музее литературы и искусства, в отделе музыки, хранится рояль Комитаса, лежат его свирели. Кандидат искусствоведения Кнарик Григорян работает над комитасовским архивом; здесь 1 502 документа. Вглядываюсь в староармянскую нотопись; знаки похожи на маленькие флажки и лунные серпы. В правом верхнем углу значится: «Записал и аранжировал Комитас...» Глинка ведь тоже говорил, что музыку создает народ, композиторы лишь обрабатывают ее...



Комитас.

Рисунок Г. Ханджяна.

У Комитаса несколько тысяч таких вот обработок. А сколько произведений для фортепьяно, для камерных и инструментальных ансамблей, для симфонических оркестров и хоровых капелл; отрывки из опер, труды, посвященные армянской крестьянской и духовной музыке... Комитас двадцать лет работал над расшифровкой хазов — древнейших музыкальных знаков народа. Он создал пособия по теории музыки, по хороведению. Ему принадлежат переводы с немецкого по теории вокала. Он писал стихи.

В музее хранятся переписка Комитаса и личные его документы. Вот что написано в тонкой тетради, озаглавленной «Автобиография»:

«Родился в 1869 году, 26 сентября, в г. Кутино Малой Азии. Через три дня после рождения меня нарекли именем Согомон. Отец мой Геворк Согомонян из Кутино, а мать урожденная Тагуи Ованесян из Бурсы. Оба армяне. Согомоняны и другие старинные семьи Кутины переселились из села Цгна области Гохтан в конце XVII века. Вся родня и матери и отца имели хорошие голоса. Отец мой и его брат Арутюн Согомонян были известными хористами в церкви святого Теодороса в нашем городе. Сочиненные моей матерью и отцом песни на турецком языке, часть которых я записал в 1893 году, с большим восхищением все еще поют старики нашего города...»

Написано это в 1908 году. Комитасу тогда было почти сорок лет...

Он познал горечь раннего сиротства; мальчика подобрали и устроили в Эчмиадзинскую академию, как говорится, на полные харчи. Признательный ребенок хорошо учился, старательно пел в церковном хоре, стал лучшим «нотачи». Потом был назначен учителем пения в той же академии, получил сан иеромонаха и духовное имя Комитас. Ему было уже 27 лет, когда он впервые ударил по клавишам рояля; поэтому пальцы сначала еще плохо подчинялись ему...

В самом конце прошлого века Комитас учился в Берлине, в частной консерватории, на деньги богатого мецената; одновременно посещал университет, его интересовали философия и эстетика. Он подготовил доклад об армянской музыке на немецком языке; дипломная его работа была посвящена музыке курдов. В Берлине Комитас, избранный членом Международного музыкального общества, создал вокальный квартет, исполнявший армянские песни.

Возвратившись на родину, Комитас занялся хором Эчмиадзинского собора, музыкальными классами академии. Но вскоре вокруг него начался ропот — его обвинили в пристрастии к песням, «непристойным для служителя бога». Комитас, однако, оставался в своих пристрастиях непреклонен. Он бродил по селам, записывал, творил.

В 1906 году композитор поехал в Париж и, создав там хор, концертировал по Франции, Швейцарии, Венеции со своими произведениями... Но от родины нельзя отрываться надолго, а родиной был Эчмиадзин — все то, что находилось вокруг Эчмиадзина. И Комитас снова в Армении.

Хочется увидеть Эчмиадзин — места, где жил и творил композитор. Дом, где он жил, не сохранился. А в учебных классах бывшей академии работает средняя школа. Скоро она получит другое помещение, а здесь откроется музей армянской культуры, музей Комитаса прежде всего... Невдалеке — церковь Рипсимэ, которую возвел католикос VII века, он тоже носил имя Комитас, что в переводе с греческого значит «заботливый».

Комитас прежде всего был проникнут большой гражданской заботой о родине. Но Комитасу становилось все трудней и трудней в Эчмиадзине. Церковники мешали ему творить, и он уехал в Константинополь, где в ту пору жило более ста тысяч армян. И едва только начала налаживаться его жизнь, как вдруг надвинулся трагический 1915 год, который армяне называют годом Большой беды.

Комитаса схватили и после тюрьмы, побоев, глумления сослали; он стал свидетелем зверств над своими соотечественниками. Потом он был освобожден и вернулся в Константинополь, но было поздно: разум его помутился, он заболел. И прожил так, не живя, еще двадцать лет...

В Ереванской консерватории имени Комитаса меня познакомили с самым крупным в Армении комитасоведом — Робертом Аршаковичем Атаяном. Дважды побывал он в Париже, где доживал свой печальный век Комитас. Атаян собрал громадный материал, виделся с другом Комитаса — Маргаритой Бабаян, бывшей ученицей Полины Виардо; ей шел тогда девяностый год... Оказывается, еще при жизни Комитаса началась собирательская деятельность его друзей; в 1923 году появились 8 тоненьких тетрадей его песен. Теперь задуманный Робертом Аршаковичем трехтомник Комитаса вырос в объемистый двенадцатитомник; сейчас он издается.

В походах по комитасовским местам я встретилась с народным артистом СССР Суреном Кочаряном.

— Непременно познакомьтесь с рисунками Ханджяна,— сказал он мне.

И я побывала у Григора Ханджяна, народного художника Армении, члена-корреспондента Академии художеств СССР.

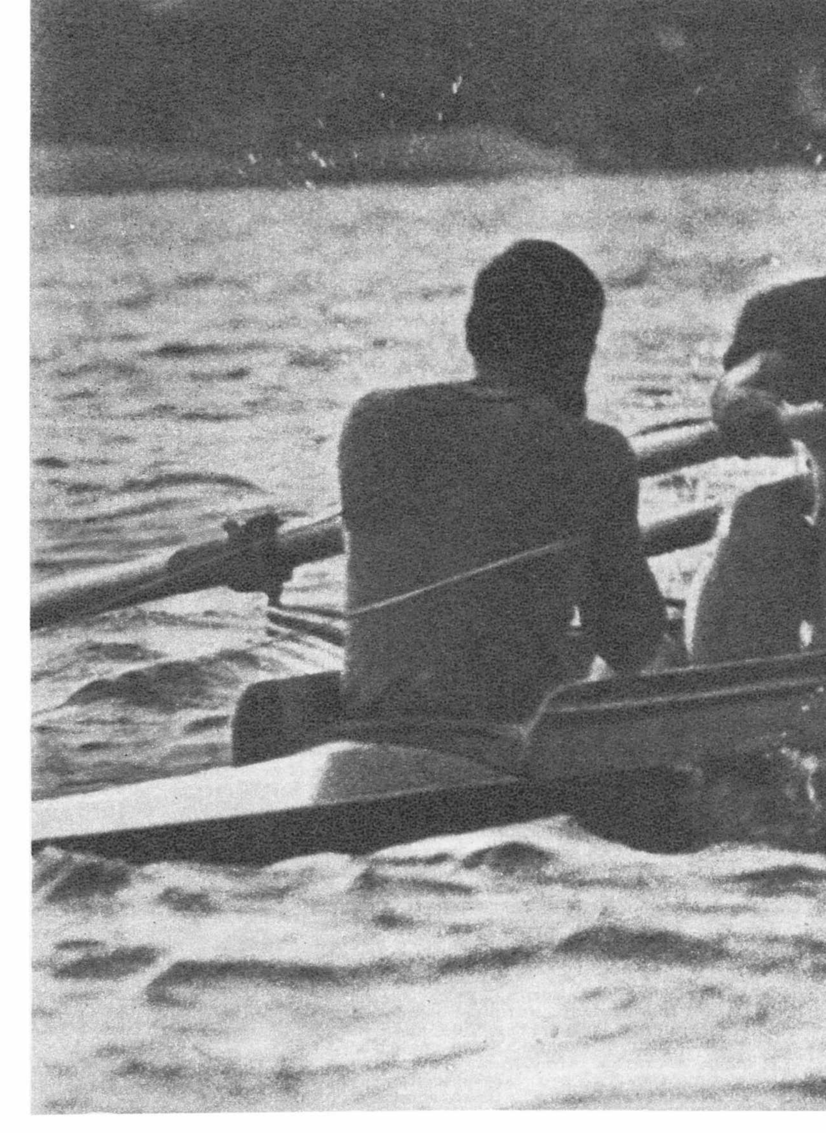
Он начал рисовать Комитаса еще студентом. Рисовал портреты, создавал композиции... Когда появилась поэма Паруйра Севака о Комитасе, Григор создал рисунки, вложив в них все, что думал об этом человеке и его времени.

В этом году рисунки Ханджяна ленинградцы уже видели в Эрмитаже, теперь с ними знакомятся москвичи в залах Академии художеств. Они представлены на соискание Государственной премии СССР.

Как хорошо, что в Москве уже много лет существует струнный квартет имени Комитаса! И как замечательно, что объявлен всесоюзный конкурс на проект памятника Комитасу в Ереване! Да и вообще прекрасно, что Комитас не забыт...

ФИЗКУЛЬТУРУ — В ДИПЛОМ!

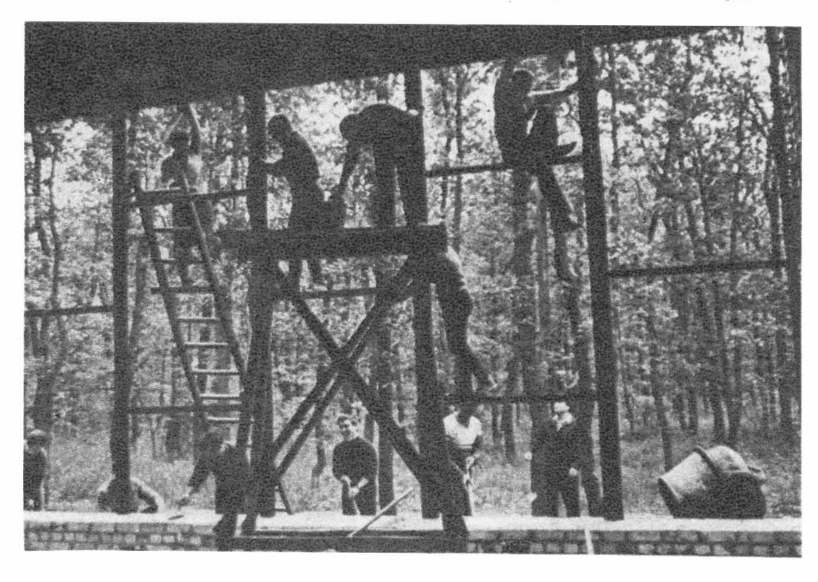
Б. СОПЕЛЬНЯК,
А. БОЧИНИН



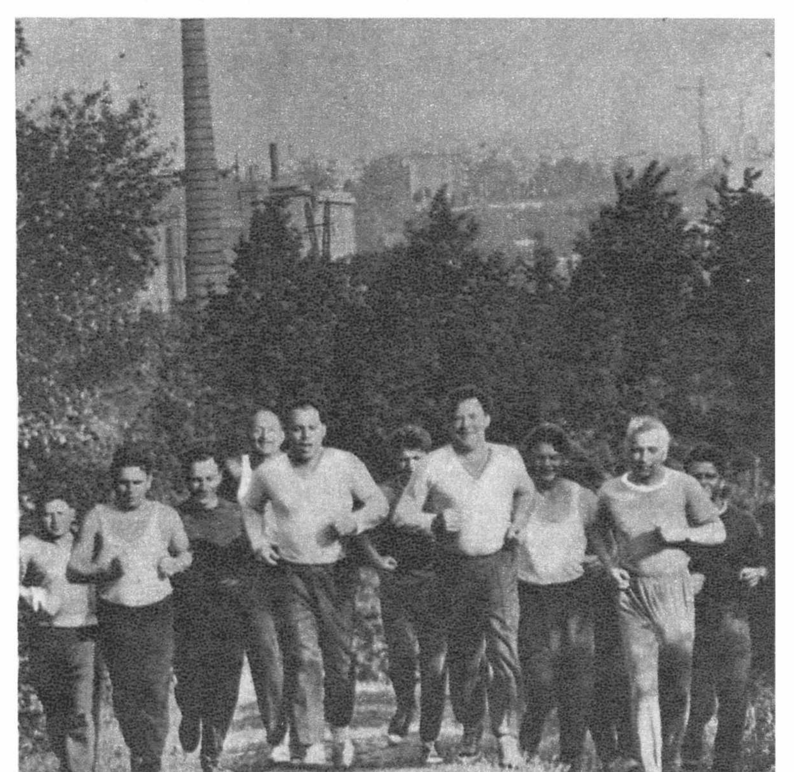
Здесь простоев нет.

Виктору Бондаренко есть чему радоваться — только что он выполнил норматив кандидата в мастера спорта по тройному прыжку.

В спортивном лагере хозяева — студенты.



Так начинается день институтских преподавателей.



Заведующий кафедрой физвоспитания Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта Николай Михайлович Усенко рассказывал нам о том, что институт, основанный в 1930 году, во время войны был так сильно разрушен, что под спортивный зал пришлось использовать столовую. Рассказывал о том, как студенты расчистили большой участок от развалин главного учебного корпуса и на этом месте построили стадион. И в этот момент в кабинет вошел какой-то студент.

— Простите, у меня дело. Серьезное,— заявил он.

— Ну, если серьезное...

— Я, видите ли, отличник,— начал он.— Претендую на диплом с отличием... А по физкультуре — тройка. Еще на втором курсе схватил. Можно исправить?..

— Вот оно что! — сказал Усенко.— Спохватился. А три года назад наверняка просил у врача справки, чтобы не ходить на физкультуру?

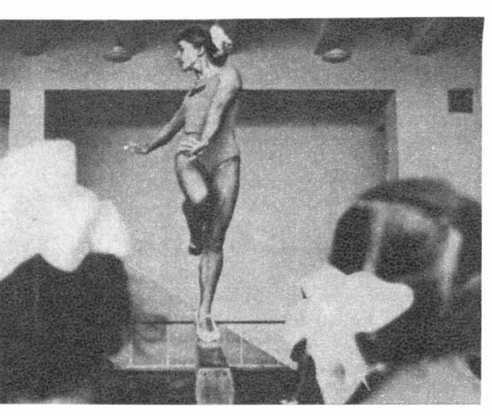
— Нет,— замялся студент.— Просто я не умел плавать. Бассейна еще не было, а так — где научишься... Теперь записался в группу здоровья, плаваю два раза в неделю.

— А в строительстве бассейна участвовал?

— Конечно. Стены штукатурил...

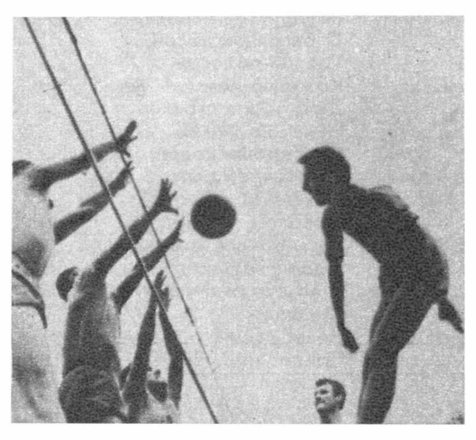
— Что же... Пересдавай. Но учти, чтобы получить пятерку, надо выполнить третий разряд.

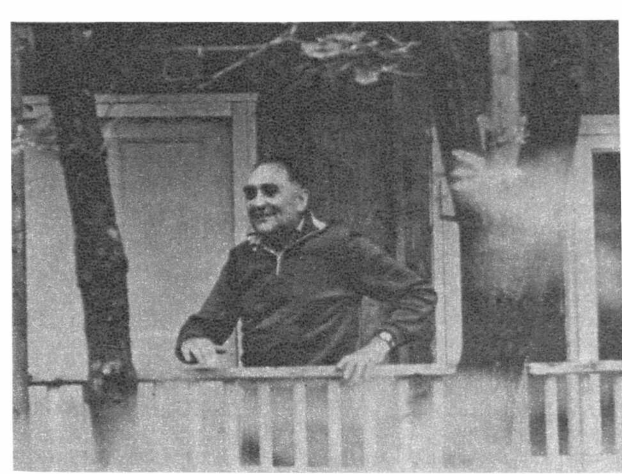
Потом Николай Михайлович объяснил подоплеку этого разговора. В большинстве вузов страны занятия по физическому воспитанию проводятся только на двух первых курсах. После этого студенты сдают зачет и больше на стадион не заглядывают. Исключение составляют только члены сборных команд. Положение, конечно, более чем странное. И, видимо, не случайно данные медицинских осмотров старшекурсников часто вызывают тревогу специалистов. Пять лет назад, ознакомившись с результатами такого осмотра, встревожились и члены ученого совета Днепропетровского института. Именно поэтому они решили, что все студенты обязаны посещать двухразовые занятия по физкультуре в течение четырех лет, а потом сдать



На бревне Нина Белокопытова.

Тройной блок.





Ректор института Н. Р. Ющенко осматривает домики, в которых живут студенты.

дифференцированный зачет, причем эта оценка решает вопрос и о стипендии и заносится в диплом об окончании института.

Через три года были проведены контрольные испытания. И результаты поразили даже видавших виды специалистов. Студенты перестали бегать в институтскую поликлинику, а дистанцию 1 500 метров стали пробегать на 8 секунд быстрее. Ребята окрепли, девушки стали стройнее, прекратились пропуски лекций по болезни. Не нарадуются и преподаватели: как-то незаметно начали исчезать двоечники. Но была у сотрудников кафедры физвоспитания одна серьезная забота: уж очень много студентов не умело плавать, а на Днепр с ними не пойдешь: течение такое, что в воду лучше не соваться... И снова собрались члены ученого совета, парткома, профкома и комитета комсомола. В результате родилось еще одно решение: разобрать старое складское помещение и на его месте построить двадцатипятиметровый открытый плавательный бассейн с искусственным подогревом воды.

Проект бассейна разработали преподаватели и студенты факультета промышленного и гражданского строительства. Комсомольская организация направила на кирпичный завод несколько студенческих групп, и они приготовили 150 тысяч кирпичей. А вскоре был организован и штаб строительства, разработан график работ, и ребята сами вырыли котлованы и траншеи, проложили трубы, возвели стены.

Через два года бассейн был готов. Открывали его так весело и торжественно, что легенды и анекдоты об этом ходят до сих пор. Конечно, не умеющего плавать студента или преподавателя теперь надо искать по институту днем с огнем. Всего два года существует плавательный бассейн, а за это время уже подготовлено два мастера спорта, шесть перворазрядников и открыта детская спортивная школа.

Так плавание стало у студентов одним из самых любимых видов спорта. Однако в институте оказались завистники — гребцы. Чем мы хуже, заявили они, и студент-дипломник В. Вихляев избрал темой своего проекта строительство гребной станции... Через год на берегу Днепра выросло двухэтажное здание гребного клуба с просторными эллингами и причалами. Теперь институтские гребцы одни из сильнейших в городе.

— ...Раньше мы стреляли в подвале,— вспоминает кандидат в мастера спорта Б. Бабич.— Представляете, что там творилось: чад, дым, грохот. На воздух выбирались совершенно оглохшие, с красными глазами. На соревнованиях, конечно, выступали неважно. А потом засучили рукава и построили отличный пятидесятиметровый тир. Через два года команда института стала сильнейшей в городе. А мы с Кириченко и Калашниковым ездили на соревнования в Стокгольм и Лейпциг и там в составе команды советских стрелков завоевали золотые медали Международного спортивного союза железнодорожников.

Но больше всего повезло гимнастам, борцам, штангистам, волейболистам и баскетболистам. Им не пришлось рыть котлованы и тянуть трубы; прекрасный четырехзальный спортивный корпус сооружал строительный трест, хотя без помощи студентов, конечно, не обошлось. Стеклянная стена огромного игрового зала выходит в тенистый парк. В зале гимнастики весь день идут тренировки. Рано утром после кросса сюда заглядывают профессора и преподаватели во главе с ректором института Николаем Романовичем Ющенко. Потом приходят школьники из детской спортивной школы, чуть позже — студенты-разрядники. А вечером появляются сильнейшие гимнасты института и среди них чемпионы Днепропетровской области Нина Белокопытова и Олег Мамаев.

В прекрасно оборудованных залах борьбы и штанги пока пустовато. Но это пока: институтские богатыри лишь недавно отпраздновали новоселье...

В Днепропетровском институте любят спорт, понимают, как он может помочь в учебе. Именно потому и родился здесь лозунг: физкультуру — в диплом! Теперь эта задача приобрела новое, еще более весское звучание: физкультуру — в жизнь студента!

Михаил ХОНИНОВ

ПОД ПЕНЬЕ ДОМБРЫ

ЛЮБЛЮ Я МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

Я был солдатом,
Видел все на свете —
Отчаянье беды и взрыв страстей.
Не зная бед, пусть радуются дети.
О как люблю я маленьких детей!

Я был солдатом.
В нашей жизни веха —
Победа или маленький успех.
Детей я видел, но не слышал
смеха.
О как с тех пор люблю я
детский смех!

Я был солдатом.
Пели нам метели,
В землянках был свой фронтовой
уют.
Но я не слышал там, чтоб дети
пели.
О как люблю, когда они поют!

Я был солдатом,
Помню годы эти,
Сам окружал
И попадал в кольцо.
Я видел, как на фронте гибли
дети.
О как люблю я детское лицо!

Я был солдатом,
Был тогда я молод,
В огонь и в воду шли мы
напролом.
Детей косой косили холод, голод.
О как люблю детей я за столом!

Я был солдатом.
Вражеские «тигры»
Сожгли село над речкой, на горе.
Там детские навек умолкли игры.
О как же я люблю детей в игре!

Я был солдатом.
Снова поневоле
Во сне рубеж мы огненный берем.
Детей сожгли фашисты
в сельской школе.
О как люблю детей над букварем!

Я был солдатом,
Видел в сорок пятом
И наш триумф и вражьих армий
крах.
Устал идти все время с автоматом.
Люблю детей носить я на руках!

Я был солдатом,
Видел все на свете
И смерть встречал лицом к лицу
не раз.
Люблю, чтоб вкруг меня сидели
дети
И радость чтоб лилась из детских
глаз.

Перевел с калмыцкого
Ал. Николаев.

ПРОЩАНИЕ

Плыл над тополем месяц тонкий,
Порыжелые листья граня.
Милым, ласковым верблюжонком
Называла тогда ты меня.

И ладони мне клала на плечи
И, великой любви не тая,
Говорила: «Родной человече,
Я отныне навеки твоя!»

Тополек под окном веселый
Мне нашептывал сладкие сны...
Уходил я в военную школу
Накануне великой войны...

Перевел Ник. Поливин.

БАЛЛАДА БЕЛОРУССКИХ ЛЕСОВ

В лесах белорусских
Бывало
Немало
Такого,
Что после легендою стало,
Немало такого,
Что стало легендой,
А также — смешного...
Ох, были моменты!

Фашистская часть
С офицером блестящим
Сумела попасть
В окружение... чащи:
Березок, кустов,
Что и слева и справа,
И грозных дубов
Белорусской дубравы —
Властителей здешних
Зеленого царства.
Ольшаник,
Орешник,
Кленовый кустарник,
Чисты и густы
Изумрудные дали...
Но в немцев кусты
Почему-то стреляли:
По ним полоснули
То справа,
То слева
Смертельные пули
Народного гнева.
Был лес оглашен
Офицерским фальцетом:
«Проклятый район:
Каждый куст с пистолетом!
Тут есть гарнизон...
Бьют с разных сторон...
Кусты да еще
Коммунисты при этом!»
Вдруг крик за кустами:
«Гото-овься к атаке!»
Тут сдаться и сами
Готовы вояки.
Пришел из кустов
По тропиночке узкой,
С винтовкой, суров,
Паренек белорусский
В расшитой рубахе,
В пушистой папахе,
С багряной косой,
Грозой-полосой,
Которую немцы
Заметили в страхе.
Никак не уймут
Они дрожи колен:
«Я... Гитлер капут...
Покажите, где плен».
Доволен, что цел,
Хоть боялся возмездья,
Фашист-офицер
И не думал о чести.
И взвод,
Позабывший о выправке прусской,
Привел на допрос
Паренек белорусский.

В землянке штабной
Офицерик дрожал,
Все думал вояка:
«Кто нас задержал?..»
Спросил у парней,
Что его сторожили:
«А сколько частей
Нас в лесу окружили?»
Не очень детально
Ответили строго:
«Военная тайна,
Частей было много!»

О, если он знал бы,
Что их приволок
Кочующий снайпер,
Кочевник-стрелок,
Двадцатидвухлетний
Простой паренек.

Перевел Анисим Кронгауз.

ПОСЛАНИЕ

Народному поэту Белоруссии
Петрусю Бровке.

Когда я затоскую вдруг,
Готов я слушать неустанно
Вновь языка иного звук,
Твоей строкой бинтуя рану.
И вновь благодарю судьбу,
Связавшую дороги наши,
И пью калмыцкую джомбу [1],
Твоей строки поднявши чашу.

Перевел Анисим Кронгауз.

ДОН

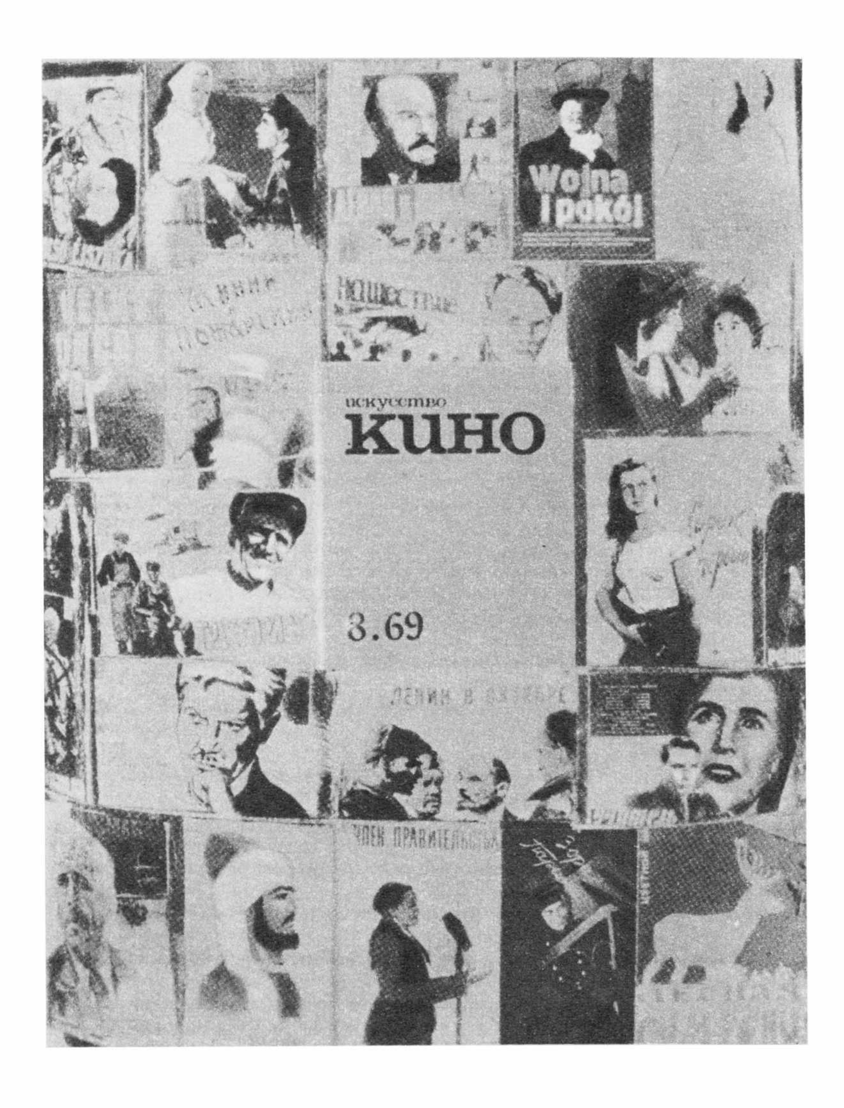
Ты, Дон, как мой столетний дед,
Беседуешь со мною мудро,
Ты для меня — степное утро,
Степного неба чистый свет,
Дон величавый, среброкудрый,
Домброй калмыцкой будь воспет!

Твоя волна спешит припасть
К ногам натруженным солдата...
Свой ум и сердце без возврата
Я отдаю тебе во власть.
Где б ни был я, всегда свой стих
На пенье волн твоих настрою
И подхвачу своей домброю
Неугомонный лепет их.
Я вижу: отражен водой,
Мой дед проходит шагом
твердым,
Слились вы в песнопенье
гордом —
Ты, Дон, и джангарчи седой.

Сиянье боевых знамен
Горит в твоем полдневном
блеске.
Звучит в твоем немолчном
плеске
Могучий отзвук двух имен:
Буденный! Городовиков!
Связало неразрывной цепью
Донскую степь с калмыцкой
степью
Сверканье доблестных клинков.

Перевел Анатолий Найман.

[1] Калмыцкий чай.



ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ПО СТРАНИЦАМ „ИСКУССТВА КИНО“

На обложке восьмого номера журнала «Искусство кино» — афиши... Множество афиш: «Ленин в Октябре», «Ленин в Польше», «Член правительства», «Трактористы», «Минин и Пожарский», «Сорок первый», «Нашествие», «Лесная симфония», «Дело было в Пенькове»...

По сути дела, уже отсюда, с этой изящной при всей своей пестроте обложки, выполненной художником А. Семеновым, и начинается интересный, умный разговор редакции с читателем. Давние афиши читатель рассматривает сосредоточенно и внимательно, многое вспоминая, многому радуясь, о многом задумываясь..

Глубоким, значительным содержанием привлекает и большинство статей, печатающихся на страницах августовской книжки «Искусства кино». Почти все материалы здесь посвящены большой дате: пятидесятилетию ленинского декрета о кино.

Многоголосый и яркий, пестрый и живой мир нынешнего советского киноискусства открывается на страницах журнала. Видишь знакомые и незнакомые лица актеров, режиссеров, операторов... Мелькают кадры, рабочие моменты новых, только еще снимающихся фильмов. Они делают юбилейную подборку праздничной, передают широту творческого размаха нынешней работы большинства киностудий

Участниками юбилейной кинопанорамы на страницах «Искусства кино» являются все республики. За время, прошедшее с 27 августа 1919 года, создан огромный экранный мир. Именно в тот исторический день — пятьдесят лет назад — был подписан В. И. Лениным «Декрет о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение народного комиссариата по просвещению».

За полвека жизни возникло и развилось самое любимое из искусств у многомиллионного зрителя, народа,— искусство кино.

И все же редакция в передовой статье справедливо замечает, что «много еще надо сделать, чтобы быть достойным народа, которому служит, о котором рассказывает, ради которого и существует искусство экрана».

Привлекает внимание подборка статей, печатающихся в новом разделе: **«Традиции, уходящие в завтра»**. Здесь — средоточие мысли августовского номера. Его идейную целеустремленность, пожалуй, ярче всего выражает статья «Классика на марше». Автор статьи Д. Шацилло, говоря о кинематографе тридцатых годов, убедительно доказывает, что именно тогда проявились его специфические черты: «...примат партийности и народности в решении сюжетов и образов, диалектика новаторства и традиций, массовый адрес экранного слова и изображения, неразрывная связь героя с жизнью народа, органическая, пронизывающая все поры произведения революционность...»

Публицистически острая статья возвращает нас к незабываемым лентам той поры, когда «между творчеством и жизнью,— как пишет Д. Шацилло,— не существовало дистанции».

Очень доказательно отвергает он сетования некоторых критиков по поводу «неудач» этих фильмов. В частности, опровергнуты им и претензии подобного рода, высказанные в свое время С. Фрейлихом в сборнике «Вопросы киноискусства».

Нельзя также не отметить статью «Постижение эпоса» как одно из наиболее интересных выступлений августовского номера «Искусства кино».

Автор статьи У. Гуральник точно определяет тему своего исследования подзаголовком: «Война и мир». Фильм и его критика».

В статье справедливо говорится: «Наступила, очевидно, пора по достоинству оценить значение фильма «Война и мир», разобравшись в том, как реагировала на появление картины профессиональная критика.

Это особенно важно сделать потому,— пишет У. Гуральник,— что во многих случаях критика (в первую очередь это относится, пожалуй, к журналу «Искусство кино») заняла в отношении фильма странную позицию, которая не выразила общественного мнения, резко расходилась с отношением, формировавшимся в широкой зрительской аудитории».

Вполне самокритичное, как видим, заявление более чем справедливо. В статье правильно сказано также, что критики чаще всего отмалчивались либо отделывались поверхностными, а то и откровенно высокомерными, пренебрежительными аттестациями фильма.

«Предвзятость—плохой судья»,— замечает У. Гуральник. Он доказывает, что только «свободная от групповых пристрастий и произвольной вкусовщины критика может быть по-настоящему объективной, способной к глубокому осмыслению творческого поиска художника, его результатов, его находок и потерь».

Глубоко исследуя творческие пути С. Бондарчука, его смелую попытку показать на экране сложнейшую толстовскую «диалектику души», воспроизвести внутренний мир героев, зримо запечатлеть самый процесс их мышления и чувств, У. Гуральник резко полемизирует с Игорем Золотусским («Новый мир», 1968, № 6), чье отношение к фильму «Война и мир» выражено, как считает автор статьи, публикуемой в журнале «Искусство кино», уже в самом названии статьи И. Золотусского: «Добавление к эпосу (Толстой в романе и Толстой в фильме)».

Не отказывая Игорю Золотусскому в эрудиции и полемическом блеске, У. Гуральник тем не менее убедительно разбивает аргументы И. Золотусского, шаг за шагом обнаруживая предвзятость и недоброжелательство, а тем самым и доказывая их несостоятельность.

«...Видишь,— пишет У. Гуральник,— как, сдвинув некоторые акценты, критик ставит проблематику романа Толстого с ног на голову... делит Толстого на «внешнего» и «внутреннего».

На картину, сделанную С. Бондарчуком, И. Золотусский обрушивается прежде всего за ее якобы абсолютную бездуховность, заземленность. Здесь же, как ни странно, ищет И. Золотусский и объяснения огромного успеха картины за рубежом. Причины этого успеха будто бы не в истинных достоинствах фильма, а лишь в том любопытстве, с каким западный зритель относится к внешнему изображению жизни старой России.

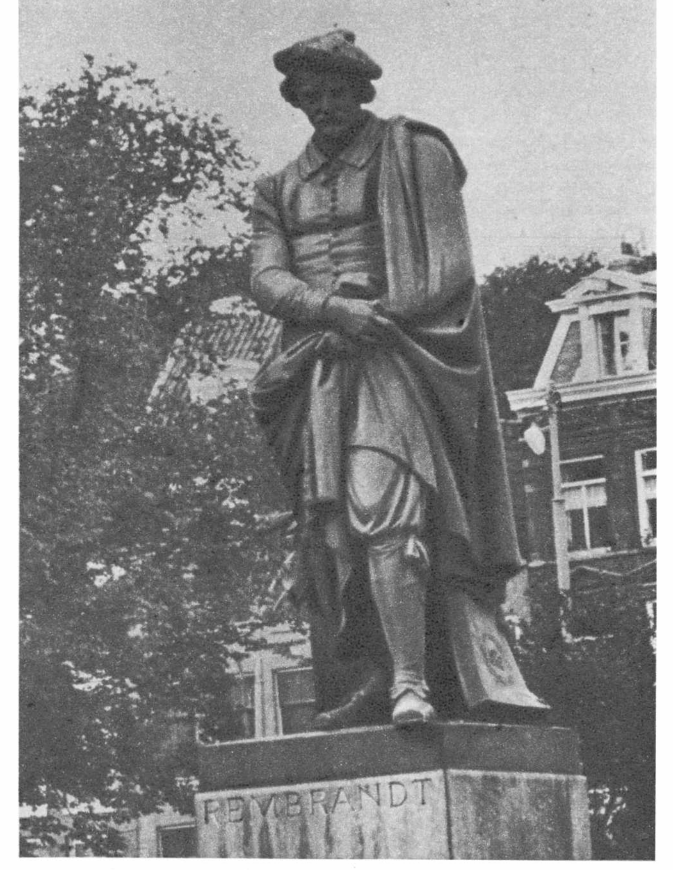
Предвзятость—поистине не только плохой судья, но еще и плохой советчик, скажем мы от себя.

Большая, содержательная исследовательская статья У. Гуральника содержит объективный, далекий от канонизации, всесторонний разбор фильма — гигантской эпопеи русской жизни. Экранизация «Войны и мира» была риском, и очень большим. Чтобы отважиться на него, нужны были гражданское мужество и творческая смелость.

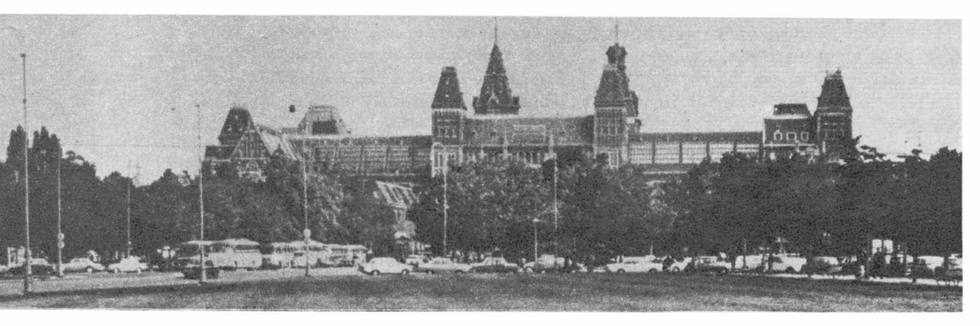
Они нашлись.

«Гигантский труд,— подводит итоги автор статьи,— вобравший в себя опыт целых поколений, унаследовавший великие традиции русского искусства и национальной культуры, в целом увенчался большим, принципиальным успехом».

Н. ТОЛЧЕНОВА



Памятник Рембрандту в Амстердаме.



Сокровищница Голландии — Рейксмузеум.

В. НЕЧИТАЙЛО,
народный художник РСФСР

Фото специальных корреспондентов «Огонька» И. Тункеля и Д. Ухтомского.

Поездка в Голландию дала возможность поближе познакомиться со многими славными именами художников XVII столетия — Франс Гальс и Ян Вермеер, Ян Стен и Адриан ван Остаде, Габриэль Метсю и Адриан Браувер. Все имена насколько известны, настолько и дороги. Но Рембрандт Гарменс ван Рейн — величайший гений мирового искусства — занимает особое место. Ни с кем не сравнимое. И для каждого художника — праздник увидеть картины Рембрандта на его родине, где он создавал эти шедевры, побывать в его уцелевшем от времени доме по улице Брестраат в Амстердаме, у шлюза святого Антония, где мастер жил в расцвете своей недолгой прижизненной славы и где теперь находится музей.

Правда, музей полупустой. Ни одной картины. Великое богатство этого дома было распродано за бесценок еще при жизни художника. Поднимаясь по истертым деревянным ступеням лестницы этого дома, невольно думаешь: столько видел он восторгов, когда Рембрандт создавал в нем свои шедевры, и столько страданий, когда за долги было описано и продано с молотка все бесценное имущество.

Проходя по комнатам, замечаешь, что некоторые окна остались такими же, как на офортах и рисунках художника,— с теми же металлическими переплетениями. От этого начинаешь еще внимательнее вглядываться в предметы. Припоминается инвентарная опись имущества Рембрандта, которая была сделана в 1656 году. Там записано: «В передней. 1) Картинка Адриана Браувера, изображающая пирожника. 2) Таковая же с изображением игроков, того же Браувера. 3) Женщина с ребеночком, небольшая картинка Рембрандта ван Рейн. 4) Мастерская художника, названного Браувера. 5) «Жирная кухня», названного Браувера. 6) Гипсовая голова...»

И далее: «...в маленькой конторе. 349) Десять маленьких и больших картин Рембрандта». Заметьте: сразу под одним номером десять картин! Составители, видимо, уже устали, два дня занимаясь описью колоссального количества картин. И подумать только: всех этих произведений и самого Рембрандта, и картин Рафаэля, Джорджоне, и многих других великих художников не хватило, чтобы выплатить долг за один дом! Рембрандт так и остался до конца дней несостоятельным должником. Так и не расплатился. И теперь в этом доме — немом свидетеле былых богатств, которые находились в нем при жизни мастера,— на стенах лишь репродукции с рисунков и офортов. Рембрандта. Да и этих могло бы быть побольше...

В доме, имеющем четыре этажа, много комнат, но нет таких, в которых художник мог бы писать свои не только большие, но и средних размеров картины, так что, видимо, мастерская Рембрандта находилась в другом месте — во дворе. Ведь известно, что при мастерской Рембрандта был амбар, разделенный перегородками на небольшие комнаты, где каждый ученик, не мешая другому, мог работать.

У Рембрандта было много учеников не только со всей Голландии, но и из других стран, которые у него жили, столовались и пользовались как реквизитом всей громадной собранной художником коллекцией произведений искусства, костюмов, предметов обихода. Мастерская Рембрандта была самой демократической, передовой школой того времени.

Родился Рембрандт 15 июля 1606 года в семье мельника в Лейдене. Окончив латинскую школу, он поступил в Лейденский университет, очевидно, подчинившись желанию родителей. Но страсть к живописи взяла свое. Рембрандт бросает университет и переходит в мастерскую лейденского живописца Якоба ван Сваненбурга. Очевидно, молодой художник не был удовлетворен полностью этим своим учителем, так как через три года он приезжает в Амстердам для завершения образования и оказывается в мастерской модного в то время исторического живописца Питера Ластмана. Поработав совсем немного у Ластмана, в 1626 году двадцатилетний Рембрандт вернулся в родной Лейден. Началась самостоятельная напряженная работа мастера. Появились заказы, ученики, известность.

В музее Роттердама экскурсовод обратила наше внимание на небольшую картину с серым колоритом, гладкой поверхностью холста, проработанного досконально. Оказывается, это была работа совсем еще юного Рембрандта «Блудный сын», относящаяся к лейденскому периоду. И в самом деле, по этой картине еще трудно узнать будущего Рембрандта. Нет еще не только всеобобщающего золотистого тона, который появится в 40—60-х годах в его картинах и портретах, но и сильной, контрастной лепки формы. Однако есть уже искреннее, глубокое переживание происходящего события и участие к страдающему человеку. Тему этой картины Рембрандт пронес через всю свою жизнь. И мы знаем, как завершил он ее к концу жизни, написав потрясающий шедевр «Возвращение блудного сына», находящийся теперь в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Этой картиной Рембрандт как бы подытожил свой творческий путь, свои выстраданные раздумья.

Евангельская притча о блудном сыне говорит, как легкомысленный юноша, получив у отца свою долю наследства, покинул родной дом и,

РЕМБРАНДТ

Рембрандт ван Рейн. (1606—1669). АВТОПОРТРЕТ С САСКИЕЙ НА КОЛЕНЯХ. 1634 г.

Дрезденская галерея.

Рембрандт ван Рейн. АССУР, АМАН и ЭСФИРЬ. 1660 г.

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

30

промотав все с неверными друзьями, исстрадавшись, наконец вернулся в родной дом, где нашел прощение и родительскую любовь.

В картине Рембрандта фигуры отца и сына слились воедино. В них вся психологическая, внутренняя глубина — в опущенных, ощупывающих сына руках отца, упавшей на колени фигуре одетого в лохмотья сына. Окружающая обстановка совсем не интересует мастера. Она едва намечена. В глубине, в полумраке виднеются несколько фигур. Они лишь присутствуют, как бы сочувствуя происходящему.

Рембрандт берет размер фигур больше натуры, чтобы на стене они стали натурой, чтобы предельно выразительно запечатлеть гуманную идею любви к человеку. Отец с припавшим к нему сыном озарены рембрандтовским светом, предельно нагружены выпуклой, пастозной живописной кладкой. Вблизи — хаос красок. Но сделайте несколько шагов назад от картины — и вы увидите потрясающую по своей глубине сцену. Такой свободной, «раскованной» живописи еще не знал мир!

И не потому ли картина эта, блуждая по аукционам Европы целых сто лет после ее написания, не находила себе места в галереях, пока, к счастью для нас, не попала в 1766 году в Эрмитаж.

Удивительной силой и мощью веет от полотен Рембрандта и в Амстердамском рейксмузеуме — сокровищнице Голландии. По пути к Рембрандту вы смотрите там прекрасные картины многих голландских художников. В том числе свободно исполненные, жизненно правдивые групповые портреты другого великого голландца — Франса Гальса, где на вас глядят стоящие подбоченясь, в натуральный рост, одетые в парадную форму усачи-стрелки, увековеченные смелой и виртуозной гальсовской кистью.

Но вот вы в залах Рембрандта. И торжествует народная мудрость, гласящая, что... «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Небольшие залы с невысокими потолками, стены окрашены в нейтральный цвет, и на их фоне как нельзя лучше выявляется мощная живопись Рембрандта последнего периода. Производимое ею впечатление столь велико, что все, что вы видели до этого, проходя по музею, как бы испарилось, стало легким, эфемерно-невесомым. Все затмила мозаика драгоценных красочных сплавов в рембрандтовских полотнах: «Отречение Петра», «Синдики», «Еврейская невеста». Рассматривая их, вы невольно ищете и самую главную картину Амстердамского музея — так называемый «Ночной дозор», групповой портрет гильдии стрелков, вот уже полтора столетия носящий это неверное, но повсюду принятое название. На самом деле есть все основания утверждать, что картина была написана при дневном освещении, на солнце.

«Ночной дозор» экспонируется в отдельном зале. Но прежде чем попасть туда, вы проходите мимо работ учеников мастера — через так называемый зал школы Рембрандта. Наконец вы у цели. Перед вами картина размером почти четыре на пять с лишним метров. Первоначальный размер ее был еще больше. Известно, что при переносе картины в зал военного совета амстердамской ратуши в 1715 году ее обрезали со всех четырех сторон, так как она не вмещалась на предназначенное для нее место. Особенно много (около метра) срезали с левой стороны, поэтому нарушилась общая композиция картины: главные действующие лица — капитан и лейтенант — оказались почти в центре.

Однако и в таком виде «Ночной дозор» производит неотразимое впечатление — торжественное и ликующее. Прямо на вас движутся амстердамские стрелки, поднятые по тревоге капитаном Банингом Коком и лейтенантом Рейтенбургом. Выхваченные горячим, сильным, солнечным рембрандтовским светом из затененного зеленоватого фона заднего плана картины, эти главные персонажи открывают движение идущих за ними стрелков. Капитан в темном бархатном костюме, как и весь фон, легко прописан. Выделяются лицо, светлый воротник и освещенная жестикулирующая рука. Рядом лейтенант (кстати, оба они размером больше натуры) в светло-желтом костюме так нагружен мощной кладкой краски, держащейся уже триста с лишним лет со времени написания, что благодаря шероховатости фактуры от вибрации света он сам излучает свет!

Масляная живопись с годами очень сильно уплотняется, усыхает. Так что даже трудно себе представить, каков же был ее слой в освещенных, светлых местах картины в момент написания, то есть в 1642 году!

А он сверкал, лучился, горел. И... шокировал заказчика. И... «возмущал» обывателя. Зато, как пишет первый биограф Рембрандта, Филиппо Бальдинуччи, Рембрандт этой картиной «создал себе большое имя» и о ней ...«громко кричало современное поколение».

А капитан Банинг Кок тем временем заказал свой портрет модному в то время художнику, который конкурировал и побеждал во мнении официальных верхов Рембрандта,— Ван дер Гельсту. Этот Ван дер Гельст специализировался на писании помпезных, парадных и бездушных портретов. Очевидно, таким портретом капитан Кок был полностью утешен. Правда, капитан заказал для себя живописцу Лунденсу еще и копию с «Ночного дозора». Благодаря этому мы имеем точное повторение шедевра Рембрандта, находящееся теперь в Лондоне.

Все исследователи единодушны в том, что после выполнения этого заказа (хотя картина и была своевременно оплачена) между заказчиками и художником в отношениях появилась первая заметная трещина, разросшаяся с годами в непреодолимый разрыв.

Слишком смело и необычно разместил в пространстве холста портретируемых стрелков Рембрандт. Не все портретируемые одинаково хорошо видны, некоторые и вовсе написаны в тени. Почтенные буржуа, заплатившие каждый около 100 гульденов — «немного больше или немного меньше, в зависимости от места, которое он занимал в картине»,— за увековечение своей персоны, так разобиделись, что кололи пиками в собственные изображения на холсте: следы этих ударов обнаружила недавняя реставрация.

В этой картине гений Рембрандта заявил о себе во весь голос. А требования обывателей всегда сводятся к одному и тому же: чтобы было все на виду, было чисто и гладко сделано. Но горе художнику, если он поддавался этим требованиям, угождая обывательским вкусам.

Гениальное творение Рембрандта породило самые разноречивые отзывы и многочисленную литературу. Любопытен отзыв ученика Рембрандта, отошедшего затем от своего великого учителя,— Самуэля ван Гоохстратена. В своем трактате об искусстве он писал по поводу «Ночного дозора»: «Художник не должен выстраивать свои фигуры одну рядом с другой, как это часто встречается на голландских групповых портретах стрелковых компаний. В композиции должно господствовать единство, что как раз имеется на картине Рембрандта, в которой отдельные портреты даже чрезмерно подчинены целому. Картина эта, за многое заслуживающая порицания, переживет всех своих соперников благодаря своей живописной идее, изяществу композиции и той силе, которая в ней заключена.

По сравнению с ней другие портреты стрелковых обществ производят впечатление фигур из колоды игральных карт».

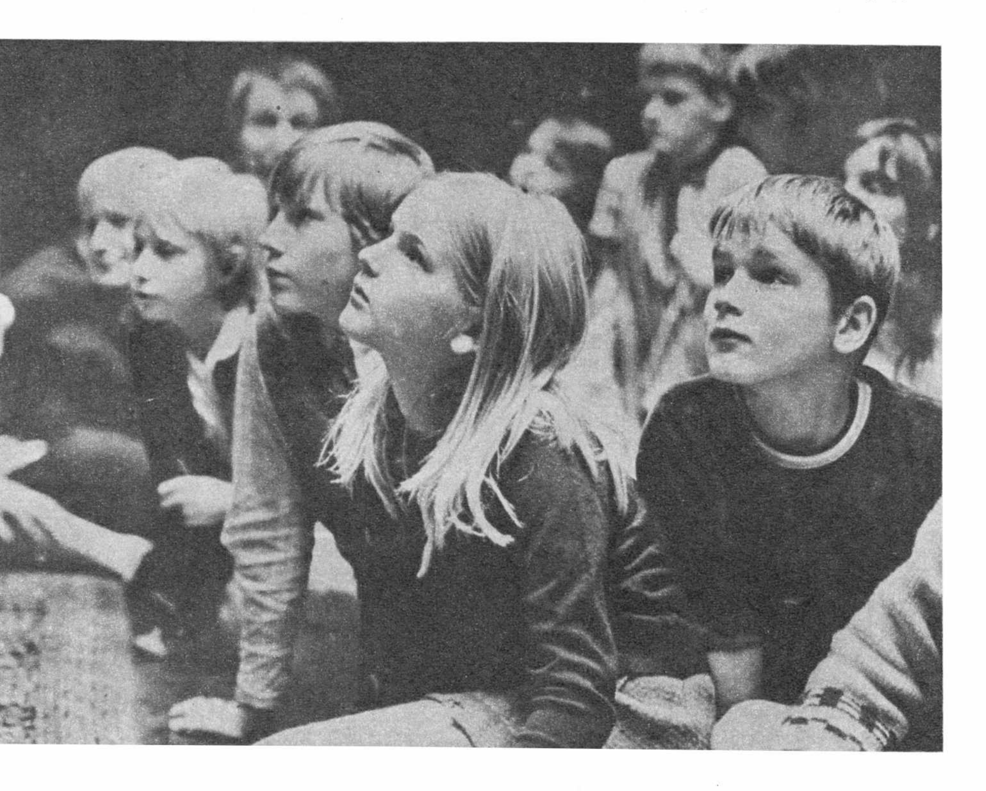
Очень меткое замечание Гоохстратена говорит, что даже недоброже-

У «Ночного дозора».

Рембрандт ван Рейн. СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО. 1645 г.

Эрмитаж.

В Амстердамском рейксмузеуме у холста «Синдики». Юные голландцы всматриваются в лица своих далеких предков.



латели Рембрандта понимали: картина «Ночной дозор» — выдающееся, из ряда вон выходящее явление живописи.

Позднее с легкой руки французского художника и критика Фромантена, заявившего в своей книге «Старые мастера»: «Я никого не удивлю, сказав, что «Ночной дозор» лишен всякого обаяния»,— пошли гулять по страницам книг и журналов всевозможные домыслы других исследователей и критиков об этой картине. Правда, Фромантена в какой-то мере можно простить, поскольку он видел картину до ее реставрации, произведенной в 1946—1947 годах и освободившей полотно от многолетнего (можно сказать, трехсотлетнего) наслоения копоти, грязи и потемневшего лака. Теперь этот холст весь светится, приближаясь к своему первоначальному состоянию. Никакой черноты нет. И стало видно, что он написан при дневном освещении.

Как уже было сказано, «Ночной дозор» экспонируется в отдельном зале. Но это не совсем точно. Дело в том, что слева от рембрандтовского шедевра в простенке висит еще одна картина — «Банкет стрелков» уже упоминавшегося Ван дер Гельста. Картина эта, также большая по размерам, написана шестью годами позже «Ночного дозора». Говорят, под влиянием Гальса и Рембрандта. Но от этого картине Ван дер Гельста, и впрямь схожей с «колодой игральных карт», не легче: она не выдерживает соседства с шедевром да и мешает «Ночному дозору».

Но вернемся к биографии художника. Проработав успешно несколько лет в Лейдене, Рембрандт стал известен далеко за его пределами. В 1631 году художник переезжает в Амстердам. У него полно заказов. Известность быстро растет. В 1634 году Рембрандт женится на Саскии ван Эйленбург, девушке патрицианского рода. Господствующая знать охотно заказывает ему свои портреты.

Воспроизведенный на вкладке «Автопортрет с Саскией на коленях» той счастливой для Рембрандта поры — это гимн молодости, гордому сознанию своей независимости и, если хотите, вызов! Вызов рутине, обывательщине, столько зла причинившим гениальному художнику. Супруги, одетые в праздничные костюмы, пируют, наслаждаясь жизнью...

В это время Рембрандта высоко ценит голландское буржуазное общество. Им даже гордятся. Бургомистр его родного города ван Орлерсом издает книгу с описанием города Лейдена, куда включает биографию Рембрандта. Именно тогда Рембрандт покупает тот самый дом на Брестраат, где теперь мемориальный музей. Художник состоятелен, даже богат, как говорит он о себе сам в дошедшем до нас письме того времени. Он собирает коллекцию редкостей и тратит все деньги на приобретение мраморных статуй, картин итальянских и голландских художников (хотя своим ученикам он не советовал ездить в Италию и тем более там учиться). Покупает редкие и дорогие гравюры, драгоценности и главным образом восточные костюмы и предметы убранства, нужные ему для работы над библейскими картинами.

Многие биографы, исследователи да и современники художника удивлялись: «Зачем ему все это?» Рембрандт знал зачем. Все эти драгоценности он писал в своих картинах, и мы до сих пор любуемся и не перестанем любоваться ими как драгоценностями живописи.

...Надо бы теперь Рембрандту заплатить долг и за дом, в котором он живет и работает и за который еще должен три четверти суммы. Но ему этого никто не подсказывает. Сам Рембрандт, очевидно, думает, что дела идут хорошо и он еще успеет это сделать.

Но счастье было недолгим. Не улеглись еще страсти с «Ночным дозором», как умирает любимая жена Саския, оставив годовалого сына Титуса. Наступает тяжелое время для Рембрандта. Заказов становится все меньше. Но даже когда художник все же получает заказ через своих влиятельных друзей и пишет самую большую свою — размером шесть на шесть метров — картину во славу Голландии «Заговор Цивилиса», и пишет блестяще, ее снимают принявшие ее было заказчики с занимаемого места в ратуше и возвращают автору... Бюргеры вновь, как то случилось и с «Ночным дозором», прославлявшим героев-стрелков, не поняли художника, выбравшего мощные, излучающие свет краски для воплощения и этого патриотического сюжета из далеких времен, когда предки голландцев боролись с завоевателями-римлянами...

Что может сделать Рембрандт?... Он вырезает фрагмент из огромного холста — центральную часть — и заканчивает картину в этом размере, чтобы продать какому-либо коллекционеру. Теперь эта картина (по существу, фрагмент) находится в Стокгольме. А на оставшемся куске холста Рембрандт написал своих прославленных «Синдиков», находящихся в Амстердамском рейксмузеуме.

Можно представить себе, сколько страданий пережил Рембрандт, слыша от бюргеров порицающие его творчество отзывы. И чем глубже, выразительнее, свободнее и живописнее писал он к концу своей жизни, тем все отдалялся от власть имущих заказчиков. К концу жизни он был совсем одинок и умер всеми забытый 4 октября 1669 года.

Не перестаешь удивляться, что именно в последние, самые тяжкие девять лет жизни Рембрандт, разоренный, теснимый кредиторами и выселенный из своего дома, создает подряд одни шедевры.

Какова же была сила и вера в правоту свою у этого человека!

...Два с лишним столетия спустя Маркс выскажет пожелание, чтобы в будущем политические вожди рабочего класса «были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками, во всей своей жизненной яркости».

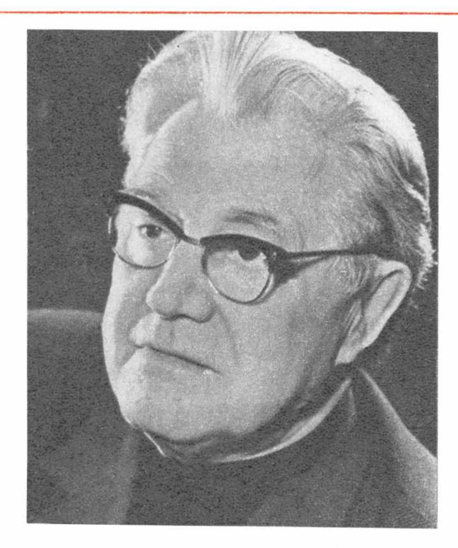
...К счастью для Рембрандта, в середине 40-х годов в его доме появляется в качестве служанки молодая крестьянская девушка Гендрикье Стоффельс. Она заменит мать Титусу, станет для Рембрандта до конца дней другом и добрым гением, взяв на свои плечи все невзгоды, поддерживая духовно великого художника, стимулируя его творческое развитие.

В собрании Лувра находится «Вирсавия». Эта картина необычна для Рембрандта по гамме. Она вся холодноватая, серебристая. Написанное с Гендрикье обнаженное женское тело, удивительно упругое и гибкое, дышит и приводит в восторг.

Рембрандт пишет и много портретов, небольших по размерам картин, совсем не заказных даже. Он знает, уверен: ценители найдутся позже. И так и будет: ценители, коллекционеры, жаждавшие приобрести произведения Рембрандта, или, как теперь говорят, «рембрандтов», появились и не только в Голландии. «Рембрандты» растеклись по всему миру...

На вкладке печатается небольшая, поразительная по силе картина московского собрания «Ассур, Аман и Эсфирь». Опять рембрандтовский фон. Нет, он не черный, легко прописанный, он весь живет. Хотя за триста с лишним лет фон растрескался и от этого немного «выскакивает» на сгибах на сильном свету. Но посмотрите на фигуры, особенно Ассура и Эсфири. Их не берет время! Нагруженные золотистой плотью, не поддающиеся времени краски живут и вечно осуждают Амана за предательство.

Музеи Парижа, Вены, Дрездена, Лондона, Нью-Йорка гордятся хранящимися у них творениями гениального голландца. Но у нас, советских людей, особые причины для гордости: ведь одна из наиболее выдающихся коллекций «рембрандтов» последнего, самого совершенного периода творчества мастера, собранная несколькими поколениями русских коллекционеров и любителей искусства, хранится в нашей стране — в Государственном Эрмитаже Ленинграда и в Музее имени Пушкина в Москве



Поэт, рожденный революцией

К 70-летию со дня рождения А. Суркова

Писать мне об Алексее Суркове и легко и трудно. Легко потому, что знаю его десятки лет и люблю его поэзию — воинственную, будоражащую, громкоголосую и одновременно нежную и трогательную. И трудно потому, что знаю его десятки лет, и наплывает при разговоре о нем множество всяких подробностей.

Вспоминаются литературные диспуты конца двадцатых и тридцатых годов и молодой, яростный в своем ораторском исступлении Алексей Сурков, разящий своих противников с поистине богатырской удалью. Вспоминается нелегкая финская война, где нам приходилось в буквальном смысле слова спать под одним полушубком, мерзнуть до костей и жить солдатской жизнью, наблюдая изо дня в день три неизменявшихся цвета времени — синий, зеленый, белый— небо, хвойный лес, снег. Эта война настолько сдружила нас, что и теперь, через 30 лет, встречаясь где-нибудь, большей частью случайно, мы непременно, хлопая друг друга по плечу, восстанавливаем в памяти боевые картины, давно канувшие в прошлое.

В Отечественную войну судьба нас снова свела в «Красной звезде», и от тех лет осталось у меня одно стойкое воспоминание — представляется мне Алексей Сурков в двойном качестве: или он приехал с фронта, или уезжает на фронт; качество двойное, а вид один и тот же — полевые погоны, аккуратно заправленная гимнастерочка с самолично подшитым белым воротничком и рокочущий, несколько сипловатый басок Алексея Суркова, завершающий каждую фразу решительным восклицанием: «Вот-от!»

Когда он был редактором «Огонька», мы не виделись, и я его в качестве редактора не очень ясно представляю, но товарищи по журналу рассказывали, что был он на своем редакторском посту энергичен, полон разных замыслов и идей и хорош с людьми. Последнее, впрочем, было всегда характерно для него: жестокий полемист, суливший своим противникам самые невероятные кары, он был в душе добряком, готовым, что называется, снять рубашку для ближнего своего.

На финской войне, соревнуясь со своими собратьями по поэтической лире, двумя Александрами — Прокофьевым и Безыменским, он писал много и часто. Из него «выжимали» не только стихи, но и «презренную» прозу, полагая, что даром есть солдатский хлеб писателю не положено. Сразу же по возвращении с переднего края Алексей Сурков присаживался у конца стола, доставал блокнот и не вставал с места до тех пор, пока работа не была закончена. Запомнились мне какие-то лихие стихи о неряшливом Филате, который загрязнил свой маскировочный халат и из-за этого чуть не пропал.

...Филя гоголем ходил,
Лихо бровью поводил.
Дернул черт стрелка Филата
Сделать тряпку из халата...

И рядом с ними, с этим раешным приплясом,— трогательные, нежные строки, которые Сурков писал «для себя», пряча их от соседей по столу до тех пор, пока стихи не отлежатся, не примут окончательной формы.

Дорогая, хорошая, сердце мое!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружье
И бросает на черный снег.
Успокоилось. Лег. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плес.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.

В поэзии Алексея Суркова, как в солдатской душе, сплелись мужественность и нежность, твердость и лиричность. У него есть стихотворение «О войне и детях», написанное еще в двадцатые годы, рассказывающее о рабочей коннице, пришедшей на Дон защищать революцию. Мне оно представляется весьма характерным для творчества поэта.

Вдали станица сквозь кусты
Глядится в тихий Дон.
Была верста —
И нет версты.
Копытным ливнем бьет цветы
Московский эскадрон.

В нем — и революционный накал и человеческая теплота!

Когда Алексей Сурков написал свою знаменитую «Землянку», она была встречена некоторыми не в меру строгими судьями весьма кисло. Как так? «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти—четыре шага». Явное упадничество! Но «Землянка» стремительным бе́гом пошла гулять по всем фронтам и по всей воюющей стране. Она проникала в душу и сердце бойца, она вызывала прилив любви к родной земле, к родному очагу, к родным людям. Она без всяких громких слов как бы звала: защищай все это! Любовь сильнее смерти! Сильнее расстояний! Крепче любого оружия!

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Для Алексея Суркова характерны чистота, точность, естественность поэтической речи. Его с полным правом можно назвать народным поэтом, ибо не найдется такого читателя, который может, закрывая книжку стихов Суркова, сказать: «не понял»,— каждая строфа, каждая оставляет след в сердце.

Про Суркова можно с полным правом сказать: вот человек, взращенный революцией! Она ему дала все, что могла дать парню из бедняцкой крестьянской семьи,— и поставила на ноги, и обрядила в путь-дорогу, и указала, куда идти, и сделала коммунистом.

Родился он в деревне Середнево, Ярославской губернии, поучился в сельской школе, а потом был отправлен родными по примеру отцов и дедов на заработки в Санкт-Петербург. Был он мальчиком в мебельном магазине, учеником у столяра, учеником у цинкографа, портовым весовщиком. Как он сам о себе пишет, «переходил от хозяина к хозяину, менял профессии, был много бит физически и унижаем морально, пока над холодным этим городом не прошумел огненный ветер Великого Октября». Накопилась у парня великая злость к тем, кто унижал и оскорблял его, пошел он в Красную Армию, воевал с буржуями, а после гражданской войны уехал в свою Ярославскую губернию строить новую деревню, крепить смычку с городом, как тогда выражались. Был он избачом, писарем волисполкома, волостным политпросветорганизатором, селькором, руководителем драмкружка. Годы эти сам поэт назвал годами «окончательного становления характера и познания развития революционной действительности у ее первоисточника».

Ну, а потом работа в газетах, первая книжка стихов, вышедшая в 1930 году под заголовком «Запев», Институт красной профессуры и тот нелегкий путь литератора и общественного деятеля, который принес ему известность и признание...

Шестнадцать лет назад Алексей Сурков писал о себе:

«...живу я в литературе с горьковатым чувством того, что время идет, а большие и ясные слова о большом и сложном времени нашем все еще не выплавляются в сердце». Это чувство неудовлетворенности собой очень важно для художника, оно зовет его вперед и вперед, делая жизнь беспокойной, но полноценной. Самое страшное «забронзоветь», почить на лаврах, сложить руки и превратиться в некий безгласный монумент. Но Суркову это не угрожает. Он действительно не заметил, «как юность прошла стороной, как легла на виски седина» из-за своей деятельной, энергической натуры, которая часа не могла прожить без труда и движения.

Когда Суркову было сорок лет, он написал о себе:

Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет...

Тогда все знавшие его считали, что поэт кокетничает. Какой же возраст — 40! Да это лучшие мужские годы... Но стихотворение кончалось словами:

Будто броня на мне литая.
Будто возрасту власти нет.
Этак сто проживешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.

Сто еще не прожито поэтом, прожито семьдесят, а «охоты к теплу, к покою» у него по-прежнему «и в помине нет».

Виталий ЗАКРУТКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

МАТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

С каждым днем все больше холодало. Все чаще шли дожди. Иногда по утрам срывался ветер, и тогда в воздухе кружились первые редкие снежинки. Мария работала ежедневно: то резала подсолнухи, то копала картофель, морковь и свеклу или утепляла ульи на пасеке.

Привыкла она и к своему молчанию. Говорить было не с кем. Дружок и Дамка ходили с ней в поле, и она разговаривала с ними, вечером заводила такой же безответный разговор с коровами, с голубями. Больше всего выручали ее песни. Они не требовали собеседника. Чаще всего Мария пела, работая в поле, пела негромко, вполголоса, чтобы не привлечь к себе ничьего внимания, и на память ей приходили песни, слышанные в детстве от матери. Была Мария тогда совсем малой, не знала, почему отца ее, которого она почти не видела, хуторские женщины называют «красным», а богатого дядьку Елисея «белым», почему, сидя вечером за прялкой, мать задумается, наклонит голову и начнет тихонечко петь. Сейчас Мария вспоминала все жалостные, хватающие за сердце слова материнских песен и, неустанно орудуя тесаком, пела:

Вьется ласточка
Сизокрылая
Под окном моим
Одинешенька.
Над окном моим
Над косящатым
Есть у ласточки
Тепло гнездышко;
Ждет касаточку
Белогрудую
В теплом гнездышке
Ее парочка...

Мелькает в руках у Марии вороненый немецкий тесак, падают на брезент срезанные шляпки подсолнухов, плывут над ее головой тяжелые, низкие тучи, а она, удерживая подступившее к горлу рыдание, поет:

Слезы горькие
Утираючи,
Я смотрю ей вслед,
Вспоминаючи.
У меня была
Тоже ласточка
Белогрудая,
Душа-пташечка,
Да свила судьба
Ей уж гнездышко
Во сырой земле
Вековечное...

Снова работала Мария до темноты, и опять ныли от смертной усталости ее руки и ноги. Но она, как всегда, подоила коров, собак покормила, потом при слабом огоньке жирника до полуночи приводила в порядок подземное свое жилье. Она привыкла делать это каждый вечер, и с каждым вечером у нее прибавлялся какой-нибудь предмет, и темный погреб стал все более походить на жилую комнатушку-келью. Из нескольких найденных в окопах патронных ящиков она соорудила стол. Подсушенную на ветру шкуру убитого немецкого коня постелила на земляном полу. Пригодились и доски, унесенные из немецких блиндажей: Мария сбила из них нары. На полевых промежках нарвала и положила по углам пучки полыни, чтобы вывести блох у Дружка и Дамки. Собак она ночью держала с собой, боясь, что в случае появления немцев они выдадут ее своим лаем. И обе собаки поняли ее состояние, при малейшем шуме они только тихонько рычали и посматривали на Марию, как будто спрашивали у нее: надо сидеть тихо или можно залаять?

В эту долгую осеннюю ночь Марии почти не пришлось уснуть. Едва она прилегла на нары, как услышала протяжный волчий вой. Года за три до войны волки, бывало, бродили в степи вокруг хутора, но хуторские охотники вскоре обнаружили в одном из дальних оврагов волчье логово, убили волчицу, шестерых волчат, а матерый волк ушел куда-то с поредевшей стаей. С тех пор никто из хуторян про волков ничего не слышал. И вот сейчас, в эту ночь, волчий вой раздался совсем близко.

Дружок и Дамка вскочили, оскалили зубы. Шерсть на их спинах поднялась дыбом. Вой повторился. Дружок стал рычать.

— Тихо, собачки, тихо,— присев на нарах, сказала Мария,— сюда волки не доберутся, а дверь в коровнике я подперла бревном. Так что сидите спокойно...

Вдруг совсем рядом с погребом Мария услышала испуганное блеянье овец. Откуда на хуторском пепелище могли взяться овцы, она не знала. В третьей бригаде овец не было. Председатель колхоза держал их далеко в степи, километрах в шестидесяти от хутора, где у чабанов были своя землянка, колодец и аварийные корма. Потом Мария вспомнила, что иногда отары соседнего овцеводческого совхоза, кочуя по степи, приближались к хутору. «Должно быть, это совхозные овцы,— подумала она, вскакивая с нар.— Чего ж мне теперь делать? Как спасти овец? Порежут их волки».

Она схватила горящий жирник, одним рывком открыла люк погреба и, кликнув собак, выскочила наверх, размахивая жирником. Дружок и Дамка вылетели следом за ней. У самой яблони Мария увидела сбившихся в кучу овец, а чуть поодаль — волков. Дамка уже сидела возле овец, рыча и скаля зубы, а Дружок, осатанев от злости, хрипло лаял в темноту. Волки бегали неподалеку, сверкая зелеными огоньками глаз.

— Ах вы, проклятые! — закричала Мария, подняв жирник.— Я вас! Сгиньте! Чтоб вы подохли, гады!

Человек с огнем и злые собаки, видимо, напугали волчью стаю. Уже много дней рыская по пустой, обезлюдевшей степи, волки не ожидали того, что на их пути появится опасность. Покружив немного вокруг недоступных теперь овец, они отбежали подальше и пропали в темноте.

Мария побоялась оставить овец без присмотра. Надев шинель и сапоги, она вооружилась лопатой, кликнула собак, села на камне у яблони и решила сидеть до утра. Дружок и Дамка улеглись у ее ног, настороженно навострив уши. Ночь была холодная, звездная. В обнаженных ветвях яблони посвистывал ветер. Еще один раз где-то очень далеко, за холмом, уныло и протяжно провыл волк, потом наступила тишина.

В темном небе мерцали мириады звезд, одни остро и ярко, другие слабо, почти незаметно. Мария смотрела на усыпанное звездами небо, думала о горестной своей судьбе, о том, как трудно сложилась ее жизнь. Она давно, с детства, будучи пионеркой, перестала верить в бога, хотя помнила, как старая бабка Домна ежегодно под пасху водила ее в церковь. Церковь была очень далеко, верст за тридцать от хутора. Чаще всего ходили они пешком, и маленькой Марусе нравилось идти рядом с неторопливой бабкой Домной, смотреть на зеленые разливы пшеницы, на траву у проселочной дороги, на убогие часовенки у перекрестков, слушать веселый гомон хлопотливых грачей, которые в эту пору обычно вили гнезда на опушке придорожного леса, еще почти прозрачного, но уже зеленеющего нежной молодой листвой.

Нравилось Марии и в церкви, все каза-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—40.

лось ей там необычным, торжественным: и дрожащие огоньки свечей, и запах горячего воска и ладана, и смутное отражение человеческих лиц в стеклах икон, и сами люди, спокойные, умиротворенные, празднично одетые. Протяжно звучал дребезжащий старческий голос дряхлого священника, а откуда-то сверху, с клироса, его возгласы подхватывал медлительный хор, и Мария восторженно слушала рокочущее, будто отдаленный гром, гудение басов и частые, звучащие где-то под самым куполом, трепетные переливы теноров и дискантов.

А когда в душной, полутемной церкви вдруг зажигались все свечи, и хор мощно и радостно пел о воскресении распятого бога, и на высокой колокольне наперегонки трезвонили большие и малые колокола, а люди говорливой, веселой толпой выходили на паперть и растекались по церковному двору, поздравляя и целуя друг друга, с маленькой Маруси слетал благостный сон, и детская душа ее замирала от непонятного, таинственного блаженства, в котором сливалось все: и весна, и хорошие люди, и сотни огоньков, и то, что неведомый ей, убитый злодеями кроткий бог воскрес и парил над людьми, ласково оглядывая их с золотой парчи церковных хоругвей...

Потом, когда Мария стала пионеркой и вожатый отряда, озорной чернявый комсомолец, узнал, что она бывает в церкви, отозвал ее в сторонку, усадил на скамью — разговор шел в районном парке — и заговорил серьезно и спокойно:

— Это правда, что ты ходишь в церковь?

Мария потупилась.

— И тебе не стыдно? — приподняв бровь, спросил вожатый.

— А чего мне должно быть стыдно? — волнуясь, спросила Мария. — Бабушка Домна ходит и меня берет с собой.

— Бабушка Домна — темный, неграмотный человек, ей простительно, — сказал вожатый, — а ты пионерка, дочка красного героя-партизана, завтрашняя комсомолка. Разве ты не знаешь, что никакого бога нет, что это выдумка попов и что все церковное благолепие — иконы, свечи, ладан и прочая ерунда — это поповский театр, придуманный для того, чтобы мутить людям голову?

— Я этого не знаю, — смущенно сказала Мария, — мы в школе поповский театр не проходили.

Вожатый засмеялся.

— Не все сразу. Будете еще проходить. А сейчас, девочка Маша, я тебя попрошу об одном: не ходи в церковь, не позорь наш пионерский отряд и своего покойного отца-коммуниста. Лучше хорошо учись, читай книги, и ты до всего дойдешь сама...

Мария запомнила этот разговор. На каникулах она рассказала о нем матери, стала расспрашивать о том, как жил и во что верил покойный отец, и мать задумалась, помолчала и проговорила, погладив русую головку дочки:

— Слушайся этого вашего вожатого, он умный парень, школу кончил. А отец? Что ж, отец в бога не верил. Он не о боге думал — о бедных людях...

После разговора с матерью Мария перестала ходить в церковь. Да и не с кем было ходить: вскоре заболела и умерла бабушка Домна. Мария росла, стала понимать, что люди сами выдумали бога, что лучше бы они сделали рай на земле, не голодали, не ссорились и не убивали друг друга. Пионерские походы, песни у жарких костров на лесных полянах, школьные занятия, комсомол не прошли для Марии бес-

следно, и, хотя школу ей не довелось окончить, потому что надо было помогать матери, она укрепилась в мысли, что самое главное в жизни человека — делать людям добро.

Сидя в эту ночь у яблони, оберегая овец, Мария смотрела в звездное небо и думала о том, что вся ее жизнь, все потери, все, что довелось ей испытать, были лишь предпутьем к тому непомерно трудному, что должна она совершить сейчас, в пору страшного для нее одиночества, к тому, что она должна, обязана сделать не только для нерожденного своего ребенка, но и для людей, которые трудились на нелегких хуторских полях, и тоже трудились не только для себя и для своих детей, но и для многих людей, которых они не видели, не знают и никогда не увидят и не узнают. Ее пугала необъятная обширность колхозных полей, на которых до прихода немцев работала вся третья бригада — шестьдесят три человека,— работала с помощью тракторов, комбайнов, автомобилей, лошадей, телег. Теперь она, Мария, должна убрать все, что было выращено бригадой, одна. «Все равно никуда мне не деться, буду работать,— думала Мария,— буду работать днем и ночью. Картошку да свеклу буду копать днем, а резать подсолнухи и ломать кукурузные початки можно и в темноте».

Утром она пересчитала овец. Их оказалось девять. Мария поместила приблудных овец вместе с коровами. Места хватило на всех.

Наступил ноябрь. Становилось все холоднее. Все чаще срывался снег, шли холодные, злые дожди. Мария уходила в поле, резала подсолнухи, ломала кукурузные початки, трудилась на картофельном поле. Она давно уже забыла вкус хлеба, питаясь картофелем и молоком. Несколько раз в алюминиевом немецком термосе, плотно закрепив болтами крышку, она сбивала из молока масло и старалась есть получше, чтобы не отощать вконец и не заболеть.

«Если, не дай бог, заболею,— пугала она себя,— тут придет конец и мне и ему, дитю моему».

Она потеряла счет дням, не знала, какой наступил месяц, и не думала об этом. Ладони ее затвердели на работе, покрылись кровавыми мозолями. Она почувствовала, что скоро иссякнут последние силы, и решила один день отдохнуть. С вечера нагрела воды, помылась, всю ночь крепко спала, а утром вышла из погреба.

Неярко светило солнце. Ночью мороз сковал льдом дождевые лужи, сверкающим инеем пал на сухие травы и на голые ветви яблони. Мария пошла к речке. Там тоже блестел позолоченный солнцем лед. Она осторожно перебрела речку, пошла вдоль линии окопов и только сейчас заметила, что в отдалении темнели такие же земляные брустверы. «Видно,— подумала,— там тоже окопы, схожу погляжу».

Шла она неторопливо, все время оглядывалась по сторонам, чтобы кто-нибудь не обнаружил ее на широком займище. Окопы были похожи на те, в которых Мария уже была. Они тянулись длинной извилистой линией, а за ними, так же как там, у речки, были разбросаны отдельные окопчики — пулеметные гнезда и ходы сообщения.

Мария спустилась в окоп, пошла, глядя себе под ноги. Здесь тоже валялись винтовочные патроны, подсумки, втоптанные в землю бинты, пустые папиросные коробки, множество окурков. К стенке окопов было прислонено несколько винтовок, а в нишах тускло поблескивали гранаты. И такая странная и страшная тишина стояла в этом месте оставленного людьми побоища, что Марии стало жутко. Она остановилась, осмотрелась и вдруг на повороте окопа увидела мертвого солдата. Он лежал на бруствере, слегка раскинув ноги и вцепившись в рукоять пулемета. Лицо и руки мертвеца были серого, могильного оттенка, каска пробита, на шинельном рукаве ярко алела пятиконечная звезда.

Долго стояла Мария у ног мертвого. Видимо, прикрывая отход товарищей, молоденький политрук остался у пулемета один и отстреливался от наступавших немцев, прижимая их к земле яростным огнем. Вдали от окопа, в той стороне, куда направлен был ствол пулемета, валялись десятки вражеских касок. Мария поняла, что немцы унесли трупы своих солдат, а мертвый политрук с пулеметом так и остался на бруствере окопа, последний бессменный страж...

Мария выбралась наверх, попробовала оторвать убитого от пулемета, но застывшие пальцы его не разгибались, будто приросли к оружию. Мария сняла с мертвеца пробитую каску. Темнорусые, мягкие волосы, тронутые ветром, слегка шевельнулись. Чуть выше левого виска черным сгустком бугрилась кровь.

Опустившись на колени, Мария посмотрела на мертвого политрука.

— Погоди, миленький,— сказала она,— зараз я схожу за лопатой. Негоже тебе так лежать. Расклюют твое тело вороны, на куски порвут волки и по степи разнесут... Захоронить тебя надо, а могильщицей я одна тут осталась... Если помру, не знаю, кто меня захоронит...

Она принесла лопату, проволоку, долго стояла над политруком, думала, где его похоронить.

— Милое ты мое дитя,— сказала Мария,— для меня легче всего было бы закопать тебя тут же, в этом окопе, который ты оборонял, уложить тебя на дне окопа и засыпать землей. Но разве так можно? Придет время, окончится война, вернутся люди, зароют окопы, и никто не узнает, где ты похоронен, и могилы твоей никто не найдет.

Неподалеку от линии окопов речное займище незаметно повышалось, и там, на этой высотке, приезжие городские топографы еще до войны установили нужную им для чего-то вышку. Когда началась война, офицер из военкомата приказал колхозникам снести вышку, объяснив им, что вышка может служить противнику ориентиром для артиллерийской стрельбы. Вышку снесли, порубили на дрова, а квадратный бугорок, на котором она стояла, остался. Мария решила похоронить политрука возле бугорка, чтобы могила его была видна издалека.

Пробив слой промерзшей за ночь земли, она стала рыть могилу. Рыла долго. Отдыхала, поглядывая в ту сторону, где лежал неотделимый от пулемета мертвый политрук.

Мария поняла, что разжать одеревеневшие руки политрука ей не удастся, и потому рыла могилу гораздо длиннее, чем положено, чтобы похоронить мертвого вместе с пулеметом.

Закончив трудную свою работу, Мария вернулась к брустверу окопа, обвязала проволокой спину и руки мертвеца, несколько раз обвернула этой же проволокой станину и ствол пулемета и, натужно дыша, потянула к могиле. Ей было очень тяжело. Она остановилась, отдохнула, из конца проволоки соорудила лямку и, запахнув шинель, чтобы проволока не так давила грудь, потащила мертвого дальше. Отдыхала через каждые пять-шесть шагов. Когда дошла до ямы, остановилась, выпряглась из лямки, подумала: «Надо его вверх лицом повернуть, чтобы он лежал в могиле по русскому обычаю, на спине, головой на заход, а ногами на восход солнца...»

Присев на корточки, она одной рукой стала поворачивать мертвого, другой подталкивала, силясь перевернуть тяжелый станковый пулемет. Наконец мертвый лег на спину, а пулемет оказался вверх колесами. Мария увидела совсем юное лицо политрука, темные, негустые волоски усов над губами.

«Для серьезности отпустил мальчонок,— с жалостью подумала она,— и сам, видно, радовался усикам своим дитячим...»

Очевидно, наступавшим немцам было не до убитого пулеметчика, который так долго держал их на подступах к окопам. На поясе политрука висели командирская полевая сумка и расстегнутая кобура. Мария сняла с него пояс, из кобуры вынула чуть тронутый ржавчиной пистолет и, подумав, сунула в карман своей шинели. В полевой сумке нашла газеты, черствый сухарь, ярко вышитый кисет, зажигалку, а в карманах гимнастерки несколько писем, карандаш и фотографию девушки, красивой, похожей на школьницу, с двумя косичками. Светлоглазая девушка слегка улыбалась. В руках она держала книгу. На обратной стороне фотографии крупным ученическим почерком было написано: «Любимому Славке — любящая Лена. С надеждой на встречу».

— Не увидишь ты, Славка, своей Лены, и Лена тебя не увидит,— заплакав, сказала Мария.

Она тихонько стала подталкивать мертвого к яме и вскрикнула от ужаса: из рукава убитого политрука одна за другой выбежали две полевые мыши и исчезли в густой, покрытой инеем траве.

— Боже мой, боже мой,— в отчаянии прошептала Мария,— даже зверюшки и те боятся того, что творят люди, и все-таки спасения от огня, крови и смерти ищут у человека...

Уложив мертвого на дне ямы и оправив его так и не отпустившие пулемет руки, Мария зарыла могилу, взяла на бруствере пробитую каску политрука и положила ее на свежий могильный холмик.

Дома при свете коптилки она прочитала все, что нашла в полевой сумке и в карманах убитого.

Первым ей попалось письмо от матери.

«Дорогой сынок Славочка! — писала неизвестная Марии женщина.— Вот уже второй год пошел с того дня, как ты по своему добровольному желанию оставил нас и ушел на фронт. С той поры нет дня, чтобы я не думала о тебе и не плакала. Ты же знаешь, сынок, что я теперь осталась совсем одна. Отец воюет где-то под Ленинградом, пишет, что был ранен, полтора месяца лежал в госпитале, а теперь вернулся в свою часть. Следом за отцом ушел ты, и я надеялась, что Клава, сестричка твоя, а моя дорогая доченька, останется со мной и мы вместе с ней будем дожидаться вас, наших бойцов. Но я не знала и не ведала, что Клава тайком от меня ходила по вечерам на курсы медицинских сестер. И вот месяц тому назад она уехала на фронт, и я не получила от нее ни одного письма. Может, ее уже и нет в живых. Как ты там живешь, как воюешь, родной сыночек? Очень прошу тебя, Славик: выполни одну-единственную просьбу матери — береги свою молодую жизнь, ты ведь совсем еще ребенок! Не кидайся первым навстречу смерти, будь осторожным. Знай, что я не переживу твоей гибели. Пиши мне почаще, милый мой мальчик. Я тебя целую тысячу раз. Твоя мама...»

Материнское письмо Мария читала сквозь слезы. Все расплывалось перед ее заплаканными глазами, и думала она одно: «Бедная ты, бедная мать! Живешь ты где-то одна, и нет у тебя уже сына, так же как у меня нет сыночка Васеньки, и никто на свете не вернет нам наших сыновей...»

Ответное письмо от сына к матери не было дописано. Видно, молоденький политрук писал его перед боем, который стал для него последним, и не успел дописать и отправить.

«Дорогая мама! — ломким, размашистым почерком торопливо писал политрук.— Спасибо вам за письмо, оно меня очень обрадовало. Напрасно вы жалеете, что Клава ушла на фронт. Она поступила правильно, так, как велела ей совесть. И уж совсем напрасно вы советуете мне беречь себя. Что это означает на деле? Что я, коммунист, политрук роты, должен быть в минуты опасности сзади? Конечно, я не лезу без надобности куда попало, мне не хочется умирать так же, как любому человеку. Но, если это надо, я обязан быть впереди.

Вы не представляете, дорогая мама, всю глубину того огромного и страшного зла, против которого мы воюем. Счастье ваше, что вам не довелось увидеть того, что видели мы в освобожденных нами селах и деревнях. Сожженные дома, горы человеческих трупов, виселицы, издевательства над людьми, пытки и расстрелы — вот что несут нашей земле гитлеровские фашисты. Мы должны, мы обязаны, мама, победить это черное зло, эту жестокую, свирепую банду убийц и насильников, иначе они поработят весь мир.

Мы, советские бойцы, сражаемся сейчас за будущее людей, за правду и чистую совесть мира. С этой уверенностью, с этой мыслью не страшно умирать, и, если я умру, не плачьте и не жалейте обо мне. Знайте одно: что ваш сын, так же как тысячи других, не щадящих себя, отдал свою жизнь за правое дело.

Сейчас мы отступаем, но я верю, дорогая моя мама, что это ненадолго. Мы победим. Мы обязательно победим. Сегодня нашей роте предстоит нелегкая работа: мы должны прикрыть отход товарищей, и я уверен...»

На этом письмо обрывалось. Мария прилегла на нары, укрылась шинелью, в изнеможении вытянула усталые ноги, но уснуть не могла. На полу, у ее ног, мирно посапывали собаки, слабо мигала тусклая коптилка. Перед глазами Марии стояли судьбы двух погребенных ею людей: мальчишки-немца Вернера Брахта и молоденького политрука Славы. Она по-матерински жалела обоих. Короткая их жизнь была зло и нелепо оборвана войной, а они оба могли жить и жить.

«Смотри ты, как все на свете устроено,— думала Мария.— Две женщины родили двух мальчиков. Были эти мальчики, как все другие дети: душой чистые, ничем плохим не тронутые. Дети как дети. Потом одного из них недобрые люди стали учить всяким пакостям, стали втемяшивать в голову, что он рожден, чтобы стать господином, что ему все можно — убивать, грабить, и хоть он, может, противник этого, его силком погнали на войну и заставили творить все, чего хотелось проклятым его начальникам и таким же проклятым и злющим товарищам. И только когда достала его смертная пуля, он, должно быть, понял, что умирает за самое злое, самое отвратное дело. И тогда, перед смертным концом, проснулась его совесть, и он плакал горькими слезами, и меня, чужую русскую женщину, называл мамой и руки мне целовал, и в тот последний час его жизни, наверное, все женщины, которые живут на земле, показались ему одной матерью, которая всех любит, жалеет, голубит, грудью своей кормит одинаковых хороших мальчиков, и плачет, и терзается, и места себе не может найти, когда убивают ее родных мальчиков, деток ее любимых... Так вот и погиб один мальчик, Вернер Брахт...

А другого мальчика — его звали Славик — с малолетства учили всему доброму: ему говорили, что все люди должны быть счастливыми, что все они хотят жить, есть возделанный ими хлеб, любить, рожать детей, что ни один человек никакого права не имеет душить другого, что людям не нужна война, а нужен мир и тогда они сами увидят и поймут, где лежит дорога к счастью, и не будут убивать один другого, и не будут измываться один над другим... И мальчик Слава, который родился на своей вольной русской земле, понял, что это хорошо и что он, в точности как мой отец и мой муж Иван, в точности как Феня, как Санечка и еще много-много других честных людей, обязан оборонять свою землю и ту вольную дорогу, по которой только и можно дойти до истинного добра, до мира и до счастья. Потому и пошел мальчик Слава на войну добровольно и отдал свою молодую жизнь за доброе, святое дело. Когда окончится война, люди поставят памятники таким героям, как Слава, и станут рассказывать о них своим детям и детям детей своих, чтобы все помнили тех, кто их спас от неволи и смерти...»

Уснула Мария только перед рассветом. Сквозь сон ей почудилось, что она слышит пение петуха. Потом запел второй петух, третий.

— Какие там петухи? — пробормотала она.— Откуда им взяться?

Она снова вздремнула и снова услышала, как совсем близко запел петух, да так протяжно и голосисто, что Мария встала, протирая глаза.

— Что за наваждение? — сказала она.— Или я не проснулась?

Выйдя из погреба и всмотревшись в предрассветную мглу, Мария удивленно всплеснула руками. По ее сожженному подворью расхаживали десятки кур.

— Где же вы, бедняжки, бродили-то? — воскликнула Мария.— Распугали вас люди, огнем отогнали от дома, а вы все-таки вернулись к человеку...

Она нарубила в лесу жердей, соорудила в коровнике насесты. Из найденных в окопах патронных ящиков сделала гнезда для кур и голубей. Но ни куры, ни голуби вначале не шли в коровник, шарахаясь от узкого, темного хода, проделанного Марией в горе обрушенных взрывом кирпичей. Лишь размельченные кукурузные зерна помогли ей заманить в убежище напуганных, одичавших птиц...

И снова потянулись для Марии однообразные, похожие один на другой дни. Наступила зима. Приморозило. Погода стояла переменчивая. Вначале шли снега, и тогда хуторское пожарище становилось белым, только темнели на снегу печные трубы да остатки стен. Потом теплело, снег тяжелел, подтаивал. На пустой хуторской дороге блестели лужи талой воды. Иногда после короткой оттепели мороз вновь сковывал землю скользким гололедом. Стянутые ледяным панцирем ветви яблони в такие дни склонялись к земле, и в нерушимой тишине безлюдья было хорошо слышно, как они тонко и нежно позванивают, уступая порыву холодного ветра и роняя длинные, прозрачные сосульки...

Как только начинало рассветать, Мария управлялась со своим хозяйством. А хозяйство все прибавлялось. Однажды зимним подвечерьем на сожженный хутор прибрели три рыжие лошади. Они шли, понуро опустив головы, тяжело передвигая ноги, хлопая полуоторванными подковами. Лошади были похожи на обтянутые кожей скелеты: острые мосолы на их крупах выпирали, глаза слезились, все ребра можно было пересчитать. Лошади были подседланы и занузданы. Под седлами синели чепраки с красными звездами по углам. У одной седло сбилось под брюхо, и она плелась сзади, непрерывно спотыкаясь.

Когда Мария увидела несчастных лошадей, сердце ее зашлось от жалости.

— Как же вы живые остались? — воскликнула она.— Кого выносили на себе и где ваши всадники? Небось, сложили свои головы и лежат в степи.

Кто знает, как выжили уцелевшие в бою кавалерийские кони? Больше двух месяцев бродили они по пустошам, по полям. Железо удил мешало им жевать высохшие травы, кровавило рот. Сбитые с шеи сыромятные поводья волочились по земле, путались в ногах, жесткие седла и подпруги разъедали спины и бока.

Издали увидев вышедшую из погреба Марию, лошади остановились, настороженно подняли уши и жалобно, просительно заржали. Все три пошли ей навстречу, окружили и стали перед ней, опустив головы. Челки, гривы и хвосты их были унизаны колючими репьями, израненные удилами углы ртов кровоточили, а когда Мария сняла с них уздечки и седла, она вскрикнула от боли и жалости. Конские спины, с которых не снимались седла, превратились в покрытые струпьями раны, на которых рваными ошметками висела облысевшая, лишенная шерсти кожа.

— Бедные вы мои, бедные! — заплакала Мария.

Осторожными прикосновениями пальцев она смазала конские спины свежим сливочным маслом, накормила голодных коней кукурузой, тесаком сняла с их ног хлопающие подковы. Обласканные Марией кони послушно пошли в коровник и впервые за долгие дни скитаний поели и уснули в тепле.

Каждое утро она выпускала коней, коров, кур, овец. Чистила коровник, потом вела животных к речке, на водопой. Одно место, на речной излучине, она ежедневно проверяла, лопатой ломала на нем тонкий лед, не давая воде замерзать, и там, у длинной полыньи, поила скотину. К речке Мария всегда шла впереди, а за ней послушно шли спасенные ею животные. Должно быть, их согревала любовь и привязанность к единственному живому человеку, к ласковой женщине, у которой были такие по-матерински нежные руки и такой грудной, спокойный голос. Эта маленькая одинокая женщина кормила их, поила, вычесывала свалявшуюся шерсть, чистила обрывком мешковины, аккуратно выбирала колючие остья, и каждое прикосновение ее теплой руки словно возвращало их к тем временам, когда заботливые хозяева растили их, ухаживали за ними, холили, и они, благодарные людям, воздавали им за их заботу честным, нелегким трудом.

Все они издалека узнавали шаги Марии и каждое утро, услышав ее низковатый, с хрипотцой голос, встречали дружным, слегка ревнивым ржанием, мычанием, блеянием, кудахтаньем, заливистым воркованием. Она выпускала их всех, и они окружали ее, чтобы хоть прикоснуться к своей спасительнице: бархатистыми губами целовали ее захолодавшие на морозе щеки рыжие кони; на плечи и на голову, воркуя, слетались голуби, у ног хлопотали куры; коровы со сдержанным муканьем терлись шеями об ее бока; овцы, сгрудившись, смотрели на нее преданными глазами и помаргивали белесыми ресницами. Собаки, Дружок и Дамка, которые не отходили от Марии ни на шаг, усаживались неподалеку и деликатно помахивали хвостами.

Мария, напоив своих подопечных, отгоняла их на кукурузное поле, а сама продолжала свою нескончаемую работу. Работала без отдыха, в любую непогоду, торопясь убрать больше, чтобы спасти хоть часть того, что минувшей весной было посеяно и посажено ее бригадой. В морозные дни у нее сильно мерзли руки и ноги, губы обветрились, часто кровоточили. Не раз она плакала от боли и жалости к себе, называла себя «дурой», еле удерживалась от того, чтобы бросить все, пожарче натопить печку и невылазно сидеть в теплом своем логове, но работу не оставляла. Снегом натирала руки и лицо, бегала по снежным сугробам, отогревая онемевшие пальцы ног, и с упрямым ожесточением продолжала работать.

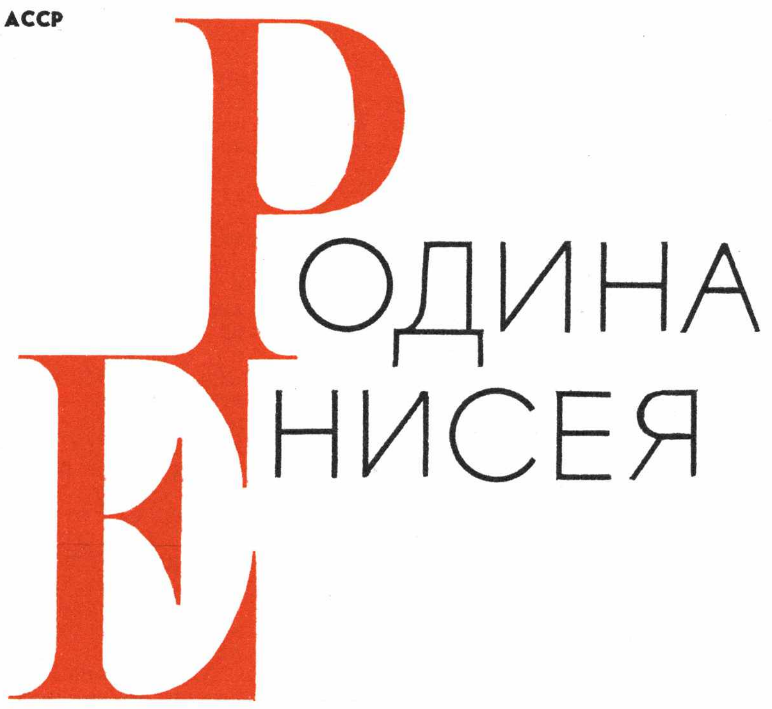
Выпадали среди зимы и теплые дни, когда снег таял или шли проливные дожди, но Марии не было от этого легче: к немецким сапогам, в которые она была обута, налипали тяжелые комья грязи. Мария еле передвигала ноги, шагая по размокшей пахоте. Радовало ее только то, что одна из воронок уже была доверху наполнена кукурузными початками, почти половина подсолнухов срезана, уложена и накрыта, а ямы, в которые она укладывала вырытые ею картофель, морковь и свеклу, скоро можно было закрывать.

Когда Марии становилось совсем невмоготу, так, что она готова была упасть среди поля и лежать, не вставая, ей приходилось на день-другой прерывать работу. Но и в такие вынужденные дни отдыха она не сидела сложа руки: или чистила и убирала коровник, по-хозяйски складывая в сторонке навоз, или бродила по пустым окопам, собирая и унося к себе все, что, как ей казалось, могло потом пригодиться людям: снарядные ящики, мотки телефонных проводов, брошенные бойцами шинели, шапки, противогазные сумки, саперные лопаты, топоры, ломы, котелки, кружки и ложки.

— В хозяйстве все нужно будет,— говорила она себе.— Чего ж добро это будет ржаветь да гнить? Может, не всю нашу бригаду фашистские сволочи перестреляли. Может, кто и остался. Вернутся люди, и доведется им на голом месте сызнова все начинать...

В дни вынужденного отдыха Мария, взяв полевую сумку убитого политрука Славы и кликнув собак, обходила разные участки бригады и делала при этом пометки в Славиной записной книжке. Она записывала все, что ей удавалось находить: два покрытых ржавчиной трактора, два культиватора и девять железных бочек с соляркой в Грачевой балке, где все это перед самым приходом немцев захоронил Санин отец, загнав трактора в гущу колючего терновника, исправная телега, шесть борон и сеялка, брошенные кем-то на дальнем участке, тяжелый тракторный каток, засыпанный снежным сугробом.

Окончание следует.



Родина Енисея

Николай БЫКОВ

За Саянами лежит удивительная страна — Тува, самая молодая из автономных советских социалистических республик. Центр Азии. Места древнейших поселений человека...

...Если тучи оседлают хребет Оттуг-Тайга, то из поселка Тоора-Хем не выбраться. Так нас предупреждали. Тучи оседлали и хребет и перевал, и мы несколько дней ждали самолета. Наконец, на луговине между рекой и сопкой появился мотоциклист в майке и форменной фуражке, он с треском принялся гонять коров и телят. Значит, перевал открылся, самолет близко. Так и есть, многоопытная скотина убралась восвояси, да и радистка любезно подтвердила — летят! Пора спускаться к аэродрому. До свидания, родина Бий-Хема!

Бий-Хем... Так тувинцы зовут Большой Енисей. Большой и Малый — оба сливаются в реку Улуг-Хем (Верхний Енисей). Мы были несколько дней там, где Бий-Хем временами можно чуть ли не перейти пешком. Мы были на родине Енисея в ту пору, когда он тяжелой и плотной стекломассой валился вниз, через страшные пороги, сквозь таежные каньоны. Чтобы добраться до лесосплавщиков Ырбана, пришлось и нам промчаться по-летнему вспучившемуся Енисею километров семьдесят. Темную стремительную ленту реки стиснули берега, поросшие кедром и лиственницей. Наша пирога — лодка длиной в четырнадцать метров, напоминающая выброшенную арбузную корку,— скользила вниз, обгоняя топляки, рассекая опрокинутые, набухшие мокрым снегом облака, и, казалось, мы вот-вот зачерпнем тяжелой воды, и тогда сразу раздвинутся дотоле близкие берега, покажутся далекими, и горный Енисей играючи выбросит нас на скользкие стволы запруд или на каменные гряды Хутинского порога... Таежные страхи, ощущение полной беспомощности горожанина на такой реке — все это дань чему-то неизбежному, той экзотике, без которой в Туве все еще ни шагу...

И еще — контрасты, как во всяком бурно развивающемся районе. Век нынешний и век минувший... В лиственничной, давно потемневшей избе старого Мырлаа Ак Акооловича просторно. Высокий потолок, никаких перегородок. На стене фотографии красноармейцев. На кровати — маленькая, высохшая за долгие-долгие годы жизни хозяйка уютно провалилась между подушек, улыбается гостям, своему старику. Возле окна мальчишка за уроками, в его ногах — спящая лайка. Старик — прославленный охотник совхоза «Тоора-Хемский», имеет орден Ленина. Полвека по тайге — за белкой, горностаем, соболем. Лучший из многих хороших, потому что за сезон берет в среднем до тридцати соболей. Извлекает он свои охотничьи принадлежности, хочет показать нам, как это все выглядит на нем, когда он уходит в тайгу. Ружье, нож, трубка... Переговаривается с маленькой старушкой, сейчас опрокинувшейся в трогательной позе на подушки, они вместе чему-то тихо смеются; он закуривает, она подшучивает, а мы ждем преображения старика в Охотника, человека с быстрым, острым глазом, неслышного среди бурелома и все слышащего... Он каждый раз уходит за 400—500 километров от дома, уезжает на олене, вот с этой собакой, встречается где-то на Хамсаре с сестрой — они там бьют зверя вместе много лет, всегда... И больше никого на много километров вокруг. Потом прощаются до нового сезона, и он возвращается с длинной песней победы в этот дом, к этой маленькой смешливой старушке, к этому мальчику, последнему их сыну. И они пьют чай, родители курят трубки... Семьдесят лет. Жизнь простая и в общем-то мудрая, полная азарта и молчания, прекрасного прошлого и нови. А где-то за тысячи километров отсюда открывается торжище — международный пушной аукцион...

Подробности о старом Мырлаа Ак Акооловиче нам рассказал заслуженный учитель республики Очур Ховалыг Ховай-оолович. Он человек местный, из того же поселка «1-е Мая», отсюда уехал учиться в далекий город, а теперь учит сам маленьких своих земляков.

За поселком «1-е Мая» березовая роща. На высоком берегу Енисея девчонка крутит хула-хуп. Красиво. Учитель знакомит: «Лиза Хугбек, шестой класс»... Березы, березы. На белых боках запеклась розовая пена. Под насечками и прорезями — кружки привязаны, банки, туески — стаканчики из бересты. По каплям собирается сок. Кто-то придет, соберет в оцинкованное ведро... А между берез вольно ходит золотой конек с колокольцем. Садилось солнце. Тихо над молодым Енисеем. Только колоколец на золотом жеребчике гремит. Как будто река на перекате...

После того, как Енисей перехватят бетонным поясом у поселка Майна и поднимется его вода, родится новое рукотворное море. Оно заполнит всю Саянскую чашу из базальта, и дохлестнет морская волна до тувинского Шагонара. А дешевая энергия очень нужна республике. Сейчас ток подает сюда Назаровская ГРЭС. Но его не хватает. Предстоит разработка богатейших запасов полезных ископаемых. Дешевая энергия преобразит и быт, а высокая вода позволит наладить регулярное судоходство.

Сейчас один путь в Туву — воздушный прыжок через Саяны. Есть и автотрасса, но много ли вывезешь и привезешь машинами? Например, в 1968 году почти треть грузов для Тувы так и осталась в Абакане: нужна железная дорога, ее ждут тувинцы. Но планирующие органы все еще «обсчитывают», уясняют экономическую ее целесообразность. Выгоды же железной дороги очевидны. Тува — район богатый. Недавно здесь побывала комиссия Госплана СССР. Речь как раз и шла о перспективах, возможностях, о планах ближайшего и более далекого будущего...

За минувшие четверть века большие перемены произошли в сельском хозяйстве Тувы. Заместитель председателя госплана республики Мичин Санчатович Салчак рассказал, что посевные площади в Туве увеличились в шесть раз, а сбор зерна за это же время — в 19 раз! Раньше картофеля здесь не знали, теперь он дает неплохие урожаи. В 1944 году было 48 тракторов, 2 комбайна, 11 грузовых автомашин, а теперь в колхозах и совхозах более трех с половиной тысяч тракторов и комбайнов, почти две с половиной тысячи грузовиков. Предстоит решить проблему мелиорации и прочной кормовой базы. В республике — 1 миллион гектаров безводных пастбищ! Они практически не используются, а это не по-хозяйски. Нужны проектная документация, техника и специалисты...

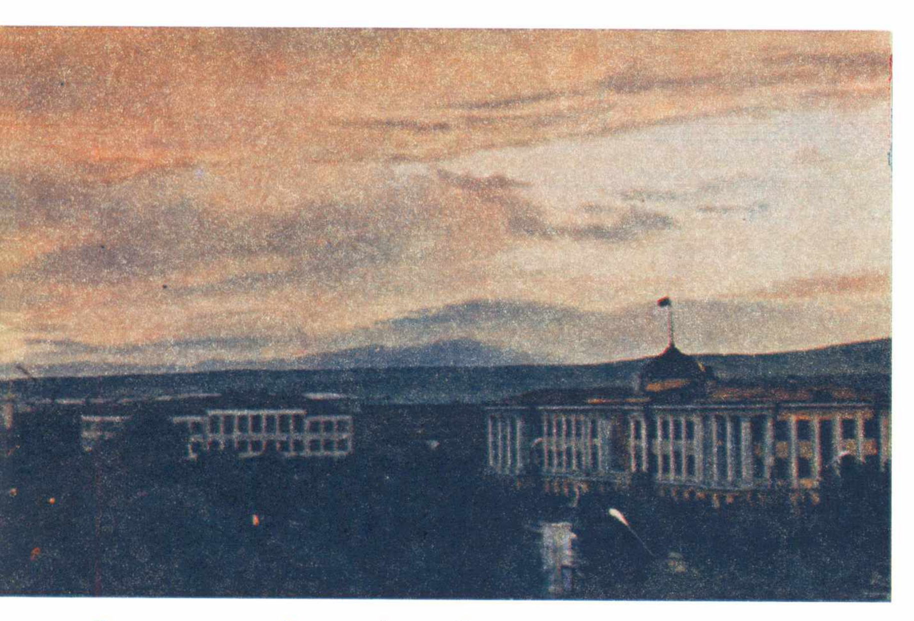
Тувинцы совершенно справедливо считают, что дальнейшее развитие производительных сил Сибири — дело всей страны, а экономические возможности Тувы поистине велики. Недра ее — настоящие кладовые. Кто не знает тувинского асбеста! Родившаяся в скотоводческом районе промышленность — понятная гордость республики. Нам хотелось махнуть в экзотическую Тоджу, но мы слышали: «Вы не можете не побывать в Ак-Довураке! А потом — на берегах Элегеста!..»

Ак-Довурак — новый город Тувы. Здесь уже действует первая очередь мощного комбината «Тувaасбест». Построен он на базе уникального месторождения длинноволокнистого асбеста, которому, быть может, нет равных по качеству во всем мире. Сейчас строится вторая очередь комбината.

А чем знамениты берега Элегеста? Здесь у поселка Хову-Аксы найдено лет двадцать назад месторождение никеля и кобальта. Как это было, рассказал Михаил Дмитриевич Чертыгашев, прораб. По национальности он хакас, но родился в Кызыле... Так вот, копи тут были издавна, кажется, еще англичане когда-то искали здесь, чем бы поживиться... Ну и в 1949 году один чабан собрал в старых копях тяжелые куски скал: заподозрил, что геологи их-то и ищут. Долго бродили по берегам Енисея геологи... И наконец началась стройка! Михаил Дмитриевич здесь «с колышка». Был он и в геологической разведке, потом рабочим, строил жилье, ТЭЦ, позже возглавил бригаду, теперь он прораб.

Директор комбината «Тувакобальт» Альберт Иванович Ванжа сказал: «На таких, как Чертыгашев, стройка держится...»

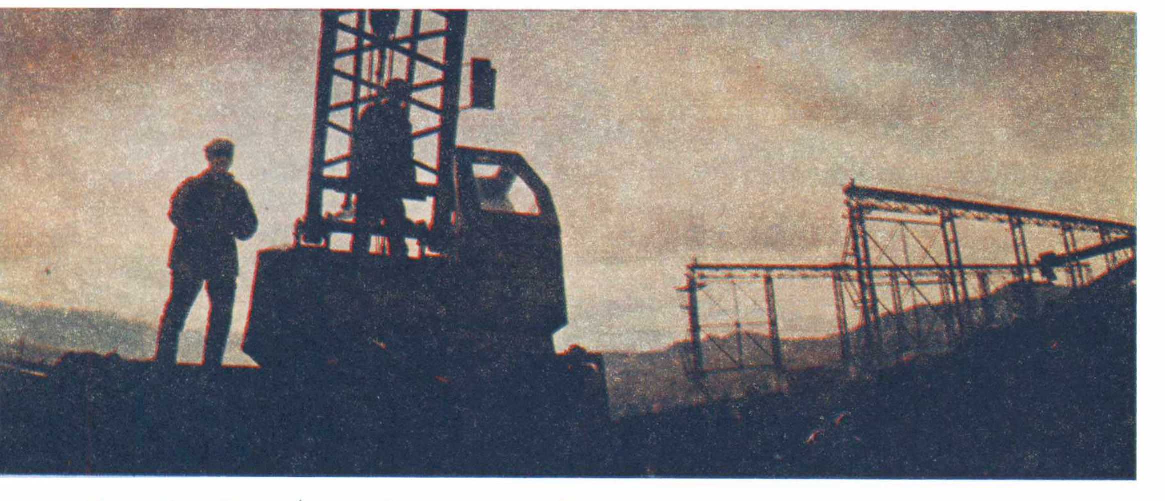
Директор спешит — ему надо на объект, он и вообще спешит кончить стройку в срок. Альберт Иванович говорит на ходу, но он предельно корректен, терпелив — это, очевидно, потому, что молод еще. А может оттого, что ищет в нас, заезжих товарищах, союзников, надеется на силу печатного слова... Дело в том, что, как и на всякой стройке, проблем здесь невпроворот. Стране нужен кобальт. И как можно скорее. А тут местная специфика: суровый климат, железная дорога в шестистах километрах, текучесть — угол дальний, необжи-



Кызыл — столица Тувинской республики.

Из стойбищ в интернаты возвращаются школьники.

Аня Балчирол — студентка Кызыльского училища искусств.

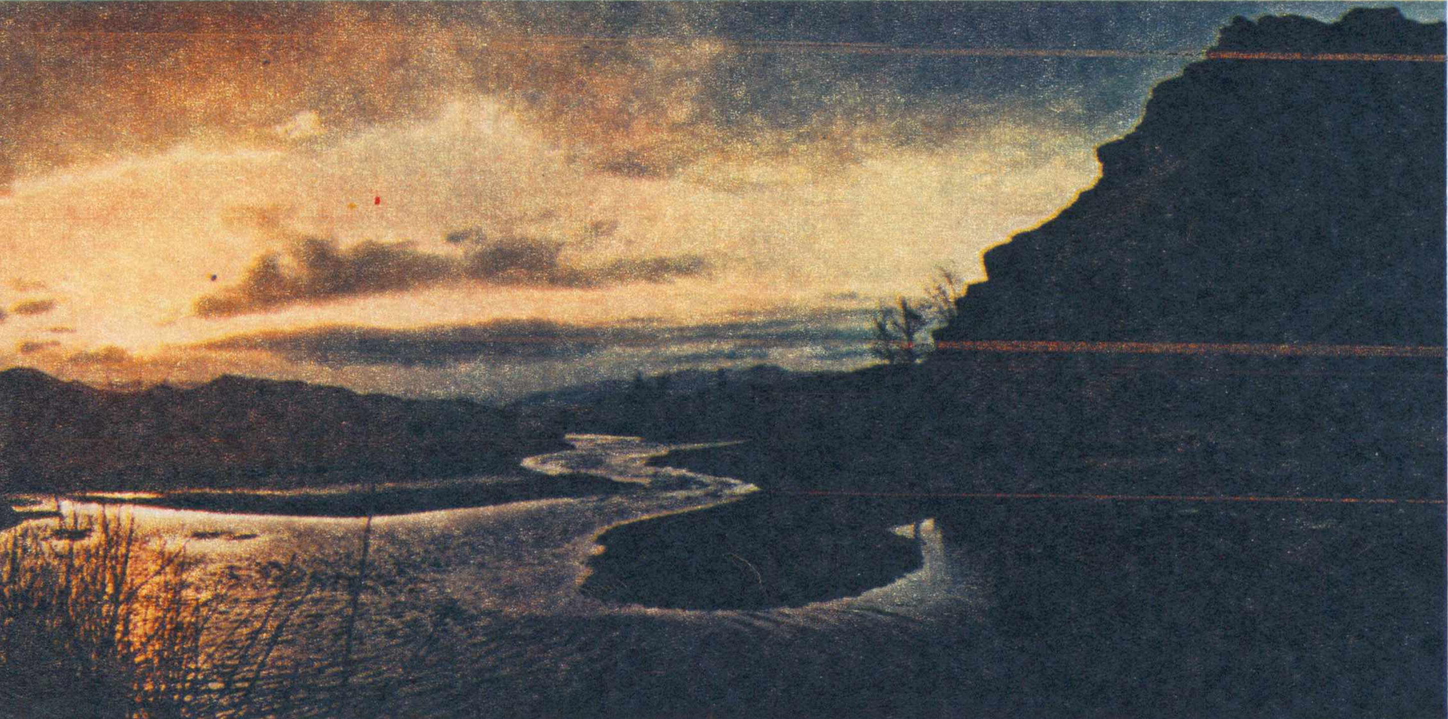


Большой кобальтовый комбинат растет в Хову-Аксы.

Пастбище в горах.

Фото Л. Шерстенникова.

Тувинский танец.



В отрогах Саян.

Греет осеннее солнышко.

тый. А жить приезжим хочется сразу по-человечески.

Вот почему Ванжа прямо обращается: «Напишите! Мне бы сюда молодежь! Молодых архитекторов, художников! Иной раз сам и стенгазету выпускаешь и репетицию художественной самодеятельности проводишь, конечно, ночью... А как нужны руководители спортивных секций! Это сразу бы привлекло молодежь. И специалисты нужны!.. Конечно, только такие, кто понимает, что здесь все начинается с нуля, хотя вообще-то от нуля мы далеко уже шагнули. Но с жильем, развлечениями у нас плохо. Зато какие перспективы роста, я бы сказал, очеловечивания — большая школа гражданственности! И чисто профессионально здесь заманчиво поработать. Предприятие наше всесоюзного значения! Высокомеханизированное и автоматизированное. На одного инженерно-технического работника приходится только восемь рабочих. Это вдвое, а то и втрое меньше, чем обычно! Здесь будут установлены такие агрегаты, которые не имеют промышленной апробации. Новая технология! Заманчиво! А разве нет? На таких стройках, предприятиях и надо начинать жизнь!.. Пусть едут. Ждем, так и запишите. Ждем таких, которые могут выдержать сутки в тридцать шесть часов!..»

А рядом с ТЭЦ и первыми корпусами комбината — новый поселок, асфальт и дикая, еще не отодвинутая бульдозерами тайга, поросшие лесом скалы. Красотища первозданного мира. И рыбалка на Элегесте! Я не думаю, что Альберт Иванович преувеличил трудности стройки. Остается фактом, что проектировщики упустили из виду магазины, гостиницу, спортивный комплекс, а жилья запланировали в несколько раз меньше очевидной потребности... Но сейчас поправимое уже поправлено, диспропорции в сметно-финансовом расчете, кажется, устранены, и стройка в Хову-Аксы зажила новой жизнью. «Страна ждет кобальт, страна его получит»,— так говорят тувинцы. Их немало и на комбинате, хотя трудно, конечно, пересесть с оленя на бульдозер, а вместо ружья взять лопату, мастерок. О том, как решается проблема национальных кадров, говорили главный инженер комбината «Тувакобальт» Дадар-оол Сангыр-оолович Монгуш и начальник ПТО Даржу Базырович Бузур-оол. А я подумал, что их судьбы, биографии этих двух молодых людей, очень авторитетных и в Хову-Аксы и в столице Кызыле, самым убедительным образом свидетельствуют о тех великих социальных преобразованиях, которые произошли за последнее 25-летие на родине Енисея.

...В далеком-дальнем совхозе «Тоора-Хемский», на далеком-дальнем его отделении «Советская Тува», я встретил удивительную кавалькаду: дети из интерната разъезжались на оленях по домам. Они, дети, все разом высыпали на пахнущее смолой крыльцо школы. А их у цветника, по-северному скромного, ожидали олени. Много северных оленей. Олешки поводили боками, переминались с ноги на ногу, некоторые были под седлами. Школьники захватили из интерната свои немудреные пожитки, книги и бросились к олешкам — каждый к своему (или мне так показалось?). Караван тронулся в тайгу, за дальние синие распадки, домой, к мамам... Они будут ехать трое суток (ведь олешек надо в пути не раз попасти!). Так непрост путь маленьких тувинцев на стройки Кызыла, Ак-Довурака и Хову-Аксы, в лаборатории институтов и в метеорологические будки местных аэропортов, в автохозяйства и на радиоузлы Кызыл-Мажалыка, Чадана. А ведь кто-нибудь из них обязательно поведет «Ракету» от Шагонара до Шушенского!.. Первый рейс — к Ленину.

...Древняя и молодая Тува, тебе машут крыльями самолеты, улетающие туда, где Енисей разливается вольно и могуче. Моя ладонь лежит на карте. Тува не больше ладони, но я узнал, как высоки ее горы, как просторны ее долины, как безбрежна соболиная тайга. Там, где молчат теплые березы, для каждого приготовлен туесок серебряного сока...

СТЕПАН БУКОВ – СЫН НАРОДА

Повествование начинается спокойно, размеренно, без каких-либо внешних эффектов, рассчитанных на привлечение читательского внимания. Вадим Кожевников вводит нас в мир своей новой повести несколько сдержанно, но уже с первых страниц чувствуется глубина авторского знания, та внутренняя уверенность рассказчика, перед которой и открываются людские сердца.

В самом начале повести «Особое подразделение» писатель знакомит нас с главным героем произведения: «Степан Захарович Буков прибыл в пустыню налегке, без значительного имущества». Потом за этими сухо констатирующими словами развернется такая правдивая и такая человечная картина испытаний, надежд, ошибок, трудных поисков, тяжелых утрат, радостей, оплаченных дорогой ценой, что герои повести — бойцы особого подразделения — навсегда станут близкими, родными людьми.

Писатель, умеющий поднимать пласты народной жизни и тем уже снискавший признание читателей, Вадим Кожевников посвящает свое новое произведение, я бы сказал, теме нетронутой, своеобразной литературной целине. Страницы «Особого подразделения» — это страницы тернистой и героической жизни солдат и офицеров сборного пункта аварийных машин. Перед нами будни СПАМа. Казалось бы, ничего особенного по сравнению с делами тех, кто на переднем крае.

Производственные мастерские, ведут ремонтные работы... Но так ли это все просто на войне: «Мастерская — сарай беззащитный. Но там станки... А тут бомбы, снаряды все рушат. Падали ребята у станков. Один упадет — другой становится дотачивать, пока его третий не сменит. За паршивую втулку жизнями платили... Узлы надо было ставить, находясь снаружи танка. На такие монтажные работы люди выходили сознательно, как под добровольный расстрел. Да еще на этом расстреле нервничать нельзя, спокойствие нужно, сосредоточенность, чтобы все правильно установить...»

Падают солдаты-рабочие у станков. Падает боец, и в предсмертном сознании жжет его тревога: «Все ли сделал как надо, ничего не забыл?» Спустя много лет после войны Степан Буков вспоминает последние слова солдата-ремонтника Кускова:

«— На наш СПАМ фашисты с ходу налетели, из минометов, артиллерии лупят. А у ребят работа срочная... Предсмертные слова считаются самыми главными, вроде последнего напутствия. А мне что приказал Кусков, когда я над ним склонился?.. «Подачу эмульсии закрой!» Что эмульсия со станка белой пеной стекает, это ему жалко. А то, что сам от крови весь подплыл, об этом мысли нет».

Вадим Кожевников зримо восстановил ушедшие в историю годы жестокого ратного труда солдат-ремонтников и показал их не только на войне, но и в дни мира, на стройках наших дней. И там и здесь бойцы особого подразделения всегда на переднем крае. Опытный художник, Вадим Кожевников на протяжении всей повести оригинально, по-своему решает темы боя и труда. У него эти темы идут параллельно, они органически сливаются, образуя главное русло авторского утверждения: гуманизм советского человека всесилен.

Так бойцы особого подразделения в повести В. Кожевникова становятся символом, олицетворяющим бесчисленные свершения советского народа.

Буков говорит: «Война и гуманизм — несовместимо? А в чем он у нас жил? В героизме. Что это значит? Самому кинуться в смерть, когда это дает возможность облегчить товарищам положение в бою... При всем этом, конечно, ненависть к врагу. Но откуда в нас эта ненависть? Опять же от гуманизма. Фашизм — бесчеловечное зло».

В Берлине в самом конце войны Степан Захарович объясняет товарищам: «Мы теперь защитники немецкого народа, его безопасности».

Удивительный человек — коммунист Степан Буков. Оптимизм его нескончаем, как родник. Воля несокрушима. Вера в правоту народного дела — его главная сила. И эта сила — крылья рабочего человека. Она ведет его через все испытания. И когда автор афористически пишет: «Как бой, так и труд — дело коллективное»,— я знаю, что так думают Буков и его друзья.

В повести немало строк, звучащих афоризмами. Вот один из них: «Страну нашу вызвездило хорошими людьми...»

Вот об этих людях-звездах, которые негасимо светят родному народу, и рассказывает со страстью написанная новая повесть Вадима Кожевникова.

М. АНДРИАСОВ

В. Кожевников. Особое подразделение. Повесть. Журнал «Знамя» №№ 3 и 4, 1969.

С КЕМ ТЕБЕ ПО ДОРОГЕ

«...И сказал... человек: «Моя хата с краю!» И спросили его: «Где увидел ты нынче край, когда и в космосе тесно от спутников и станций?» Мир стал мал, и где бы ты ни был, справа, слева, впереди и позади тебя идут другие. И не у всех у них одинаковые цели. И если хочешь ты куда-нибудь прийти, реши — кто друг твой и с кем тебе по дороге...»

Так начинается новая книга Николая Грибачева «Выбор века». Это лаконичное и емкое название точно раскрывает содержание умной и талантливой книги. Читатель не найдет здесь вялых очерков и репортажей. В книге собраны публицистические статьи и раздумья автора, стремящегося пристально вглядеться в черты бурного века, обнажить пружины важнейших событий на международной арене, проникнуть в суть проблем нашего внутреннего бытия.

Разоблачая хваленый западными пропагандистами буржуазный образ жизни, автор умело снимает красивый политический грим и другую модную косметику с одряхлевшего лица капиталистического мира, обнажает язвы дезинформации, милитаризма и насилия. В опытных руках перо публициста становится острейшим скальпелем, позволяющим вскрыть раковую опухоль антикоммунизма.

Выбор века! Перед лицом истории человечество неизбежно должно ответить на главный вопрос эпохи: с кем оно — с капитализмом или социализмом?

С глубокой верой в правоту ленинизма, с сыновней гордостью за партию коммунистов пишет Грибачев о всемирно-исторических деяниях советских людей. В статьях «Октябрь. Великий поворот», «Он — коммунист», «О том, чего нельзя убить» автор повествует о невиданной творческой энергии народа, рожденной великой революцией, показывает необозримые горизонты, открывшиеся перед Страной Советов, раскрывает истоки нравственного превосходства коммунистического мировоззрения.

Интеллектуальная способность общества, зрелость его мышления выражаются в идеологии, которую называют надстройкой. По образному выражению Грибачева, «эта надстройка — не еще один этаж в доме и не крыша над ним, а капитанский мостик на корабле, пересекающем океан». Исследуя причины крепнущей силы коммунистической идеологии, автор отмечает ее глубоко научный характер, способность безошибочно решать самые запутанные задачи времени, ясно видеть перспективы борьбы за подлинную свободу и демократию, расцвет науки и техники, литературы и искусства.

И о чем бы страстно и темпераментно ни писал Грибачев, он всегда остается коммунистом. Его книга полна исторического оптимизма, уверенности, что человечество правильно сделает выбор и пойдет по дороге социализма.

А. МИХАЙЛОВ

Н. Грибачев. Выбор века. Публицистика. Издательство «Советская Россия». 1969.

НАУЧНО И ПУБЛИЦИСТИЧНО

Концепция Римской империи о ее миссии в мире нашла свое выражение в словах Вергилия: «Управлять человечеством и заставить мир подчиняться». По алчущему стремлению к мировому господству того или иного государства условно называются такие исторические периоды, как Pax Romana или Pax Britanica. Пресловутая идея захвата всего мира осталась и в двадцатом веке. Об этой цели кричали во всеуслышание главари гитлеровской Германии. Их судьба — поистине урок истории. Самый свежий, недавний урок! Но, видно, не для всех он послужил своевременным предостережением. И снова на мировое господство нашлись новые претенденты. Они думают создать Американскую мировую империю и вписать в историю человечества эпоху под названием Pax Americana.

Да, так и называется новая книга советского историка А. Яковлева. Есть у нее и подзаголовок — «Имперская идеология: истоки, доктрины». В самом названии книги и в этом его дополнительном раскрытии предельно четко изложен замысел автора. Еще с обложки, с титульного листа он объявляет войну той войне, с которой идет против всего человечества американский империализм.

Книга А. Яковлева — большой и серьезный труд. Чем прежде всего он обращает на себя внимание? Пожалуй, тем, что автор идет в идеологическое наступление с досконвльным знанием своего дела, во всеоружии фактов. Причем это не высыпанные из мешка данные, а сгусток, концентрат фактов, где из характерных примеров отобраны самые характерные и каждый отобранный поставлен в книге на нужное место. Отсюда вытекает другая отличительная черта книги — ее железная логика, четкое построение. И, наконец, привлекает в книге ее публицистичность, сочетание научности с образным языком, эмоциональностью. Все это делает подлинно исследовательский труд историка доходчивым и доступным самым широким читательским массам.

В своем вступлении к книге А. Яковлев недаром пишет: «Она обращена к молодежи. Каждое новое поколение, идя на смену старшим и вместе с ними, берет на себя свою, и немалую, долю ответственности за судьбы развития цивилизации на земле. Но сознательная ответственность немыслима без глубокого понимания процессов мировой политики, целей противостоящих социальных сил, их расстановки и методов борьбы». Такую «сознательную ответственность» и помогают приобрести книги, подобные разбираемой нами.

Автор не только разоблачает агрессивную сущность современного американского империализма, а показывает его глубинные истоки, не только рисует широкую картину современной американской действительности, но и особо подчеркивает при этом тот факт, что сегодня правители США делают большую ставку на идеологическую борьбу. Актуальность, злободневность — вот авторский ключ к описываемым в книге явлениям. Вот почему и фактический материал и авторские обобщения не просто констатируют и осуждают, а стреляют по врагу, бьют в цель без промаха, срывают самые наиновейшие маски с хищнического оскала американского империализма.

Шаг за шагом подводит А. Яковлев читателя к выводу закономерному и неизбежному: надо знать кровавый путь империализма, понимать его нынешнюю суть, чтобы посвятить себя борьбе с системой наживы и духовной нищеты. В этой борьбе и заключено призвание и содержание жизни Человека! Другого достойного пути нет. Каждому, кто не ступил на него, остается один удел — постыдное прислуживание капиталу и его миру социальной несправедливости, обреченному на гибель.

В. НИКОЛАЕВ

А. Н. Яковлев. Pax Americana. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1969.

ЛЕС: БОГАТСТВО И ПРОБЛЕМЫ

Что такое лес? На этот и многие другие интересные вопросы лесного хозяйства можно найти ответы в книгах доктора экономических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Прокофия Васильевича Васильева. Он не только автор многих монографий и учебников по лесному хозяйству и лесной промышленности, его перу принадлежат и научно-популярные книги, среди них — «Земля лесная» (изд-во «Наука», Москва, 1967), «Лесные ресурсы СССР сегодня и завтра» (изд-во «Знание», Москва, 1969). Несколько раньше, в 1966 году, его книга «Сокровища советских лесов» получила в обществе «Знание» II Всесоюзную премию. Читая эти книги, знакомишься с историей леса и его современным состоянием, узнаешь о многих проблемах лесной науки и лесного хозяйства, о его бедах и перспективах.

А теперь вернемся к нашему с виду немудреному вопросу: что такое лес?

Профессор П. В. Васильев не ищет однозначного ответа. Для одних лес — прежде всего источник деловой древесины: дома и мебель, шпалы и доски, сырье для химической промышленности и целлюлоза для производства бумаги. Для других — зеленая кладовая, где можно получить плоды и ягоды, мясо и пушнину, топливо и лекарства. Третьи в первую очередь отметят решающую роль леса в поддержании водного режима рек, в предупреждении водной и ветровой эрозии почвы, в борьбе против засухи и суховеев.

Медики обязательно скажут об огромном санитарно-гигиеническом значении леса. (Самые последние исследования свидетельствуют о значительной роли леса в погашении действия радиоактивных элементов.) А художники? Они упоенно будут говорить об эстетике леса, о неповторимой его красоте.

И это еще не все. Лес — громадная химическая лаборатория, где углекислота превращается в кислород, столь необходимый всему живому.

П. В. Васильев приводит интересное соображение: если бы леса вообще не появились на земле, природа не знала бы и третьей части видов животных и, может быть, даже человека.

Вот что такое лес! И вот почему каждому из нас всегда особенно близки любые выступления печати о судьбах леса. А их было немало. И почти во всех дается множество самых разных советов, как помочь лесу, где рубить, а где нет, где и какими породами создавать лесозащитные полосы и т. п.

Книги ученого, разумеется, не претендуют на роль учебных пособий, из которых можно почерпнуть все эти знания. Их цель — ввести читателя в мир лесных проблем и помочь самому увидеть, какое решение правильно, какое нет. Именно этим целям посвящены увлекательные рассказы автора о дарах леса, о лесном хозяйстве нашей страны и многих зарубежных государств, о прошлом, настоящем и будущем лесов, о пользовании лесами и возобновлении их. В своих книгах профессор Васильев рассеивает распространенное заблуждение, что лес — бесплатный дар природы, не имеющий трудовой стоимости.

Лес и лесное хозяйство беспримерно многогранны и разнообразны. Это верно для всей земли лесной. Ее будущее зависит, конечно, в первую очередь от лесных специалистов, но не только от них. Оно в руках каждого, кто соприкасается с лесом и пользуется его дарами. Именно поэтому мы рекомендуем читателям «Огонька» прочесть хотя бы одну из названных книг.

Е. МОСКАТОВ

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

В послевоенные годы в нашу страну была заброшена группа английских шпионов. Советской контрразведкой создан из оперативных работников Комитета госбезопасности и бывших партизан отряд «лесных братьев», принявший ничего не подозревающих шпионов. Отряд обосновывается в бункерах, в лесах Латвии. «Лесными братьями» руководит бесстрашный чекист Винторс Вэтра (Лидумс). Почти полтора года «работа» шпионов проходит под неусыпным контролем наших контрразведчиков. Так начинается операция, получившая название «Янтарное море».

Читатели романа Н. Асанова и Ю. Стуритиса «Янтарное море» (см. «Огонек» №№ 1—13, 23—25, 27—29 за 1963 год) расстались с Лидумсом, когда его, завоевавшего доверие английской разведки, переправляют в Лондон.

С № 43 «Огонек» начинает печатать заключительную, вторую книгу романа — «Чайки возвращаются к берегу». В ней повествуется о пребывании Лидумса (он же Казимир) в Англии. Нелегка задача, поставленная перед ним советской контрразведкой: ему нужно изучить систему проникновения английских шпионов в нашу страну и контролировать эти тайные пути. Тяжела и трудна борьба Лидумса против умного и сильного противника, он «ведет большую и мужественную игру. Игру со смертью. Игру с одной из коварнейших разведок мира. Для него это совсем не игра. Это битва. Битва за свою Родину. Он на передовом посту».

В основу обеих книг романа положен документальный материал.

Роман иллюстрировал художник В. Вэтра, послуживший прототипом главного героя произведения.

Сергей ВОРОНИН

СКАЗОЧКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Всему виной был молодой рак по кличке Большая Клешня. Каждую ночь, выставив свои усы, как антенны, он слушал заграничные передачи. И однажды (этого следовало ожидать) узнал, будто в какой-то Западной Стране очень ценят раков. На вес золота.

— Сам, сам слышал! — восторженно рассказывал он своим приятелям.— Там нас ценят! А тут понастроили плотин, и дальше своей норы нос не высунешь. А там иди куда хочешь! Там жизнь!

Он говорил так громко и щелкал клешнями так весело, что его услышал забившийся в свою нору самый старый рак, которого звали Выживший Из Ума.

— То, что ты сказал, это точно? — спросил он, вылезая из норы.

— Клянусь старым панцирем! — воскликнул Большая Клешня.

— Ну, если старым панцирем, то, разумеется, точно,— сказал Выживший Из Ума.— Неплохо бы там пожить.

— А кто нам запретит? Пойдем — и все! Там есть где развернуться! Пошли, ребята.

Как только раки узнали, что их ценят за границей, и услыхали призыв Большой Клешни, так сразу же оживленно зашевелили своими длинными усами — а Выживший Из Ума даже подкрутил их — и тут же стали собираться в путь-дорогу. На всякий случай они взяли и старые панцири. Мало ли, пригодятся... Может, их можно продать там? Может, за границей старые панцири стоят дорого? Если там нет раков, значит, и панцирей нет!

— Фактура! Апломб! — суматошился больше всех Выживший Из Ума. У него была целая нора панцирей, потому что ему было, наверно, лет сто. А как известно, раки каждый год линяют, то есть меняют панцирь — это им ничего не стоит,— поэтому у Выжившего Из Ума было не меньше ста панцирей.

— Дед, ты мне одолжишь немного? — спросил у него Большая Клешня.— Как-никак, а ведь это я подал такую идею — перебраться за границу.

— Не слышу, о чем ты толкуешь,— прикинулся глухим Выживший Из Ума.

— Говорю, дай пяток панцирей, потом я тебе отдам! — крикнул прямо в усы старику Большая Клешня.

Почему в усы? Да потому, что у раков ушей нет. Они усами слушают. И хотя у Выжившего Из Ума были длиннющие усы, но он и на этот раз прикинулся глухим.

— Ну и наплевать на тебя! — сказал Большая Клешня.— Там нас так ценят, что и без старых панцирей прекрасно проживем! Там нас, уверен, ждут не дождутся!

— Но как же мы туда попадем? — спросил Выживший Из Ума, когда уже все старые панцири были уложены в большую двустворчатую раковину.

— Проще простого. Обычно, когда по дну ползет рыбацкая сеть, мы прячемся в норы, а теперь, наоборот, надо самим в нее лезть. А уж оттуда-то нас переправят за

Рисунки Ивана СЕМЕНОВА.

Раки-эмигранты

границу. Сами рыбаки все устроят.

— Но как же мы с ними рассчитаемся? — озабоченно сказал Выживший Из Ума.— У меня есть немного золотишка, насобирал на дне, но... самому нужно.

— Заграница рассчитается,—успокоил его Большая Клешня.—Нас там ценят!

После этих слов все стали с нетерпением ждать, когда по дну поползет рыбацкая сеть. И как только она показалась, сразу же все дружно ринулись к ней. Да, в другое время они удирали от нее, а теперь сами с удовольствием лезли. Еще бы, за границу едут! Они даже не хватали рыбаков за пальцы своими страшными клешнями, когда те выбирали их из сетки, даже не щелкали ими, а смирно сложили их на своей раковой шейке. До того смирно, что рыбаки подумали: «Уж не мертвые ли это раки попали в сеть?» Но нет, раки были как никогда живехоньки!

— Кларукомврнгурла! — сказал капитан, глядя на большую кучу черных шевелящихся раков, что означало: «Нам здорово повезло! Грузите их в ящики!»

— Видите, все идет, как надо!— радостно сказал Большая Клешня.— Нас уже кладут в ящики. Правда, тесновато будет, но зато там, за границей, будем на воле!

— Сразу же пойду в ресторан. В ночной! — сказал Выживший Из Ума.— Закажу креветочку. И никому даже клешней не позволю к ней прикоснуться!

— И мы хотим! И мы хотим креветочку! — закричали молодые.

— Спокойнее! Тише! Там на всех хватит. Это же заграница,—заверил их Большая Клешня.— Ну, сидите спокойнее, а то мне кто-то на усы наступил.

Все успокоились и стали смотреть в щели. Оказывается, их уже везли. Мелькали дома, шумели встречные автобусы. Потом потянулись зеленые поля, и грузовик свернул на летное поле.

Там уже стоял самолет.

— Ага! А я вам что говорил!— вскричал Большая Клешня.— Персональный самолет. Не так уж плохо, а? Уверен, за границей нас примут с еще большими почестями.

— Эрудиция! Интеллект!—громко сказал Выживший Из Ума и тут же в раздумье произнес: — Интересно, в озеро нас поселят или в реку? Если в реку, то больше она нашей или такая же? Если такая же, то ходят по ней пароходы или нет? Если ходят, то я опротестую!

— А что нам пароходы!—браво сказал Большая Клешня.— Это ты все по старинке мыслишь. А мы ребята модерновые, мы не собираемся сидеть в норе. Мы будем прошвыриваться. Там есть где развернуться!

— Точно! Уж мы свои раковые шейки развернем! — зашевелили усами молодые раки.

— Тише! Летим! — крикнул Большая Клешня.

И верно, они уже летели. Сначала над землей. Потом над океаном. Но ничего не видели, потому что сидели в ящиках, а ящики лежали в темном, наглухо закрытом отсеке.

Через несколько длинных-длинных часов они прилетели за границу, в ту самую Западную Страну, в которой их так любят и ценят.

— Ну вот,— сказал Большая Клешня,— теперь еще немного, и нас выпустят на волю.

— Честно говоря, я хотел бы большую-пребольшую сделать для себя нору. Я бы даже хотел для себя сделать дворец! — сказал Выживший Из Ума и выпустил на полметра глаза, удивляясь сам на свою дерзость.

— Сделаешь! — заверил его Большая Клешня.—За границей все можно! — И снова попросил пяток старых панцирей. Но Выживший Из Ума опять сделал вид, что не слышит.

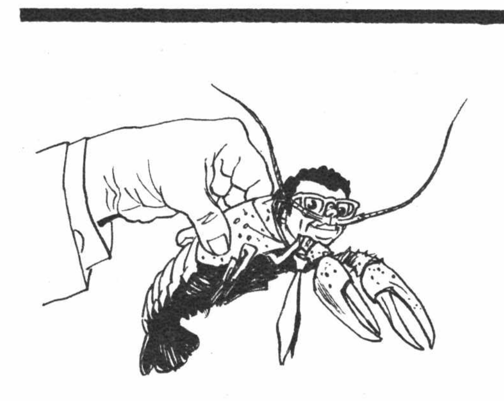
— Едем! Едем!—закричали молодые раки и припали к щелям.

Их везли шумной улицей, мимо больших витрин, мимо высоченных домов, везли к большому ресторану. И привезли.

— Ага, что я говорил! — вскричал Большая Клешня.— Не в лачугу, не в какую-нибудь хибарку, а в лучший ресторан. Тут умеют ценить нашего брата... Внимание, нас несут! Несут на руках!

И действительно, два здоровых парня, в коричневых фартуках, на вытянутых руках понесли ящик, в котором теснились раки.

— Я сразу же, сейчас же закажу креветочку... Креветиночку... Креветочечку,— сладострастно замурлыкал Выживший Из Ума.



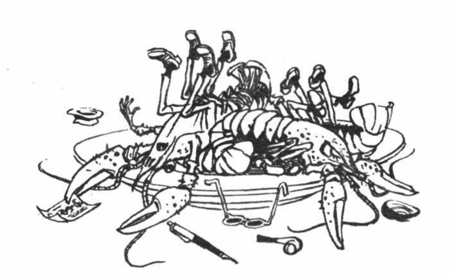
И вдруг наступил покой: это ящик опустили на подставку. И тут же открыли крышку. И сразу со всех сторон ударил яркий электрический свет. Такой яркий, что многие раки даже отвернулись. Но Большая Клешня гордо поднял свою голову.

— Пусть фотографируют!—сказал он.— Да, пусть. Здесь умеют ценить, не то что у нас на родине! — И тут же почувствовал, как что-то ухватило его за панцирь и вытащило вон из ящика. Он скосил глаза и увидал толстого человека в белом колпаке.

— Люлорукликклувззз! — сказал человек на своем языке, что означало: «Смотрите, какой здоровый рак. Он стоит хороших денег!» — и тут же бросил его в котел с кипящей водой.

— Ракаул! — только и успел крикнуть Большая Клешня и тут же покраснел от возмущения. Впрочем, не столько от возмущения, сколько от того, что сварился.

— Кокурыколтюююююррр! — сказал человек в белом колпаке, что означало: «А чего их по одному бросать. Вали всем ящиком!» И всех раков, сколько их было в ящике, бросили в котел с кипящей водой.



«Вот уж никак не полагал, что у них за границей в реках такая горячая вода»,— подумал Выживший Из Ума. И это была его последняя мысль.

Когда раки были готовы, их снесли в ресторан. И там съели.

А старые панцири, которые так заботливо везли раки, чтобы при случае повыгоднее продать, выбросили. Потому что кому же нужны старые пустые панцири! Хотя бы и за границей!

Недавно Соединенные Штаты посетила глава израильского правительства Голда Меир. Американская и израильская пресса ликующе называла этот визит «визитом дружбы». Между Голдой Меир и Р. Никсоном происходил весьма примечательный диалог по принципу «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Они не жалели слов, подчеркивая обоюдное «стремление» к миру и справедливости... Их отдельные высказывания мы решили проиллюстрировать фотографиями, кстати, выполненными американским агентством ЮПИ.

Обращаясь к Голде Меир, президент США отметил заслуги ее государства в «поддержании прочного мира на Ближнем Востоке».

1, 2

Так выглядит «поддержание мира» на Ближнем Востоке по-тель-авивски.

3

«...Отношение Соединенных Штатов к другим народам не определяется факторами физического порядка» (из речи Г. Меир).

Вот иллюстрация этого отношения США к другим народам. Снимок сделан на одной из улиц Сайгона.

4

«Мы молимся о вас,— говорит Голда Меир Р. Никсону,— думая о тяжелой ответственности, которую вы несете не только ради вашей великой страны...»

На снимке — похороны четырехсот жертв американской агрессии в Южном Вьетнаме. Нет слов, ответственность США за эти преступления весьма тяжела!..

5

«С глубоким сочувствием мы следим за вашими усилиями по обеспечению... мира во всем мире» (из выступления Г. Меир).

Эти вьетнамские юноши через несколько минут будут зверски расстреляны американскими оккупантами.

Весь мир возмущается американскими преступлениями на вьетнамской земле, угрожающими делу всеобщего мира.

6

Голда Меир пытается убедить всех в стремлении жить в мире с арабами, но при этом... «Израиль ни на дюйм не отступит и не выведет свои войска с территории, захваченных в 1967 году» (из речи Голды Меир на пресс-конференции в Вашингтоне).

Это агрессия, госпожа Голда Меир, и Израиль ведет себя на оккупированных арабских землях, как грабитель, ворвавшийся в чужой дом.

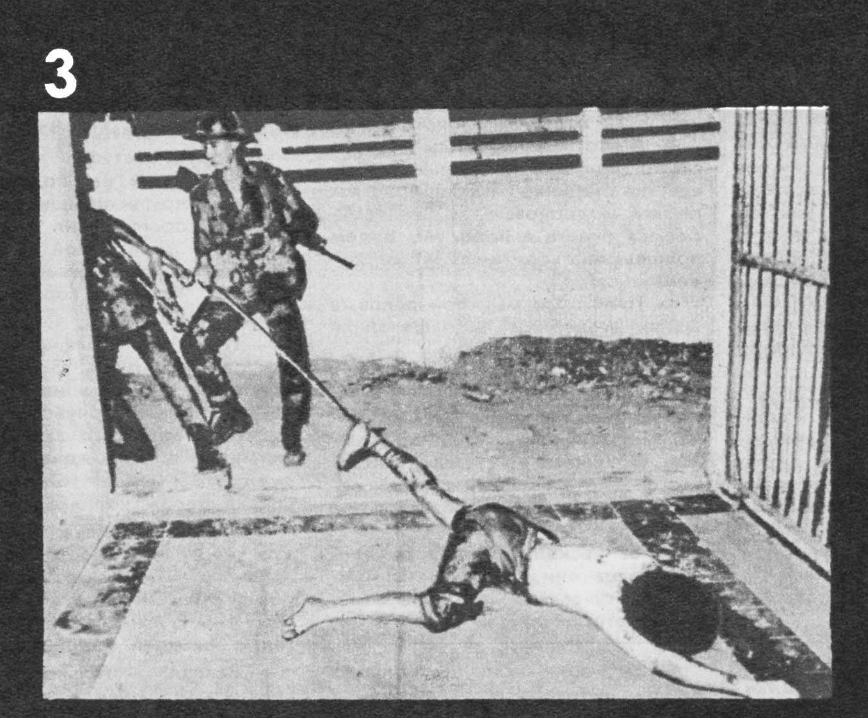
1

2

ЗА ЕЛЕЙНЫМ ДИАЛ

4

3



5

У НАС В ГОСТЯХ

И МАСТЕРСТВО И ВДОХНОВЕНЬЕ...

Он приехал к нам в редакцию минут за 30 до объявленного начала встречи, подошел к роялю и уже не отошел от него. А народ все подходил, подходил.

И Валерий Камышов начал играть.

Он играл знакомые всем нам сонаты Бетховена, затем Шопен, Лист... И хотя буквально каждая нота тут была на слуху, все чаще приходило в голову слово «импровизация». Нет, Валерий был безукоризненно точен, но какая-то необычайная эмоциональность, свежесть исполнения, полная свобода и погруженность в музыку придавали каждому произведению новое звучание, словно он его сейчас при нас заново для себя открывал. Вещь была тщательно сделана — каждая нота, каждый звук отработаны, но ясно было, что дважды Валерий ничего одинаково не играет. Казалось, что присутствуешь при рождении произведения.

Даже на основании этой недолгой встречи можно было судить и об исполнительском разнообразии и о профессиональной зрелости молодого артиста. Недавняя блестящая победа — золотая медаль на конкурсе королевы Елизаветы в Брюсселе, одном из самых трудных и серьезных международных соревнований музыкантов,— подтверждала впечатление слушателей.

А я вспоминала свою первую встречу с Валерием Камышовым. Это было в 1962 году. В Рузе, в Доме творчества Союза композиторов, группа молодых музыкантов — воспитанников Центральной музыкальной школы готовилась к предстоящему участию во II Международном конкурсе Чайковского. Любителям музыки имена этих юношей уже были знакомы. Особенно двоих — Алексея Наседкина и Валерия Камышова.

Девятнадцатилетний Валерий к тому времени был дважды лауреатом. Только за один 1961 год он завоевал первое место на Всероссийском конкурсе музыкантов, а вслед за тем второе на Всесоюзном. Успехи на конкурсах освобождали его в школе от выпускного экзамена по специальности, но предстояло сдавать общеобразовательные предметы. И Валерий засел за учебники, задачи, теоремы.

А впереди — приемные испытания в консерваторию, и тут лауреат не лауреат, а держи экзамены на общих началах. А весной 62-го конкурс Чайковского; и хотя за спиной две такие победы, мечтаешь о новой.

Выпускные экзамены в школе Камышов сдал хорошо и получил диплом и золотую медаль. Успешно он преодолел и вступительные экзамены в консерваторию. От своего школьного учителя Е. М. Тимакина перешел к профессору Я. В. Флиеру. Но, собственно, студентом Валерий не успел себя ощутить — началась подготовка к конкурсу имени Чайковского.

И снова 8—10 часов у рояля. Отрывался только для еды. Стол стоял тут же рядом, комната небольшая, развернешься на стуле — поешь, поворот — и опять занятия. Так продолжалось недели, месяцы.

И нервы Валерия не выдержали напряжения года, нервы, а вслед за тем и руки.

На конкурсе Чайковского, очень хорошо сыграв в I туре, Валерий в общем-то сорвался во II и после III, который он, собрав последние усилия, провел достойно, завоевал лишь пятую премию.

А потом наступила трагедия. Болели руки: в подготовке к трем конкурсам подряд он их «переиграл». И все существо восставало против занятий. Он ходил в консерваторию на лекции, на семинары... И вновь на лекции и на семинары... И все.

Так продолжалось два года. Все было за это время: и отчаяние, и вера, и безразличие, и вновь надежда. Вера и надежда победили. И еще победили воля и музыка. Музыка, без которой оказалась жизнь просто невозможной.

Валерий снова в полную силу начал заниматься.

Но два года простоя для музыканта не проходят бесследно. Надо было наверстывать. А где-то еще в жилах сидел страх: вдруг опять перетрудится, сорвется — ведь это уже навсегда. Но голос этот звучал все слабее, а потом и совсем замолк. Замолк на годы — до тех пор, пока не решил Валерий принять участие в конкурсе имени королевы Елизаветы.

К тому времени он уже окончил консерваторию и занимался в аспирантуре. Творчество его возмужало, окрепло, усилилась лирическая сторона его пианизма. Он успешно преодолевал увлечение техникой, виртуозностью, подчиняя их замыслу. Обострилась мелодическая выразительность, звучание наполнилось теплотой.

Но соревнование в Брюсселе очень сложное. После конкурса Чайковского, конкурса одного стилевого направления, где требовалось знание в первую очередь русской музыки, особенно Чайковского, в Бельгии — принципиальная установка на понимание разных стилей, школ, направлений.

Их приехало четверо из Советского Союза, юных, не очень опытных. А рядом испытанные конкурсные бойцы из США, Франции, Бельгии. Но все советские музыканты прошли на III тур. Впереди оставалось самое трудное — новый, неизвестный, специально написанный Концерт, на разучивание которого дается 8 дней.

И вновь 10—11 часов занятий, к тому же впервые в жизни в чужой стране. Но советская музыкальная школа и на сей раз победила. Первое место завоевала Катя Новицкая, второе — Валерий Камышов, четвертое — Семен Кручин.

С тех пор Валерий трижды концертировал в Бельгии, вызывая самый горячий, восторженный прием у публики и в прессе.

Сейчас он вновь едет туда на гастроли. А в декабре в Мадриде будут проведены концерты из цикла «Молодые виртуозы мира» с трансляцией на всю Европу. Один из них даст советский пианист Валерий Камышов.

И. ВЕРШИНИНА

Фото Л. Шерстенникова.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

Не стало нашего доброго друга, боевого литературного соратника Ильи Михайловича Котенко. Писатель, журналист, киносценарист, он всю свою жизнь, весь свой щедрый, многогранный талант посвятил рассказу о жизни Страны Советов в годы героического труда и боевой славы. Он имел на это полное право гражданина и писателя-коммуниста.

В девятнадцать лет Илья Котенко начал работать слесарем на индустриальном гиганте, заводе «Ростсельмаш». Здесь же он впервые берется за перо, чтобы рассказать о делах своих сверстников, рабочих завода.

Так начался большой журналистский путь Ильи Котенко. С 1933 года он собственный корреспондент «Комсомольской правды» на Северном Кавказе и Западной Украине.

Когда началась Великая Отечественная война, коммунист Котенко — в действующей армии, сначала рядовым стрелковой дивизии, затем командиром пулеметного взвода, сотрудником армейской газеты.

В послевоенные годы особенно широко и заметно раскрылся талант писателя и журналиста Ильи Котенко. Он по-прежнему сотрудничает в «Комсомольской правде» как разъездной очеркист и затем член редколлегии, редактор отдела литературы и искусства. Большая работа в газете не мешает ему, а способствует своей динамичностью, охватом событий дня текущего постоянно писать, оттачивать мастерство, обращаться к различным литературным жанрам. Илья Котенко пишет романы, повести, рассказы, очерки о колхозной деревне и рабочем классе.

Киноленты «Русский характер», «Подвиг Ленинграда», «Дочери России», снятые по страстным, публицистическим сценариям Котенко, полны постоянного высокого чувства, которое внутренне свойственно было нашему товарищу,— русского советского патриотизма. За кинематографическую деятельность И. Котенко был удостоен Государственной премии РСФСР.

Последние несколько лет Илья Котенко отдал работе в газете «Советская Россия», являясь членом ее редколлегии.

Наше правительство высоко оценило заслуги И. М. Котенко, наградив его орденами Красная Звезда, «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Горько и тяжело сознавать, что безвременно ушел из жизни замечательный человек, надежный товарищ, талантливый писатель и журналист.

Михаил АЛЕКСЕЕВ, Борис ИВАНОВ,
Михаил КОТОВ, Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ,
Иван СЕМЕНОВ, Анатолий СОФРОНОВ, Иван СТАДНЮК

Летом прошлого года в квартире-музее Пушкина на набережной Мойки побывал вместе со своей женой Тамарой Васильевной праправнук поэта Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов. Осматривая с ним кабинет, где умер Пушкин, мы остановились перед выставленными там дуэльными пистолетами пушкинской эпохи. Речь зашла о неясной до сих пор судьбе подлинных пистолетов, привезенных Пушкиным и Дантесом на Черную речку в день роковой дуэли.

Где находятся теперь дуэльные пистолеты Пушкина, неизвестно. Дуэльные же пистолеты Дантеса сохранились и в 1937 году показаны были на Парижской пушкинской выставке. Но затем вновь куда-то исчезли. Георгий Михайлович сказал мне в тот день, что ему удалось все же напасть на их след, что он, собственно, знает уже почти наверняка, где находятся пистолеты Дантеса, и надеется в скором времени увидеть их собственными глазами.

Г. М. Воронцов-Вельяминов с детства живет во Франции, по специальности он инженер, но давно с увлечением и любовью изучает жизнь и творчество Пушкина. Хранившуюся в его семье пушкинскую реликвию — печатку Натальи Николаевны — праправнук Пушкина и его супруга подарили музею, и ее можно увидеть теперь в последней квартире Пушкина на столике Натальи Николаевны.

Я обратился тогда к Георгию Михайловичу с просьбой не откладывать по возвращении во Францию своих розысков; между нами началась связанная с этими поисками переписка, и недавно праправнук поэта, которому удалось действительно обнаружить и сфотографировать пистолеты Дантеса, прислал мне свой очерк «Роковое оружие», рассказывающий, где они теперь находятся.

Пистолет, не дрогнувший в руке Дантеса, принадлежал, как стало известно век спустя после дуэли, Баранту. Тому самому Эрнесту Баранту, который был, таким образом, косвенно причастен к дуэли Пушкина, а три года спустя (надо добавить к сказанному в очерке) вызвал на дуэль Лермонтова и в полдень 18 февраля 1840 года стрелял в него,— но, к счастью, промахнулся.

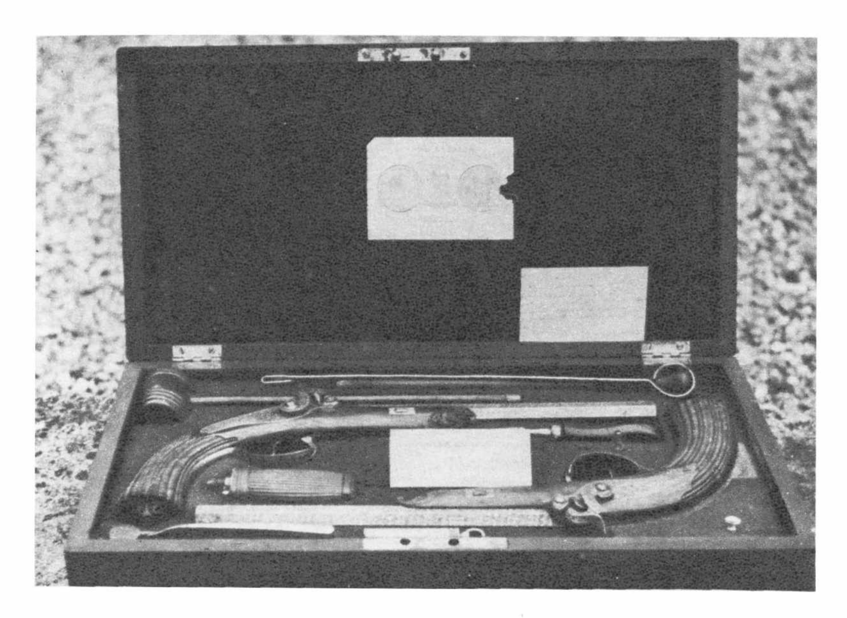
Черта удивительная, историческая! Лермонтов сам сравнивал, мы знаем, в резких выражениях Эрнеста Баранта с Дантесом...

Интересный очерк, который праправнук поэта выразил желание напечатать на страницах «Огонька», не ставит задачей новое освещение дуэли Пушкина, но представляет, мне кажется, живой интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Илья ФЕЙНБЕРГ

РОКОВОЕ ОРУЖИЕ

Г. ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ



Дуэльные пистолеты Дантеса. Фото автора. 1968 год.

К столетию гибели Пушкина в 1937 году в Париже открыта была в парадной зале Плейель выставка, посвященная траурному юбилею.

Все, что только можно было собрать за границей, повсюду, куда судьба забросила русских людей, из семейных реликвий, из частных коллекций, из зарубежных книгохранилищ, касающееся Пушкина и его эпохи, заполнило 22 витрины выставки: первые издания произведений, журналы и альманахи того времени, картины и гравюры, фарфор, бронза, хрусталь. Особый интерес представляли собой пушкинские автографы, принадлежащие С. Лифарю, среди них — десять писем поэта к его невесте (1830 г.).

В отдельной витрине помещался ящик с двумя пистолетами, служившими на дуэли Пушкина с Дантесом. Они выставлялись впервые. 27 января 1837 года одним из них был смертельно ранен Пушкин.

Мне не удалось побывать на парижской пушкинской выставке 1937 года. Тогда я жил в провинции и узнал о пистолетах по рассказам моего отца, по печатным отзывам и каталогу.

В статье пушкиниста М. Гофмана, помещенной в каталоге выставки, сообщалось, что пистолеты эти одолжил виконту д'Аршиаку, секунденту Дантеса, Эрнест де Барант, сын французского посла при русском дворе. После Барантов они перешли в семью Шательперонов, один из представителей которой и предоставил их для выставки.

После войны мне посчастливилось побывать несколько раз в Советском Союзе, откуда я выехал еще ребенком, посетить пушкинские места и музеи Москвы и Ленинграда, побывать на месте дуэли и поклониться могиле поэта. Часто вспоминал я о пистолетах, и вот в прошлом году случай неожиданно навел меня на их след. У общих знакомых я встретил одну русскую, жену француза. Разговор зашел о Пушкине. Увидя, как все, что его касается, меня волнует, она спросила:

— А знаете ли вы, где находятся пистолеты, бывшие на пушкинской дуэли?

— Кажется, знаю. Та пара, что привез д'Аршиак, находится в Париже у потомков Баранта.

— Вот и ошибаетесь,— улыбнулась она.— Они действительно им принадлежали, но были проданы. Их купил владелец частного музея, посвященного истории почты, который находится на берегу Луары, около Амбуаза. Мы с мужем там их видели. Чтобы как-то связать их с темой своего музея, владелец выставил их с надписью: «Пистолеты дуэли поэта Пушкина (автора «Станционного смотрителя») с Дантесом».

Я записал название местечка.

Случай увидеть эти пистолеты представился мне в ноябре 1968 года, когда мы с женой собрались отдохнуть неделю на берегах Луары, в этой части Франции, которую мы особенно любим, не только за ее волшебные замки, но и за широкую реку с песчаными отмелями, за мягкость природы. Недаром ее называют «садом Франции».

Позавтракав в местечке, где мы остановились с женой, отправляемся в Шомон, где нам указывают дальнейшую дорогу: мост через Луару, затем направление на Тур. Через одиннадцать километров въезжаем в Лимрэ — цель нашей поездки.

Справку дает хозяин бензоколонки:

— Как же, здесь музей почты. Он принадлежит мсье Пьеру Полю. Только музей закрыт. Посетителей мало. Конечно, хозяин — человек состоятельный, но все же решил зря на содержание музея денег не тратить... Вы его проехали. Возвращайтесь на дорогу, что вдоль реки. Он в двухстах метрах налево...

Перед нами старинное низкое здание в плюще. На трубе флюгер, изображающий дилижанс. Калитка закрыта. По узкой дорожке обходим сад. В глубине деревенский дом. В огороде копает грядку старый садовник. Зову его и прошу передать владельцу визитную карточку, где пишу о цели посещения, указывая, что я потомок Пушкина.

Вскоре из глубины сада подходит владелец имения, пожилой невысокий мужчина в кепке и брюках-гольф, которые теперь — и то редко — носят в деревне джентльмены-фермеры.

Сразу после знакомства следует уточнение:

— Не думайте, что Пьер Поль — это двойная фамилия. Фамилия моя Поль, Пьер — это имя.

Музей находится в помещении бывшей почтовой станции. Началось с того, что г-ну Полю случайно попалось несколько вещей, связанных со старинной конной почтой. Он мало-помалу пристрастился к истории почты и стал собирать коллекцию, теперь занимающую несколько комнат и бывший каретный сарай. По его словам, музей его во многом богаче парижского музея почты.

Осматриваем экспозицию. Форейторские ливреи, сапоги, шляпы, парики (у форейторов — из пеньки, а у станционных смотрителей — из конского волоса), сбруя, кнуты (один из них с пистолетом, скрытым кнутовищем, так как форейторы не имели права носить оружие), громадный дормез, модели дилижансов, книга с расписками Бонапарта (в получении товаров для армии), стремена Людовика Филиппа, старинные гравюры и картины.

Наконец, заветная витрина. Г-н Поль отпирает стеклянную пыльную дверцу — и драгоценный ящик у меня в руках. Пистолеты в отличной сохранности. В углублениях лежат шомпол, молоток, пороховница и другие принадлежности. В угловой коробочке три большие пули. Беру в руку один из пистолетов. Он кажется тяжелым. На внутренней стороне крышки наклейка с маркой пистолетов: «Карл Ульбрих, Дрезден. Оружейный мастер арсенала.— В «Оружейном дворе».

Невольно вспоминается шестая глава «Онегина»:

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули
И щелкнул в первый раз курок.

Но дальше описание поэта расходится с трагической действительностью. Дуэльные пистолеты Пушкина и Дантеса были с пистонами. Поэтому на Черной речке «зубчатый, надежно ввинченный кремень» не был взведен и «порох струйкой сероватой» не сыпался на полку.

Известно, что пистонные пистолеты были изобретены в 1808 году. С 1831 года их стали вводить во французской армии. В примечаниях к «Евгению Онегину» Пушкин пишет: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю». Было рассчитано, что дуэль Ленского с Онегиным происходила 14 января 1821 года (по старому стилю), и Пушкин вложил им в руки кремневые пистолеты. Пистонные пистолеты, повидимому, в то время еще не были распространены в России. Ко времени пушкинской дуэли они уже вошли в употребление.

Так как в музее темно, выносим ящик на двор для фотографирования. Спрашиваю, не согласится ли г-н Поль продать пистолеты, но получаю отрицательный ответ. Их уже пытались купить потомки Дантеса и С. Лифарь, но хозяин ими дорожит и расстаться с ними не хочет. Весь свой музей он собирается принести в дар городу Амбуаз. Город купил и реставрировал старинный особняк эпохи Ренессанс, в котором его можно хорошо разместить. Нужно только, чтобы Генеральный совет департамента отпустил средства на его устройство и обслуживание.

При ящике с пистолетами имеется фотография с портрета посла Баранта и карточка, сообщающая их происхождение, написанная их бывшим владельцем:

«Эти пистолеты принадлежали барону Эрнесту де Баранту, дипломату, который их одолжил своему другу г-ну д'Аршиаку, во время дуэли Пушкина с г-ном Дантесом. Г-н д'Аршиак был одним из секундантов. Они были отданы полковнику де Шательперону в 1884 году бароном де Барантом, братом барона Эрнеста.

Париж, 1-го мая 1920 г.
Полковник де Шательперон».

Кто такие Шательпероны? Почему пистолеты перешли к ним от Баранта? Почему они были проданы?

Вернувшись в Париж, ищу Шательперонов в телефонной книге. Их там значится трое. Звоню первому из них.

— Конечно, помню эти пистолеты. Они принадлежали моему отцу. Я любил их рассматривать, когда был ребенком. Он продал их, по-видимому, в трудное для него время. Если вам хочется знать о них подробней, позвоните моей родственнице, маркизе де Рокморель. Она вам сможет о них сказать больше, чем я. Вот ее телефон...

Тут же звоню маркизе, объясняю, в чем дело, и прошу ее не отказать меня принять. Она охотно соглашается и обещает предварительно расспросить подробности у своей матери.

Вот что я узнал от нее через несколько дней.

Амабль Гийом Проспер Брюжиер де Барант (1782—1866), известный историк, член французской академии, был назначен послом при русском дворе в конце 1835 года. Напомню, что Пушкин общался с ним, изучал его исторические труды, упоминал его в своих статьях и обменялся с ним письмами. Посол был женат на Марии Жозефине д'Удето, женщине весьма набожной, основавшей в Париже женский монастырь, в пансионе которого воспитывалась моя собеседница.

Младший же сын посла, Эрнест де Барант, родившийся в Париже 22 апреля 1818 года и умерший в Ванв 18 сентября 1859 года, был тот самый Барант, который одолжил пистолеты д'Аршиаку. Не знаю, имел ли он в 19 лет официальное положение при французском посольстве в Петербурге, где подолгу жил со своим отцом, но впоследствии служил, как и отец, дипломатом, чем и объясняется указание записки, имеющейся при пистолетах, что они «принадлежали барону Эрнесту де Баранту, дипломату».

Эрнест был шармером, покорителем множества женских сердец. Он слыл заблудшей овцой семьи, и поведение его вызвало множество отчаянных писем его добродетельной матери.

Женат Эрнест не был, и после его смерти пистолеты перешли сначала к его старшему брату, Просперу, а затем в семью его сестры, урожденной де Барант, которая была замужем за Шательпероном. То, что Проспер не оставил их одному из своих сыновей, объясняется тем, что Луи де Шательперон был в отличие от них военным.

Маркиза де Рокморель, давшая мне эти сведения, является праправнучкой барона Баранта, французского посла в Петербурге.

Желая узнать больше подробностей о продаже пистолетов, я еще раз встретился с Зоей Сергеевной Гибéр, впервые рассказавшей мне о них.

В 1937 году ее отец был одним из организаторов памятного пушкинского собрания в Париже в зале Иена, и ей пришлось помогать ему в этом деле.

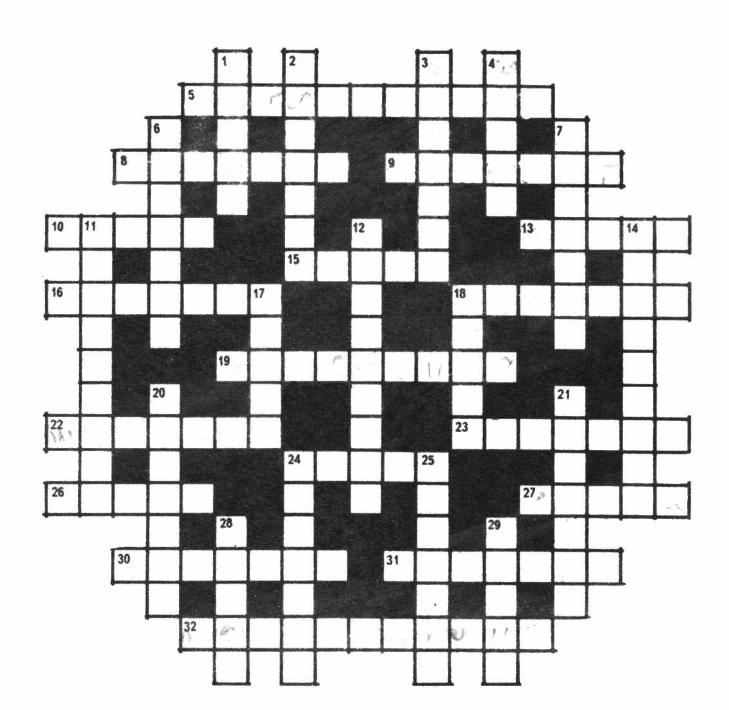
Она член «Общества Леонардо да Винчи», и в 1955 или 1956 году ей случилось быть на обеде в замке Кло-Люсе, около Амбуаза, где Леонардо да Винчи провел последние годы своей жизни и где он умер. За столом речь зашла о России, и хозяин или кто-то из гостей сообщил ей, что пистолеты, служившие при дуэли Пушкина, должны быть проданы с аукциона в Париже. Вернувшись в Париж, она направилась в залу Друо и видела их среди вещей, назначенных к продаже.

Времени оставалось мало. Желая, чтобы пистолеты перешли в русские руки, она оповестила несколько лиц об аукционе, но все, к сожалению, отнеслись к ней скептически: «А не ошибаетесь ли вы?», «А подлинные ли это пистолеты?», «Они пойдут за баснословно высокую цену».

Желая узнать судьбу реликвии, она все же отправилась в залу Друо, но опоздала: пистолеты были уже проданы в начале распродажи за гроши, «кажется, за 70 000 старых франков».

Ей тогда не удалось узнать имя покупателя. Только лет десять спустя она случайно обнаружила пистолеты в музее почты на берегу Луары, в Лимрэ.

Париж.



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Изобретатель ранцевого парашюта. 8. Центр Закарпатской области. 9. Украшение. 10. Действующее лицо пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость». 13. Марка советского автомобиля. 15. Журнал для молодежи. 16. Польский танец. 18. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 19. Государство в Южной Америке. 22. Небольшое плоскодонное судно. 23. Южное плодовое дерево. 24. Роман Б. Пруса. 26. Металл. 27. Союзная республика. 30. Лабораторный сосуд. 31. Созвездие северного полушария неба. 32. Часть элементарной геометрии.

По вертикали: 1. Приток Иртыша. 2. Порт в Бразилии. 3. Картина с объемным первым планом. 4. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 6. Курорт в Армении. 7. Верхний полуэтаж. 11. Сплав металла с ртутью. 12. Морская промысловая рыба. 14. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 17. Главная артерия. 18. Река на Северном Кавказе. 20. Русский историк. 21. Озеро в США. 24. Гонки на автомобилях малых размеров. 25. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 28. Движитель ракет и реактивных самолетов. 29. Русский композитор XVIII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 7. Некрасов. 8. Дагестан. 9. Амплитуда. 10. Луга. 12. Плащ. 13. Сопка. 15. Лоцман. 17. «Старик». 18. Акробат. 21. Реверс. 22. Нарзан. 23. Брамс. 25. Уаза. 26. Азия. 27. Балластер. 29. Коненков. 30. Оренбург.

По вертикали: 1. Беркутов. 2. Ваза. 3. Корпус. 4. Радуга. 5. Вена. 6. Барбарис. 11. Атмосфера. 12. Платформа. 14. Пилотка. 16. Нюанс. 17. Сатин. 19. Медальон. 20. Канистра. 23. Балкон. 24. Сатурн. 27. Банк. 28. Рени.

На первой странице обложки: Тамара Теверек — секретарь комсомольской организации отделения «Советская Тува» в совхозе «Тоора-Хемский» (см. в номере очерк «Родина Енисея»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Одесса. Потемкинская лестница.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00419. Сдано в набор 29/IX 69 г. Подп. к печ. 7/X 69 г. Формат бумаги 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2060. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2627.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЦВЕТЫ НА АСФАЛЬТЕ

Г. МАКАРОВ,
Д. УХТОМСКИЙ

Фото авторов.

Аркеш Хусаинов — один из лауреатов конкурса.

Серую броню асфальта пробил нежный зеленый росток, а вот уже и золотая капля цветка вспыхнула под солнцем...

Тысячи забот повседневности целиком захватывают человека, и мы порой не то чтобы равнодушно, а просто не замечая проходим мимо этого чуда.

Утром одного из воскресных дней асфальтовая площадка перед театром имени Абая в Алма-Ате покрылась яркими и нежными соцветьями, которые не могли не привлечь внимания прохожих.

Конкурс детского рисунка на асфальте под девизом «Я вижу мир» привлек сюда сотню участников и тысячи зрителей. Работы юных художников были чрезвычайно разнообразны как по тематике, так и по манере исполнения. Многие из них отличались ясностью идеи, четким композиционным решением и непосредственным чувством цвета.

Организатор конкурса — редакция пионерской газеты «Дружные ребята».

Жюри во главе с заслуженным деятелем искусств Казахской ССР В. Антощенко-Оленевым наградило победителей ценными подарками. Среди лауреатов конкурса — Маша Соколова, Жанар Сарсенбаев, Нина Грицевская, Аркеш Хусаинов и многие другие школьники.

Первое интервью.

Последний штрих.

Яркий, динамичный рисунок Аркеша Хусаинова пользовался неизменным успехом.

Жюри официальное и добровольное.

Не член жюри.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.